

KATSER

РАКЕЛЪ

UBI MANUS CADIT OCULUS REGNANT

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Akat Katser

Ракель

«Автор»

2025

Katser A.

Ракель / А. Katser — «Автор», 2025

В мире, где власть больше не принадлежит людям, а распределена между Чёрными сетями — Ракель, Манус и Унда — подростки не растут. Их дрессируют, калибруют, делают киллерами. В сердце этой системы — улицы, где убийство называется задачей, боль — этапом подготовки, а имя — заменимо. Это антиутопия, в которой ты слышишь истории тех, кто оказался внутри. Кто говорил на языке, который запрещён, носил знаки, которые стирали, и подчинялся правилам, которые писали не для них. Здесь прошлое можно забыть, но нельзя избежать. Время застыло. Сирены заменяют часы. А будущее принадлежит тем, кто готов убивать раньше, чем дышать. Ракель — для тех, кто не боится взглянуть на детей, превращённых в солдат, и спросить: кто это сделал и зачем?

© Katser A., 2025

© Автор, 2025

Содержание

Пролог	5
Часть I	7
Глава 2	13
Глава 3	22
Глава 4	30
Глава 5	35
Глава 6	40
Глава 7	48
Глава 8	52
Глава 9	58
Глава 10	64
Глава 11	72
Глава 12	77
Глава 13	83
Глава 14	90
Глава 15	93
Глава 16	99
Конец ознакомительного фрагмента.	101

Akat Katsер

Ракель

Эта книга — мультиперспективное повествование. Рассказ ведётся от разных лиц — об этом указано в начале каждой главы. Такой приём нужен для того, чтобы показать внутренний мир каждого ключевого героя: их страхи, травмы, выборы, саморазрушение. В книге показаны фрагменты детства некоторых персонажей — потому что понять, кем человек стал, можно только увидев, кем он был.

Книга написана очень молодым автором и отражает тот этап творчества, который уже не повторится. Поэтому стиль, ритм, акценты могут отличаться от того, что я пишу сейчас.

В тексте присутствует ненормативная лексика. Она не ради эпатажа, а потому, что герои — подростки и молодые люди, выросшие на улицах, в преступных группировках, в мире, где литературный язык был бы ложью.

Также в книге есть латинские фразы — это запрещённый язык, маркер принадлежности к закрытым структурам. Перевод всех выражений приведён в сносках.

В книге изображены сцены насилия, незаконное употребление наркотических веществ, преступные действия, морально тяжёлые эпизоды.

Автор не оправдывает происходящее. Любые совпадения с реальными людьми или событиями случайны.

Пролог

— Выстроились. Жить надоело?

Белый свет бил по глазам, как в операционной или в психиатрическом блоке. В центре зала стоял мужчина — высокий, сухой, седой, с холодными голубыми глазами. Ему было под шестьдесят. Голос жесткий, отточенный, без единой лишней интонации. Перед ним выстроились подростки от двенадцати до восемнадцати. Они стояли ровной линией, не двигаясь и не издавая ни звука. Под ногами трескалась плитка, кое-где виднелась засохшая кровь и валялись стеклянные осколки. Кто-то стоял босиком, кто-то в обуви не по размеру, но глаза у всех были одинаковые — пустые, словно в них давно никто не жил, остались только правила и цель.

— Не забывайте, для чего вы здесь, — сказал он уже тише, почти переходя на шипение. — Вы солдаты. Вы хотите стать элитой, профессиональными убийцами, теми, кого даже камеры не видят и волки не слышат.

Он говорил так, будто это великая честь, будто у них был выбор. На самом деле это был чистый блеф — большинство попало сюда не по своей воле, и многие вообще не хотели становиться частью такой грязной и глубокой жизни. Но выбора уже не осталось. И существовали ли он когда-либо?

Он замолчал и медленно пошел между рядами.

— А вы кто?

Он остановился у первого мальчика в строю, тот не шевелился. Смотреть в сторону здесь было запрещено — за это могли выбросить на улицу, где опасность подстерегала на каждом шагу, страшнее, чем в этих стенах. Тебя могли сделать ненужным даже для бродячих собак, и сделали бы это так, что ты сам начал бы молиться, чтобы тебя забрали обратно.

— Вы же мусор, — его голос стал еще тише. — Вас никто не любит, вы никому не нужны. Родители? Кто-то их никогда не видел, а кто-то видел и пожалел об этом. Они вас забыли, забили на вас, колются и бухают, только бы не вспоминать, что у них есть вы.

С первых же дней здесь учили не чувствовать — плакать было строго запрещено, даже без слез, даже внутри себя. Особенно тем, кто только попал сюда и у кого еще оставались осколки памяти и привычный страх.

— Вы едете в Ревикс, и там вам не жить. Здесь, по сравнению с тем местом, просто тепличные условия. Здесь вас хотя бы кормят. Здесь у вас пока еще есть кожа и свое мнение.

Он резко остановился, заметив мальчика лет двенадцати. Тот едва дышал, глаза опухли и покраснели от слез, но лицо уже было мертвым.

— Выведи его, — кивнул он парню чуть постарше, стоявшему вне строя.

Тот подошел без единого слова и рывком вытолкнул мальчика вперед. Мужчина тут же схватил ребенка за плечо, резко дернул на себя, взял за подбородок и начал медленно поворачивать его лицо к строю, держа, как куклу.

— Вам перережут глотки за такие глаза, — сказал он отдельно, почти по слогам. — Вы сдохнете где-нибудь в уличном сортире, и там никто не придет на помощь. Там от слабости не лечат, там от нее избавляются.

Он оттолкнул мальчика — тот еле удержался на ногах и тут же встал обратно в строй, даже не пискнув.

— Вы едете в Ревикс. Вы вступаете в Ракель. И вы навсегда забываете, кем были до этого. А тот, кто пойдет против правил, — будет мертв.

Часть I

Глава 1

Рассказ от лиц: Виана / Автор

«Когда ты — никто, перемены приходят в форме чужого хода. И неважно, был ли ты готов — тебя всё равно двинут вперёд.»

Я ничего не помню — совсем. Полтора месяца назад меня выписали из больницы с диагнозом: ретроградная амнезия. Я не знаю, почему это случилось. Отец говорит — автокатастрофа. Говорит, что мне стоит быть благодарной за то, что выжила, ведь мой брат Ноур погиб. По словам мамы, он был старше меня на двенадцать лет. Я не помню его — ни лица, ни голоса, ни даже ощущения, что он когда-то был рядом.

Отец почти не разговаривает со мной с тех пор. Иногда мне кажется, что он меня ненавидит. Как будто всё внутри него кричит: выжил не тот человек. Я пыталась поговорить с мамой наедине. Хотела узнать хоть что-то — о себе, о брате, о том, что действительно произошло. Но отец всегда был рядом. Он следил. Он слышал каждое слово. Мама не могла говорить при нём — будто язык сам прилипал к нёбу. Когда я заводила разговор об аварии, она иногда шептала — быстро, испуганно, срываясь, как будто пыталась уместить всё в несколько секунд. Но стоило отцу вмешаться — всё обрывалось. Он кричал. Мама сжималась, замолкала, уходила. Самого отца я почти не видела. Он постоянно работал — днём, ночью, иногда даже сутками. Когда возвращался, ложился спать, даже не сказав «здравствуй». Спал мало, но, как говорит мама, именно он обеспечивал семью. Она не работала. Часто пила. Сама, на кухне, поздно вечером — напротив фотографии брата. Фотография старая, потёртая в небольшой чёрной рамке. На ней Ноур — нахмуренный, в чёрной шляпе, с ледяными глазами, которые светились сквозь чёрно-белую плёнку. Она смотрела на него долго, иногда что-то бормотала себе под нос — будто просила прощения и ждала ответа. Я старалась не мешать, но однажды не выдержала и спросила:

— Расскажи мне о нём.

Она ничего не сказала. Только открыла ящик и выложила таблетки.

— Виана, выпей, — ответила тихо.

Каждое утро начиналось одинаково: белая банка с жёлтым этикетом, два блистера, серые таблетки без названия. Мама говорила — они помогают вспомнить. Отец называл их «комплексом для восстановления когнитивной функции после травмы». Иногда после них сердце начинало биться чаще. Иногда казалось, что в комнате пахнет гарью — хотя никакого запаха не было. Может, это и были воспоминания. А может, что-то другое.

Об обучении я не могу сказать ничего — всё забыла. После выписки из больницы я ещё ни разу не появлялась в учебном заведении. Я даже не уверена, училась ли вообще когда-либо.

Мы с семьёй живём в городе Люмер. Мрачном, туманном, будто выцветшем изнутри. Я не помню, бывала ли на улице раньше. Возможно, да — но теперь воспоминания не слушаются. Я провожу дни у окна. Люмер сер и равнодушен. Его улицы покрыты сыростью, асфальт глотает шаги, а дома — свет. Каждое утро я наблюдаю за ним — как за странным, угрюмым существом. Дождь, туман, холод — это всё, что я вижу.

Рассказ от лица: Автор

Время в этом городе остановилось.

Уже больше пяти лет часы на центральной башне стоят на 3:14 —бесконечный цикл, сбой, на который давно махнули рукой. На часах остановилось не только время — остановилась сама необходимость его знать. Люди перестали носить наручные часы. Будильники больше не заводили. Настенные часы снимали со стен — и выбрасывали. Время больше не принадлежало им. Жители шепчутся: это — дело рук вышестоящих в чёрных сетях, структуры, не имеющей официального статуса, но правящей Люмером из тени.

Когда не знаешь, какое сейчас время суток, — труднее планировать, труднее сопротивляться, труднее в общей сложности думать. Сеть знала это. И именно она распоряжалась временем вместо людей. Но люди приспособились. Они научились распознавать утро не по свету (его в Люмере почти не бывает), а по сирене — пронзительной, металлической, изрыгающийся на весь город примерно в шесть утра. Её вой раздирает воздух на минуту — достаточно, чтобы прогнать сон, вогнать тревогу в кости и напомнить: день начался. После sireны звучит стандартное сообщение, без эмоций и лишних слов:

«Внимание, граждане города Люмер. Требуется немедленно покинуть зоны отдыха и приступить к выполнению своих обязанностей.»

Так просыпается город. Так просыпаются и его дети. Ученики школ, суворовских училищ, колледжей. Те, кто ещё способен чему-то учиться. А днём — вторая сирена, уже без слов. Её звук мягче, и не так режет уши. После него дети возвращаются домой. Старшие — по своим внутренним графикам. На рабочих местах звучат свои сигналы, не всегда точные. Когда-то рабочие уходят раньше. Когда-то позже. Когда-то не возвращаются домой вовсе. А потом — последняя. Когда уже темно и неважно, сколько на самом деле времени. Кто-то считает её сигналом отбоя, другие — принудительным окончанием всех работ, приказом вернуться домой, исчезнуть с улиц. Но именно после этой sireны улицы оживают. Слышится больше шагов — не домой, а в неизвестность. В переулки, под арки, в подвалы и крыши. Туда, где нет расписания. Туда, где начинается настоящее обучение.

В Люмере нет смысла мечтать о службе в милиции. Правоохранительные органы здесь слабы, почти не функционируют. Штат пустеет с каждым годом. Люди говорят: дело в зарплатах. Всё, что зарабатывает город, уходит либо в медицину, либо в неизвестность. Из всех профессий чёрная сеть Люмера ценит только одну — медицину. Всё остальное не имеет веса. При этом больницы никогда не были переполнены. Машины скорой помощи почти не ездят. В приёмных — тишина, будто там не лечат, а ждут команды. Врачи были важны не для спасения, а для задач самой сети. Именно этим и объяснялась их высокая зарплата — за молчание, за услуги, за участие в том, что не вписывается в понятие «лечить». Большинство из них занимались этим втайне, с холодной точностью, и даже гордостью. Хотя милиция в Люмере не пользовалась уважением, дети, обучающиеся в суворовских училищах, вызывали почтение у самой сети. Ведь из них мог вырасти либо надёжный солдат чёрной структуры, либо — в худшем случае — очередной ненужный милиционер. Если ты не врач — работать в Люмере невыгодно. Многие уезжают. Правда, особого выбора — куда ехать — у них нет. В Люмере не производят паспорта. Тем, кто работает в медицине, выдают специальную карту — на ней нет ни имени, ни фамилии. Только пометка:

«Почётный гражданин и рабочий города Люмер»

Тем, кто работает в других сферах, выдают карту попроще:

«Гражданин города Люмер»

А тем, кто не работает — не выдают ничего. Безработный не считается гражданином. Он пустое место. Без карты нельзя ни оформить жильё, ни покинуть город. Ты не существуешь. С

этими картами можно уехать только в Ревикс, Фиксвелл или остаться в Люмере. Другие города тебя не примут. Если попытаешься — задержат, допросят. Ты даже не сможешь сесть на поезд, чтобы уехать куда-то ещё. Это — замкнутая система. Жить здесь — значит быть частью неё. А не быть — значит не жить.

Некоторых граждан распределяют в Ревикс — город крупнее, мрачнее, но с более высоким заработком и углублённой системой обучения в тех областях, что важны для этих забытых территорий.

Неподалёку находится город Фиксвелл. Его имя почти не произносят. О нём мало что известно — ни в газетах, ни в документах. Но ходят слухи: он крупнее Люмера. Зарплаты там выше. Но всё равно опаздывает от Ревикса.

И всё это — далеко от столицы. Настолько далеко, что некоторые регионы страны даже не знают об их существовании. Говорят, правительство считает эти города заброшенными. И, возможно, в чём-то оно право. Жалобы отсюда не поступают. Газеты выходят редко, а если и выходят — в них пишут разве что о том, что в ларьке появился молочный шоколад и теперь на витринах будет не только чёрный. Города не тревожат государство. Государство не тревожит их. Иногда создаётся ощущение, что даже само правительство не верит в их реальность. А ведь отсюда давно никто не уезжал. Сети этих городов знают: даже если начать выдавать паспорта — настоящие, полные, с правом на выезд — люди всё равно не покинут эти места.

Потому что человек, привыкший к порядку, всегда посчитает хаос — безумием.

Называть Люмер порядком — громко сказано. Хотя все граждане именно так и считали. На самом деле, здесь хаос мимикрирует под порядок. Прячется за сиренами, картами, расписанием. За однотипными днями, в которых нет свободы, но есть контроль. И люди к нему привыкли. К суровому ритму, регламенту, правилам. Настолько, что всё, что выходит за пределы — даже свобода — кажется им страшным.

Рассказ от лица: Виана

Сегодня я снова проснулась по сирене. Мне, по сути, не нужно просыпаться — я никуда не хожу. Отец запрещает. Мама следит. Но всё равно — после сигнала подъёма не сплю. Смотрю в потолок. Слушаю, как по трубам течёт вода. Иногда мне кажется, будто я в тюрьме. Только без решёток, без суда, без объяснения, за что.

Квартира у нас большая. Даже слишком — как для тех, кому нечего делать. Хорошая мебель, много еды. Телевизор — почти не глючит. Только смотреть в нём нечего. Иногда показывают шахматистов — с одинаковыми лицами и безэмоциональными глазами. Новости: об успехах медицины в Люмере. Репортажи о суворовских училищах. О детях, которые «оправдывают доверие». И снова — бесконечные фильмы про медицину, операции, успехи. Как будто это единственное, что ещё имеет здесь смысл.

В гостиной — самая большая комната — висит портрет Ноура. Он другой. Не как в маленькой рамке на кухне. Этот — официальный, почти на всю стену. Он снова в чёрной шляпе. Сидит в тёмном кресле с резными подлокотниками. Спокойный, хищный. Как будто не позирует — а командует. Рядом с ним — низкий столик с шахматной доской. Сзади — ещё одна картина. В золочёной рамке. На ней странный символ: ладонь с шестью пальцами, внутри которой глаз без зрачка, а вместо него — тонкая изогнутая линия, похожая на волну. Под символом выгравировано: АІА. На этом портрете я лучше его разглядела. Левый локоть — на подлокотнике, почти над доской. Пальцы направлены вверх. Правая рука — на второй ручке кресла. Он улыбается, но не тепло. На безымянном пальце — массивный перстень, там явно есть гравировка, но разглядеть её невозможно. Рубашка, пиджак, чёрные брюки. Нога закинута на ногу. Он выглядит как человек, который уже выиграл. Я стояла так ещё некоторое время, не отводя взгляда от портрета. Единственное, что нас с братом роднило — это глаза. Голубые,

как у отца. На портрете Ноур выглядел так, будто принадлежал другому городу. Богатому, значимому. Уверенный, дорогая одежда, поза — будто он был важным человеком. Возможно, врачом.

Под портретом тянулась длинная тумба вдоль всей стены. На ней — несколько шахматных досок. Каждая со своими фигурами. Обычные, золотые, и странные — вырезанные в форме маленьких деревянных людей. Главное — не перепутать, где конь, а где слон. Наверное, Ноур в этом разбирался. Среди всего прочего на тумбе лежал кулон. Голубоватый, точно такой же, как у меня. Я почти никогда не придавала ему значения. Но однажды спросила у матери, откуда он у меня.

— Вы с братом захотели одинаковые. Когда ты была помладше. Как символ крепкой семьи, — сказала она.

После этого она не раз просила меня не снимать кулон.

— Он должен напоминать тебе о брате, — добавляла тихо.

Ещё на тумбе стояла небольшая шкатулка с ключевым отсеком. Если потрясти — внутри что-то звенит. Похоже на бижутерию. Возможно, Ноур очень любил украшения. Перстни, подвески, браслеты. И, может быть, поэтому не отказал мне, когда я захотела с ним одинаковый кулон. Но главное — шляпа. Та самая, из портрета. Чёрная, с жёсткими полями. Наверное, в квартире есть и другие, но именно эта шляпа лежала здесь, как часть мемориала. Недалеко от неё, рядом с вазой, в которой стояло две искусственных роз — красная и белая, выцветшие, — лежала тетрадь. На обложке — тот же символ, что и на картине за креслом на портрете Ноура. Только теперь — без глаза, без волн. Лишь пустая, открытая ладонь. А внутри неё — большими, золотистыми буквами написано: НОУР.

Я открыла тетрадь. Надеюсь найти там что-то о нём. О нас. О прошлом. Но внутри — только формулы. Математические, физические. Непонятные мне расчёты. На первой странице — заглавие: 3:14. Под числом — строка: Размыкание оси, ∞ через л. А ниже — бесконечная череда цифр, формул и символов, тянущихся, будто без начала и конца. Через пару страниц начиналось новое оглавление. На этот раз — другое число: 2:72. Под ним — надпись: «Предел падших». Чуть ниже — ещё одна строка: «Глаз держит рамку — но не суть. В городе, где порядок ещё звучит в голосе диктора, уже давно никто не слушает сигнал.»

А под этим — всё то же: бесконечный поток цифр, формул, непонятных символов. Словно брат пытался расшифровать саму вселенную. Или свести её к уравнению.

Я закрыла тетрадь и отошла. Отец всегда запрещал мне прикасаться к вещам брата. Но любопытство пожирало меня изнутри. А незнание себя и своего прошлого — добивало. В комнате также стояло чёрное фортепиано — слегка припыленное, давно не открывавшееся. Видно было, что оно дорогое, и, скорее всего, именно поэтому его не решались выбросить. Находиться в этой комнате мне было запрещено, но дверь в неё никогда не закрывали. А пока отец был на работе, а мама занималась своими тихими делами на кухне, я просто не могла удержаться — хотелось рассмотреть всё, что здесь оставалось. На небольшом столе стоял странный круглый прибор с металлическими шариками. Я раньше никогда не видела ничего подобного. Я не собиралась его трогать — просто подошла ближе. Рядом с ним лежали разбросанные листы, исписанные формулами, цифрами и какими-то странными обозначениями. Единственное, что я смогла прочесть — это жирно выведенное слово: ПЕРПЕТУУМ МОБИЛЕ.

Мне это ничего не дало. Я не знала, что это значит, не понимала, зачем брат занимался такими вещами. Но одно становилось очевидным — он был умным. Для нашей семьи — это была действительно невозполнимая потеря. Затем, мой взгляд упал на приоткрытую тумбочку. Как по инстинкту, мои ноги двинулись к ней. Я осторожно открыла ящик и увидела свёрток, завёрнутый в пожелтевшую бумагу. Я понимала, что не должна трогать вещи брата... но пальцы уже потянулись к нему. Развернув свёрток прямо на полу, я увидела выцветший лист — плотный, шероховатый, будто переживший десятки лет. На нём был изображён треуголь-

ник, внутри него — ещё четыре. На каждой из его вершин находился символ, рядом с ними слова. Внизу слева — открытая ладонь, как будто тянущаяся вперёд. Слева от неё аккуратным почерком: “Actio”

Внизу справа — волна, похожая на плавный изгиб — то ли колебание, то ли странный знак. Справа от символа: “Aeternum”

А в верхней точке треугольника — глаз, пустой, без зрачка. Просто контур, смотрящий без направления. Над ним стояло: “Imperium”

Я смотрела на свёрток, пока не услышала, как на кухне встала мама. Я мигом завернула его обратно и положила в тумбочку, после чего рванула в свою комнату — лишь бы она не заметила меня в гостиной. Я улеглась на кровать и наспех схватила первую попавшуюся с полки книгу о шахматах, притворившись, что читаю. Через пару секунд мама резко зашла в комнату и строго посмотрела на меня. Я уже успела представить десятки оправданий — почему была в гостиной и почему красный ковёр там сдвинулся на сантиметр. Но всё оказалось напрасно.

— Виана, ты должна помнить о расписании приёма таблеток. Тебе шестнадцать лет, ты уже не маленькая. Ты потеряла память, а не способность думать.

Она подошла ближе и с удивлением посмотрела на меня.

— Читаешь?

Я поджала губы, не поднимая глаз от страниц, и тихо ответила:

— Заинтересовалась шахматами. Их так часто показывают по телевизору, что решила узнать о них побольше.

Мама смягчилась. Её плечи чуть опустились, в голосе появилось тепло.

— Твой отец и брат тоже их любили. А вот я никогда не умела играть... Ну, меня и не заставляли.

Последнюю фразу она произнесла словно случайно — и тут же нахмурилась, будто пожалела, что проговорила. Затем протянула мне таблетки.

— Твоё чтение не отменяет расписания. Пей.

Я послушно выпила таблетки. Проглотила — и почти сразу ощутила знакомый, но всё ещё чужой запах гари. Он вспыхнул где-то внутри, на долю секунды, будто чиркнули спичкой в темноте. Я затаила дыхание, но запах исчез, словно его и не было. Мама смотрела на меня пристально, будто ждала чего-то. Затем выпрямилась, поджала губы и, делая вид, что говорит буднично, бросила:

— Сегодня вечером будет семейный ужин. Отец придёт. Нам нужно обсудить кое-что важное.

— Что именно?

— Узнаешь за ужином. Пока читай. Читай...

Она ушла, а мой взгляд резко упал на книгу — она была открыта примерно на середине. Я никогда раньше её не открывала, и понятия не имела, о чём она. Вгляделась в заголовок на странице: «Защита Алехина», под ним — короткое описание.

«Ход чёрных, построенный на провокации. Они отступают первыми, но не от слабости — от замысла.»

Белые делают ожидаемый ход — пешкой на центр. А чёрные сразу отступают в сторону, выводя коня. Как будто уступают. Как будто приглашают дальше. Наивный игрок — пойдёт вперёд. Опытный — задумается.

Белые идут вперёд, веря в свою силу. Чёрный конь пятится — снова. Словно избегает конфликта. Сама книга показалась мне интересной не потому, что в ней просто рассказывалось о шахматах, а потому что раскрывалось внутреннее нутро каждого дебюта — его характер, его замысел.

«Защита Алехина» — не про страх. Она — про выживание. Про то, как отступление становится оружием. Как ты даёшь противнику почувствовать свободу — только для того, чтобы отнять её в нужный момент.

Я присидела за книгой пока не стемнело, даже не обратив внимания на звук сирены после обеда. Меня ничего не отвлекало, пока я не услышала, как закрылась входная дверь. Отец вернулся домой. Я отложила книгу в сторону и направилась ко входу.

Он закрывал двери, параллельно снимая чёрную шляпу с головы — такую же, как была у брата на портрете. Он не посмотрел на меня, а просто стал снимать своё чёрное пальто и глянцево-чёрные туфли. Отец никогда не следовал сиренам. Он уходил и возвращался домой по своим правилам. Иногда — посреди ночи. Иногда — исчезал на двое суток без единого звонка. Мама говорила, что у него особый график, что он сам знает, когда должен быть на рабочем месте.

— Виана, пройди на кухню, — раздался голос матери.

Я, не поздоровавшись с отцом, прошла на кухню. Там был накрыт вечерний стол: одна зажжённая свеча, белая скатерть. В центре стола — запечённая курица с овощами, рядом — картофель с укропом. Всё выглядело необычно, будто был праздник. Мы редко ужинали с отцом, поэтому мама всегда накрывала так, когда он появлялся. Я уселась на красный бархатный стул у стены. Мама стояла спиной ко мне, доставая стаканы с полки. Я видела — она была чем-то недовольна, но делала вид, что всё как обычно. Затем она резко обернулась — и я увидела её глаза, покрасневшие от слёз. Она быстро вытерла щёки, и, как будто услышав мой невысказанный вопрос, ответила:

— Просто Ноура вспомнила. Всё нормально.

Моя семья не раз своим поведением давала понять: они жалеют, что жизнь забрала моего брата, а не меня.

Мама поставила стаканы на стол и налила красный компот из ягод. Стол выглядел дорого, не по-Люмерски. Атмосфера квартиры отличалась от той, что я видела за окном. Она села и положила полотенце себе на колени. Мы сидели в молчании, пока в комнату не вошёл отец. Он не поздоровался, просто сел.

— Есть разговор, — сказал отец. — Вы уезжаете.

Мама отвернулась. К еде никто не притрагивался, она стояла в центре, как ненужная красота.

— У меня появилось много проблем, которые я должен решить в одиночестве, — сказал отец, спокойно отрывая куриную ножку и кладя её на тарелку. — Вы не должны присутствовать в этом городе на данное время. Так будет лучше.

Мама сидела с мёртвыми, покрасневшими глазами.

— Деньги я вам выделю на первое время. Дальше — сами, — он взглянул на маму. — Пойдёте на работу. Вспомните, каково это — зарабатывать.

Мама сглотнула, её лицо осталось каменным, но в глазах дрожала злость. Отец спокойно продолжал жевать курицу, пока мы с мамой не притрагивались к еде.

Когда он проглотил, то добавил:

— Возможно, мы больше никогда не увидимся.

Я резко подняла голову.

— Куда мы уезжаем?

— Туда, где вам будет правильнее быть, — ответил он без паузы. — В Ревикс.

Мамино лицо стало резким, жёстким. Она медленно встала из-за стола и, не глядя ни на кого, ушла в спальню.

Глава 2

Рассказ от лиц: Виана / Автор

«Тебе позволено дышать, пока ты приносишь пользу. Всё остальное — самодеятельность, подлежащая стерилизации.»

Утренняя сирена снова вырвала меня из сна. Всё как всегда — металлический вой и та же фраза, звучащая на весь Люмер:

«Внимание, граждане города Люмер. Требуется немедленно покинуть зоны отдыха и приступить к выполнению своих обязанностей.»

После ужина, на котором отец объявил о переезде, в доме воцарилась тишина. Каждый замкнулся в себе. Отец с утра был дома. Сидел на кухне, смотрел новости. Я слышала их из своей комнаты: всё как обычно — почти только о Люмере. Будто мира за пределами трёх городов вовсе не существует. Люмер, Ревикс, Фиксвелл — всё, что звучало с экрана. На этот раз сообщили, что Люмер обогнал Ревикс по уровню развития медицины, но всё ещё отстаёт по уровню заработной платы. Репортёр сказал это с натянутой гордостью — казалось, он и сам родом из Ревикса.

Затем начался сюжет о самом Ревиксе. Ведущий объявил, что город приглашает лучших медиков на переезд, обещая высокие зарплаты и больше возможностей. Он даже процитировал слова главы города:

«Если ты нужен — тебя ждут в Ревиксе. Остальные — оставайтесь в молчании.»

Отец недовольно хмыкнул и что-то пробормотал себе под нос. После этого заговорили о Фиксвелле. Его редко упоминают, но если и говорят — то исключительно в положительном ключе. Глава города уверял, что ситуация стабильна. Медицина, по его словам, слаба, зато точные науки развиваются стремительно. Открываются новые академии, учреждения, школы. Всё — для математиков и физиков.

«Мы приглашаем специалистов из Люмера и Ревикса. Если вы владеете точными науками — Фиксвелл ждёт вас. Высокая оплата. Работа по приоритетным задачам государства.»

Эти слова прозвучали в эфире чётко, но в них было что-то настораживающее, как будто ум — это единственный билет в город, а если ты не образован — даже не пытайся туда сунуться. Затем ведущий объявил, что блок новостей от Ревикса и Фиксвелла завершён. Осталась одна последняя новость — для всех трёх городов. С особой торжественностью он сообщил:

— Начато производство новых высококалорийных батончиков, предназначенных специально для подростков. Один такой батончик способен заменить полноценный приём пищи. Над разработкой работали специалисты из города Фиксвелл.

Затем добавил, что батончики уже поступили на прилавки и доступны во всех городах. Почему они были рассчитаны именно на подростков — он не объяснил. Но в его голосе звучало такое воодушевление, будто речь шла о революционном прорыве в науке — не меньше, чем о лекарстве от смерти. После этого он продолжил:

— На этом новости дня завершены. А теперь — рубрика: как выбрать правильный нож для идеального блюда.

Я ничего не видела, но ясно представила, как на экране появился человек с натянутой улыбкой и сверкающим ножом в руках. Раздался щелчок. Отец выключил телевизор. Сразу после этого, я услышала, как в коридоре мама громко поставила сумки на пол. Мы уезжаем. Сегодня. Все мои вещи она собрала сама. Я особо не держалась ни за что. Всё было чужим, временным. Разве что та книга о шахматах — единственное, к чему я тянулась сама. Я положила её в рюкзак, рядом — пару футболок и упаковки таблеток.

Перед тем как выйти, я мельком взглянула на себя в зеркало. Светлые волосы спутались, бледная кожа, тёмные круги под глазами. Я выглядела так, как и чувствовала себя: измотанной и уставшей. Собрать себя в кулак — не про внешность. Главное — не забыть всё снова.

Я вышла в коридор — и остановилась возле гостиной. Сама не поняла зачем. Просто ноги не позволили идти дальше. Портрет Ноура всё так же висел на стене. Он смотрел на меня — в упор. Мне вдруг показалось, что он говорит мне: «Ты справишься». Голос не был громким, даже не был настоящим. Просто что-то внутри отозвалось. Наверное, это галлюцинации от таблеток, а может, я просто начала сходить с ума от этих бесконечных дней дома. Я чуть дольше, чем нужно, постояла у двери, а потом глубоко вдохнула и пошла к выходу.

Теперь — в Ревикс. Куда-то, где меня ещё меньше, чем здесь. Мама стояла неподвижно, глядя в сторону кухни, где сидел отец. Он не смотрел на неё — просто что-то записывал в блокнот, сидя в своём привычном положении: нога на ногу. Я подошла и встала рядом с ней. Отец напряжённо выдохнул, затем медленно поднялся. Подошёл к нам. Его взгляд скользнул по мне — не в глаза, а на подвеску на моей шее. Он на мгновение задержался на ней, будто что-то проверяя, и чуть заметно кивнул самому себе.

— Не пишите мне письма, — сказал он. — Читайте, что я погиб. Меня больше не существует для вас.

Мама не отреагировала, просто продолжала молча смотреть сквозь него.

— Виана, ты пойдёшь в колледж. Пойдёшь на медицину.

Я кивнула. Мне было всё равно. Я даже не помнила, когда в последний раз училась и что мне действительно нравилось. Если он сказал — медицина, значит, так тому и быть. Наверное, раньше я училась в школе, раз меня вообще могут взять в колледж. Отец перевёл взгляд на маму на секунду задержался — и холодно положил ей руку на плечо.

— Ты сама распорядишься своей жизнью. Найдёшь работу. Ну, наверное... в каком-нибудь ларьке.

Последнюю фразу он произнёс с едва заметной усмешкой — сухой, обидной. Намёк был ясен: о прежней роскоши можно забыть. Он убрал руку с её плеча и без эмоций открыл входную дверь.

— Уходите, и не возвращайтесь. У вас начинается новая, самостоятельная жизнь.

Мама резко схватила сумки и, проходя мимо, ударила его плечом. Словно случайно — но я знала, что это была далеко неслучайность. Я пошла следом за ней. За нашими спинами с глухим, тяжёлым звуком захлопнулась дверь. Хоть отец и не стал мне по-настоящему близким за всё время, которое я помню, — мне всё равно было обидно. Обидно не из-за постоянных ссор с мамой или холода в его голосе, а потому что он даже не попытался объясниться. Он не ушёл — он выгнал нас. Более того, он сам велел нам запомнить: для нас его больше не существует. Ни писем, ни звонков, ни даже права вспоминать. Он просто заставил нас забыть, что он существовал.

Выйдя на улицу впервые за долгое время, я вдруг ощутила непреодолимое желание вернуться обратно. Дом, который изнутри ещё казался живым, снаружи выглядел иначе — мёртвым. Потрескавшийся фасад, облезшие стены, ржавая арматура, торчащая из бетона, — всё это говорило лишь об одном: здание доживает свои последние дни. Как и всё в этом городе. Погода была, как обычно, серой. Солнце не пробивалось сквозь плотный слой облаков — если оно вообще ещё существовало.

Сегодня единственный день отдыха, когда сирены замолкали до наступления ночи. Но тишина не приносила покоя, она просто делала всё вокруг ещё более гнетущим.

Неподалёку от нашего подъезда — старая детская площадка. Качели, облезшие, с цепями, обмотанными ржавчиной, раскачивались сами по себе от ветра. Горка, покрытая трещинами, напоминала спину изломанного зверя из старой книги по биологии, которую я нашла на своей книжной полке. Здесь уже давно не было детей. Лишь подростки. Парни сидели на

скамейке, кто-то прямо на перилах. В руках — бутылки из тёмного стекла, запах алкоголя чувствовался даже с расстояния. Разговоры были громкими, с матами, сдавленными смешками. У некоторых — свежие раны: перевязанные руки, ссадины, порезы. Один парень сидел с пластырем под глазом, другой — с окровавленным бинтом на шее. Трое носили маски — чёрные, закрывающие рот.

В какой-то момент один из парней, высокий, с бутылкой в руке, резко поднялся. Его движения были нервными, рваными. Он направился к другому — низкому, с обритыми висками. Говорил что-то сквозь стиснутые зубы. Я не услышала слов. Но по интонации всё было понятно. Парень с бутылкой замер на секунду, потом — почти незаметно — вытащил из кармана маленький, блестящий нож. Его пальцы сжали рукоятку привычно, уверенно. Остальные только замолкли — будто ждали. И в эту секунду мне показалось, что я больше не в городе людей. Я — в клетке, где звери забыли, что когда-то были детьми.

Рассказ от лица: Автор

Высокий парень с взъерошенными волосами и перекошенным от ярости лицом отбросил пустую бутылку. Стекло разлетелось на осколки. Он схватил низкорослого за футболку и, будто куклу, дёрнул на себя, поднимая над землёй.

— Предать нас решил? — прорычал он. — В Фиксвелл собрался? Математиком стать захотел, тварь?

Парень с короткой стрижкой дышал часто, но страх прятал до последнего.

— Меня не интересуют игры, которые ещё устроит Манус. Я уеду. Я не хочу больше жить так, как вы.

Высокий резко провёл ножом по его щеке, будто чертил границу между «был» и «больше не с нами». Затем — пинок в живот. Парень упал, стиснув лицо, прижав ладонь к окровавленной щеке, словно хотел стереть не боль — а позор.

— Ублюдок, — заорал высокий. — Думаешь, вырвешься? Манус уже в твоей крови.

Он снова шагнул вперёд, но другой подросток в маске, с быстрыми руками, подхватил его под локти, дёрнул назад.

— Ты идиот? Тебя самого сольют, если узнают. — прошипел он. — Манус не простит, если узнает, что мы кричим его имя на улице.

— Мне плевать, — рвал руки высокий. — Он собирается предать нас. За это он долго не протянет.

Парень на песке закашлялся, но выдавил:

— Я сбегу. Хоть через канализацию, хоть под грузовиком. Лучше там, чем здесь.

Раздался голос третьего — чуть гнусавый, усталый, пьяный, будто исходящий не от человека, а от самой скамейки, на которую он опирался с бутылкой в руке:

— Ты не уйдёшь. Тебе даже шестнадцати нет, куда ты побежишь, умник? В Фиксвелл? Может быть, в Ревикс? — Он сделал глоток. — Там тебя сожрёт Ракель. Думаешь, он не в доле с Манусом? Это один треугольник, где бы ты ни оказался — ты всё равно вернёшься к одной из трёх вершин.

Он поднял руку и медленно показал пальцами угол за углом, как будто рисовал этот треугольник в воздухе.

— Люмер. Ревикс. Фиксвелл. Они все играют одну партию, а ты — всего лишь фигура. После взрыва тебя даже в Ракель не перенаправили, как других солдат. Ты не важен в Манусе, ты никому не нужен, с твоей жизнью быстро расправятся.

Все замолчали и осталось только дыхание, в которой исчезали мечты о побеге, и сгустившийся над районом сумрак будто сжался сильнее, как петля, которая медленно, но уверенно находит своё горло.

Участники Чёрной Сети в Люмере называли это просто: Манус. Не «сеть», не «организация», не «власть» — Рука. И это название прижилось не случайно. Потому что рука в этом городе означала не помощь, а действие.

Манус не лечил — оперировал. Не заботился — перекраивал. Те, кто носили белые халаты, уже давно не спасали людей, они проводили процедуры, вырезали, вживляли, подменяли, продавали. Как хирурги без пациентов. Как механики — в телах. Старики шептали, что ещё когда существовало время эмблемой Люмера, Ревикса и Фиксвелла был глаз в ладони, а в зрачке — волна, изображающая синусоиду — символ тотально наблюдения, контроля и иллюзией порядка, вытянутой до бесконечности. Но со временем глаз исчез. Волна — растворилась. Осталась только рука. Та, что держит. Та, что ломает. Та, что действует.

В латыни слово manus значило не только «руку», но и власть — полную, бесповоротную. Как во времена Древнего Рима, где «манус» означала право мужа распоряжаться судьбой жены. Сеть Манус распоряжается судьбами подростков. Без вопросов. Без имён. Зато с иллюзией выбора.

Сама сеть города Люмер, как бы это ни скрывалось официальными источниками, работала на Ракель — город, куда уходила большая часть внутренних поставок, особенно тех, о которых не писали в газетах. Именно туда стекались отлаженные каналы сбыта: то, что в иных странах называли бы преступной анатомией, в Люмере и Ревиксе именовалось медицинской квалификацией. Здесь ценили хирургов — не за спасённые жизни, а за точность руки, за умение извлекать органы так, чтобы их можно было продать или использовать в дальнейшем для исследований. Те, кто отказывался сотрудничать с чёрной сетью, продолжали работать в государственных больницах, но уже как низший медицинский персонал. Их не увольняли, но и не платили достаточно. Их существование игнорировалось прессой. Зарплаты были мизерными, условия — отжившими, перспективы — мертвыми. Манус — система, хоть и суровая, — уважала труд. Неважно, служишь ты сети или работаешь на госбольницу: если ты выполняешь свою функцию, ты гражданин. Если нет — ты пустое место. В Люмере, где контроль стоял выше сочувствия, карта гражданина не выдавалась тем, кто не трудился вовсе. Даже твоя дата рождения становилась вторичной по сравнению с твоим вкладом.

В Ревиксе дела обстояли иначе. Тамошняя сеть была жёстче, но равнодушнее. Безработица не каралась напрямую — глава Ракеля не вмешивался в частную жизнь тех, кто был бесполезен. Он ценил только преданность системе и строго наблюдал лишь за теми, кто приносил ему выгоду. Основная цель обеих сетей — не власть ради власти, а деньги. Деньги, заработанные не на налогах и торговле, а на вещах куда глубже: нелегальный оборот наркотиков, контракты на убийства, продажа органов, шантаж. Финансовый поток чаще всего шёл из Фиксвелла — города, что не пачкал руки напрямую, но ловко управлял чужими. Там правила не сеть, а Институт Унда. Почти прозрачная структура, скрытая за фасадами научных лабораторий и учебных заведений. Фиксвелл жаждал не власти и не грязи — а знания. Но знания требуют финансирования. И получал он их хитрее других: не торговлей, а взломами, теневыми транзакциями, хакерскими атаками на небольшие банки в третьестепенных провинциях. Никогда не лезли в столичные фонды — слишком рискованно. Они крали из-за границ своей Триады.

Ревикс и Люмер делали ставку на подростков не случайно. Ими легче управлять. В отличие от взрослых, у которых уже сформированы личные границы и понимание собственных интересов, подростки — гибкие, податливые, внушаемые. Они ещё не до конца верят, что имеют право на выбор. Особенно в таких сферах, как медицина: те, кто отказывались участвовать в теневых делах, могли оставаться на обычной работе — по закону, по праву. Но таких было немного. Ведь если ты не в сети — ты не имеешь веса. Города не контролировали всех. Лишь тех, кто стал частью структуры. Тех, кто вошёл в игру.

Преступность в Ревиксе и Люмере была повсеместной — от уличных драк до серьёзных исчезновений. Мелкие правонарушения формально отслеживались городской полицией — по указке сверху. Но серьёзные дела, связанные с самой сетью — убийства, поставки, манипуляции — скрывались тщательно. Милиция либо закрывала глаза, либо молчала за деньги. Причём сумма за молчание, как правило, превышала их годовую зарплату.

Подростки, действующие от имени сети, редко появлялись на улице без необходимости. А тем более — не называли себя вслух. Их рабочие будни, которые так же хорошо оплачивались, проходили либо внутри скрытых тренировочных центров, либо в заброшенных районах, вдали от чужих глаз. Встречи, передача заданий — всё происходило в тени.

Кроме официальных сетей, улицы были заполнены и неформальными группировками — само созданными бандами подростков, которые держали свои районы. Без миссии, без идеологии, но с голодом — по смыслу, по власти, по крови. Они искали принадлежность. Кто-то — в наркотиках. Кто-то — в драках. Кто-то — просто в иллюзии, что есть «братство», которое не предаст. Что есть хоть какая-то сила, ради которой стоит просыпаться в этом городе.

Некоторые подростки искренне верили, что быть частью чёрной сети — это достижение. Что это шаг в бессмертие. Что ты становишься неуязвимым — умешь исчезать в темноте, двигаться бесшумно, убивать быстро. Они смотрели на это как на искусство. Как на путь силы. Иные — с завистью — пытались узнать, как вступить. А те, кто уже стал частью сети, но давно не верил в ценность жизни, нередко принимали таких с лёгкостью. Тем самым они заключали для новичков сделку с дьяволом — сделку без возврата.

Уйти по собственной воле было невозможно. Сеть не отпускала. Только если тело начинало подводить — возраст, болезнь, истощение — тогда могли отпустить. И то не из милости, а потому, что человек стал бесполезен. Подростки же — быстрые, полные энергии, ещё не привыкшие думать о себе как о чём-то ценном — были идеальным материалом. Они не знали предела боли. И не умели сказать «нет». Некоторые шли туда ради денег. Другие — ради власти. Были и те, кто просто жаждал причинять боль — таким сеть только радовалась. Но все, кто однажды перешагнули порог, оставались внутри навсегда. Потому что сеть не терпела предательства. Если кто-то осмеливался уйти, считая, что всё это было ошибкой — его начинали преследовать. И не закон, а те же подростки. Или уже повзрослевшие бойцы, которые когда-то тоже мечтали о свободе — но давно перестали мечтать вообще. По приказу руководства они делали всё, чтобы разрушить жизнь беглеца.

Тех, предателей, кто хотел жить — убивали.

Тех, кто хотел умереть, — раз за разом заставляли дышать.

Их боль — становилась наказанием. Их близкие — становились жертвами. Сеть знала, как ударить так, чтобы не осталось даже желания молчать. Они делали всё, чтобы те, кто предал сеть, в итоге сами просили вернуться обратно. Не из желания, а из безысходности. Им не оставляли жизни вне — только страх, одиночество и постоянную угрозу. А когда они возвращались, если возвращались, — сеть принимала их, но уже не как раньше. Теперь для них начиналось настоящее. Тренировки становились жестче. Без перерывов, без пощады. Задания — тяжелее, опаснее, глубже по рангу. Всё, что ломало психику, проверяло тело, проверяло предел. Они больше не были просто бойцами — они становились живыми напоминаниями остальным. Напоминаниями о том, что сеть не прощает. Прощение было ловушкой. Возвращение — приговором.

Сеть предавали не только подростки. Иногда — те, кто казался незаметным: обычные покупатели. Люди, что брали органы, наркотики, холодное оружие. Те, кто платил — до поры. А потом пытался отвернуться. Сбежать с товаром. Обмануть. Не заплатить. Перехитрить тех, кто привык резать, а не торговаться. Таких всегда находили и убивали не ради мести — ради демонстрации. Не шумно, без лишней крови, но так, чтобы человек страдал. Долго, сознательно. С осознанием того, что предательство Сети невозможно.

Вокзал в Люмере не уступал городу по уровню ужаса — он был его продолжением, последним штрихом в общей картине гнили и упадка. Дома неподалёку выглядели так, будто давно вымерли вместе с теми, кто в них жил: осыпавшиеся стены, выбитые окна, крыши, скрюченные под собственным весом. Ни намёка на уход, ни признака обновления. На бетонных заборах — граффити. Часть была бессмысленно агрессивной, часть — пугающе честной. Повсюду повторялся один и тот же знак: ладонь с шестью пальцами, буквой "М" в центре. Манус. Рука, которой город держит своих людей. Иногда недалеко от символов оставляли надписи.

«Мне жаль, что ты ещё дышишь.»

«Треугольник не отпустит.»

«Назад пути нет — только вниз.»

У входа, прямо на ступеньках, сидели двое старых наркоманов. Хотя, возможно, они были вовсе не старыми — просто измученными временем и дозами. Их лица покрывала пыль, глаза были как мутные линзы — сквозь них смотрели не на людей, а на призраков. На таких, как Виана с матерью. На тех, кто осмелился уезжать. Они не ругались, не кричали, не дрались. Только курили, прожигая взглядом каждого проходящего мимо.

На входе на вокзал особого контроля не было. Ты мог спокойно пронести нож, наркотики, даже оружие — главное, чтобы у тебя была карта. Проверка личности работала не на безопасность, а на принадлежность. Люмер не заботился о преступлениях, он заботился о границах.

На проверке мама Вианы молча протянула две карты. Первая — синим блеском — «Гражданин города Люмер». Вторая — чёрная, матовая, с металлическим отливом: «Почётный гражданин города Люмер».

— Мама, ты когда-то работала?

— Да. В медицине.

Ответ был быстрым, неуверенным, будто она хотела поскорее от него отвернуться. Виана уловила неуверенность — но не стала копать. Такие карты выдавали с двенадцати лет. Если ты учишься в школе, суворовском училище или — неофициально — состоишь в чёрной сети, ты её получаешь. После окончания обучения, если ты решаешь «не быть частью Люмера», карта аннулируется. Безработным не полагалась личность. А без личности ты не можешь ни купить билет, ни выйти за границу города. Ты просто не существуешь.

Поезд был плацкартным и мрачным, как и всё в этой части города — холодный металл, тусклый свет, пыльные окна, сквозь которые не видно ничего, кроме серости. Пока Виана с мамой двигались вдоль перрона, они заметили, как в соседний вагон один за другим заходили подростки — десятки, почти сотня. Шли молча, с опущенными головами, будто шли не в поезд, а на суд. Сцена напоминала ту, что Виана наблюдала на детской площадке — только теперь всё происходило не в подворотне, а на глазах у вокзала, открыто, нагло. Некоторые из подростков были в чёрных масках, скрывавших нижнюю часть лица. У других — бинты на скулах, руках, висках. Почти у всех — следы недавних схваток. Их взгляды не были пустыми — наоборот, полными агрессии, такой, что хотелось отвести глаза от чужой ярости, пронзающей насквозь.

Все были одеты почти одинаково: чёрное, серое, иногда белое — ни одной яркой детали, ничего, что могло бы выделить. У некоторых на поясе, прикрытый длинной футболкой или кофтой, поблёскивал нож — острый, рабочий, не для красоты. Они двигались чётко, будто тренировались годами. И всё же между ними не было дружбы, было напряжение, внутреннее соперничество, затаённое чувство, что, если что-то случится — каждый сам за себя. И никто не собирался останавливать их. Ни проводник, ни контролёры, ни прохожие. Потому что все знали: у таких — есть задача и право быть теми, кем они стали. Пусть и не по закону, но по приказу сверху.

Поезд, в который сели Виана с матерью, направлялся в Ревикс. Чуть поодаль стоял ещё один состав — с табличкой «Фиксвелл». Туда шли другие: молодые, сосредоточенные, но не

столь мрачные, как те, что ступали в вагоны Ревикса. Все они были одеты в тёмные, неброские цвета, как будто подчинялись негласному дресс-коду этих городов. Некоторые шли, не поднимая глаз от книг, кто-то что-то записывал в блокнотах — внимательные, собранные, как будто каждое их движение уже было частью экзамена. Фиксвелл знал, кого привлекать: точные умы, холодные головы, способные к расчёту. Эти подростки шли не в бой, а в лаборатории, в вычисления и формулы, в аналитические центры, где душу заменяли алгоритмы.

На вокзале в Люмере стояли и другие — прибывшие. Медики. Те, кто ехал именно сюда, в гнилую, глухую плоть Люмера. Многие были в обычных медицинских масках, словно даже в дороге не позволяли себе расслабиться. Этим не встречали цветами. Эти приезжали не лечить — а собирать. Ткани, органы, жизнь в разрезе. Им было всё равно, кто пациент — главное, чтобы совместимость подходила и платёж был внесён. Поток органов, добытых в Люмере, шёл не только в Ревикс — Фиксвелл тоже участвовал. Но действовал иначе. Гораздо умнее. Оттуда всё отправлялось не напрямую, а через тайные пункты, скрытые от глаз чужаков. Они делали всё, чтобы жители внешних, «цивилизованных» городов не знали о существовании Триады вообще. Чтобы не тревожили столичную полицию, чтобы их мир продолжал верить, что за пределами границ — лишь серые пятна на карте. А на деле там кипела чёрная экономика: хирургия без лиц, перевозки без деклараций, деньги без следов. Всё — чтобы удерживать баланс внутри треугольника. И каждый в этой системе знал: если сломается одна грань — треугольник станет лезвием.

Рассказ от лица: Виана

С каждой минутой внутри росло одно единственное желание — вернуться домой. И пусть Люмер — город, где всё давно сгнило изнутри, но он хотя бы был мне знаком. Соседний плацкарт забит подростками, от которых бросает в дрожь одним только взглядом. И всё же не меньше пугающих людей оказалось в нашем вагоне. Многие из молодых пассажиров были покрыты татуировками. Они старались не выставлять их напоказ, но рукава не всегда скрывали чернильные фразы или странные символы, выглядывающие из-под ткани. Запах в вагоне был отвратительным: смесь дешёвых сигарет, разлитого спирта и какой-то старой пыли, въевшейся в сиденья. Сами кушетки были ободраны, местами порваны. В углу моей кто-то когда-то вырезал ножом надпись: «Добро пожаловать в Ревикс». Под ней — грубый рисунок: глаз, пустой, без зрачка, просто чёрная дырка.

Мама села напротив. Ей было почти пятьдесят, но выглядела она всё ещё молодо, даже привлекательно. Волосы — выкрашенные в светлый оттенок дешёвой краской — выделяли её на фоне общей серости вагона. В этом мраке она была как пятно чего-то слишком яркого и чужого. Женщины, проходившие мимо по узкому проходу, бросали на неё косые взгляды — сдержанно-завистливые, колючие. И будь это не вагон, где контролировать себя ещё хоть как-то принято, — кто-то мог бы и подойти, и вцепиться. Просто потому, что её внешний вид раздражал. Мама сидела с видимым отвращением, оценила ободранную сидишку, вонючий воздух, рваные занавески на окне — и сжалась в себе. Она всегда тяготела к роскоши, к чистоте, к домашнему комфорту. И я знала: даже если ей и говорили собратиться, даже если она понимала, что выбора нет — принять это по-настоящему она не могла.

Ревикс оказался ближе, чем я себе представляла — но, несмотря на это, он был другим. Совсем другим. Станным образом теперь мне хотелось не просто домой, а обратно в Люмер, хоть на пару шагов ближе к знакомому ужасу, хоть на мгновение — туда, где всё ещё казалось предсказуемым.

Как только поезд пересёк границу Ревикса, из соседних вагонов сквозь тонкие перегородки донёлся ритмичный, слаженный хор:

— Ubi manus cadit, oculus regnat!¹

Фраза звучала не на нашем языке. После этого всё стихло, потом — один молодой мужской голос:

— Ubi manus cadit, oculus regnat!

И сразу вслед за ним, резко — хор:

— Quod fuit manus, nunc fit oculus!²

Я посмотрела на маму, она тоже прислушивалась к голосам в соседнем вагоне — напряжённо, с нахмуренными бровями. Когда всё стихло, некоторые пассажиры начали переглядываться, будто надеялись, что кто-то сможет перевести услышанное, но никто не заговорил. Только глухое, синхронное пожатие плечами — мол, не понимаем.

— Мам, ты знаешь, что они сказали? — спросила я.

Она тут же отвернулась от двери, будто мои слова вернули её изнутри себя.

— Я не знаю латынь, — сказала она сухо.

Но в отличие от остальных, она сразу узнала язык.

— Кто эти дети? — спросила я, почти шёпотом.

— Наверное... суворовцы. Или образованные ребята, может, учат языки.

Когда поезд начал тормозить, весь вагон разом стих. Через окно я увидела вокзал и сразу же — часы. На табло горело: 2:72. Цифра, та самая, что я видела в тетради Ноура. Это время не должно было существовать. Часы сломаны? Или весь город — как это время — вне правил? Я посмотрела на других, никто не заметил, никто не удивился. Они даже не подняли головы. Может, привыкли. В Люмере все жили по сиренам, а не по часам, там время было лишь звуком, командой. Точное время не значило ничего, а здесь, в Ревиксе, оно тоже, похоже, было иллюзией.

Затем по вагону прошёл голос: всех пригласили на выход. Я не сразу пошла — сначала машинально повернула голову в сторону соседнего вагона, где ехали те самые подростки. Их не выпускали. Офицеры стояли у выхода, словно загонщики, пока мы — "обычные" — не покинем платформу.

Вокзал Ревикса оказался неожиданно чистым, почти ухоженным, по сравнению с Люмером — будто из другого мира. Нет облезлых стен, гнили и бездомных у входа. Наверное, глава города специально заботился о внешнем виде вокзала — чтобы первое впечатление у приезжих не вызывало отвращения. Город мог быть гнилым изнутри, но фасад должен был говорить обратное: здесь лучше, чем там. На выходе никто не остановил нас. Никаких проверок. Если ты здесь — значит, имеешь право или просто не вызываешь интереса.

Мама, коротко сказала:

— Отец купил нам дом. Я вызову такси — поедem сразу.

Автобусы стояли недалеко, но она даже не повернула головы в их сторону.

Когда я ехала в такси, за окном пролетали пейзажи, в которых было что-то чужое и тревожно свободное. В Ревиксе не было яркости, всё так же серо и пыльно, но людей на улицах было больше, и они двигались иначе — без напряжения, будто у них было больше воздуха, свободы, или, может, просто меньше надзора. Но больше всего меня зацепило изображение глаза, нарисованного голубой краской на бетонной стене — огромного, без зрачка, но даже без него, казалось, что он наблюдал за всем кварталом. Чуть дальше — заброски, одно за другим: пустые, молчаливые здания, у которых, казалось, уже не было ни охраны, ни смысла. На одном из них я увидела неровную, размытую надпись — OLC, выведенную баллончиком. Кто-то пытался стереть её, размазал краску, но след остался. А чуть дальше надпись появилась снова, уже свежая.

¹ Там, где пала рука — правит глаз.

² То, что было рукой — теперь стало глазом.

Мы ехали долго. Ревикс был заметно больше Люмера. Когда мы наконец остановились, я увидела двухэтажный дом. Мама, открывая ворота, не оборачиваясь, сказала:

— Завтра идёшь в колледж. Пора учиться.

Я ничего не ответила, только посмотрела на её спину. В этот момент я поняла: у меня начинается новая жизнь, но почему-то это совсем меня не вдохновляло.

Глава 3

Рассказ от лиц: Виана / Автор

«Некоторые встречи пахнут болью задолго до слов.»

Утром сирена не прозвучала — здесь, в Ревиксе, её не было вовсе. Вместо этого каждому жителю выдавали персональные часы. Они показывали то же странное, невозможное время — 2:72. Мои часы, как только я поступила в колледж, автоматически активировали утренний будильник на все будние дни. У мамы были свои, которые срабатывали в другое время. Она унесла их в спальню и не показывала. Будильник оказался пронзительным — он буквально пробивал сон, но, в отличие от Люмерской сирены, не казался насилием.

Мама рассказала, что колледж, в который меня определили, имеет медицинский уклон. Особый, как она выразилась, «сильный акцент на медицину» — но при этом там преподавали и другие направления. Колледж считался большим, почти как мини-город, где под одной крышей собирались подростки с разными интересами и целями. Учатся там ребята от пятнадцати до двадцати. Кто-то мечтал стать хирургом, кто-то — программистом, кто-то просто тянул время, пока жизнь не предложит что-то лучше.

Я стояла недалеко от колледжа, наблюдая со стороны. Над входом большими голубыми буквами было написано: «Колледж города Ревикс №1». Надпись будто старалась успокоить — всё казалось аккуратным, современным. Может быть, он и правда был лучшим. Очень хотелось в это верить. Снаружи здание выглядело прилично: светлый фасад, новые двери, ровная аллея из плитки. Мне даже показалось на секунду, что и внутри всё будет так же спокойно. Что и дети там — такие порядочные, но это ощущение разбилось в пыль, стоило мне только зайти за ограждение.

Чуть дальше от входа я сразу заметила троих парней. Один — кудрявый, лежал лицом в асфальт, тяжело дыша, на его голову, прямо в затылок, давила чья-то нога — в черном кроссовке. Она принадлежала высокому лысому парню в чёрной кепке. Он стоял, словно позировал для обложки какого-то уродливого дворового авторитета. Курил сигарету, не притрагиваясь к ней руками. Он говорил что-то, не спеша, будто проповедовал, а не угрожал. Рядом с ним стоял ещё один — коротко стриженный, с таким злым лицом, что взгляд мог выжечь дыру в чужом теле. Он склонился к уху лысого и что-то шептал.

Я сделала пару шагов вперёд и, не приближаясь слишком близко, встала за одну из уличных арок на территории колледжа.

Рассказ от лица: Автор

Кудрявый парень лежал на холодном асфальте, не двигаясь. Его лицо было в крови, губы рассечены, взгляд — прямой, равнодушный. Он просто смотрел в одну точку, словно не здесь, будто всё это происходило не с ним. Над ним стояло двое высоких, молодых парня. Один — лысый, с ледяными голубыми глазами, он медленно убрал кроссовок с головы парня и отступил на шаг назад, выпуская дым из сигареты. Второй — кареглазый, с короткой стрижкой, опустился на корточки рядом и резко схватил кудрявого за волосы, рванув голову вверх:

— Ты для кого такую гриву отрастил, пидор? — прошипел он. — Лучше бы красть перестал, отродье.

Лежащий встретился с ним взглядом. Ни злости, ни страха — только глубокое, колющее безразличие. А потом — зубастая, до безумия наглая улыбка, показывающая красные зубы.

— Я вас всех похороню в одной яме, — произнёс он тихо. — И ни одна мать не узнает, где потом рыдать.

Парень замахнулся, кулак пошёл в воздух, но лысый среагировал быстрее. Он резко дёрнул товарища за плечо и скомандовал, не вынимая сигарету из рта:

— Успокойся. Мы уже своё сделали.

Кареглазый отступил, не споря. Кудрявый медленно поднялся, сел прямо на асфальт. Рукой он стёр кровь с губ, второй — достал сигарету, и уставился на своего обидчика.

— Мудак, блядь, — буркнул кареглазый и развернулся прочь.

Как только кареглазый парень развернулся, кудрявый медленно перевёл взгляд на лысого, затягиваясь сигаретным дымом.

— Чё ты, Тантр? — протянул он, с усмешкой глядя прямо в глаза. — Кого на этот раз убьёшь? Мою мать? Отца? Может меня?

На слове «меня» он снова усмехнулся, и из уголка рта вылетела густая струйка крови — он отхаркнул, не отводя взгляда.

Тантр посмотрел на кудрявого сверху вниз, с раздражением цокнул языком, затем молча последовал за товарищем. Они прошли мимо одной из арок, но, когда Тантр уже скрылся из виду — вдруг резко остановился. Обернулся и прямо через плечо — встретился взглядом с Вианой. Он смотрел недолго — секунда, не больше, потом развернулся и ушёл за пределы колледжа.

Виана всё ещё стояла, прижавшись спиной к холодной арке. Проходящие мимо студенты не обратили ни малейшего внимания на окровавленного парня, сидящего на асфальте. Некоторые даже усмехнулись, глядя на него. Другим было просто всё равно. Виана пришла раньше времени, и на территории колледжа студентов было немного, но сейчас они начали подтягиваться — один за другим, с рюкзаками, сигаретами, с ленивой походкой тех, кто не ждёт от жизни ничего особенного.

Кудрявый парень медленно, слегка шатаясь поднялся на ноги, стряхнул пепел с пальцев, бросил сигарету на землю, придавил её подошвой. Он снова отхаркнулся кровью — и вдруг поднял взгляд на Виану. Он чуть наклонил голову набок, вглядываясь в неё, а потом — свистнул. И, глядя ей прямо в глаза, сделал рукой жест, подзывающий к себе. Он видел, что она наблюдала, затаившись за аркой, пока другие, слепые или безразличные, проходили мимо.

Виана замерла, широко раскрыв глаза, она уставилась прямо в него. Они были не так уж далеко друг от друга — но стоило кому-то из них заговорить, обычный голос бы утонул в окружающем гуле. Кудрявый парень развёл руки в стороны, с насмешкой, будто немо бросая: «Ты что, издеваешься?» Его тело качнулось чуть назад, он засунул руки в карманы тёмных штанов.

Виана медленно сделала шаг. Потом второй. Страх был при ней, но ноги слушались. Когда она подошла, он просто смотрел сверху вниз, молча, не отводя взгляда. Её глаза невольно встретились с его, а в следующую секунду он заговорил:

— Что? Всё видела? — голос был ленивый, ни угрозы, ни интереса.

— Видела.

Он поднял правую руку и ладонью небрежно стёр кровь со лба. И тогда она заметила шрам на тыльной стороне руки. Чёткая полоса с углублением посередине. Словно кто-то проткнул насквозь. Шрам зажил, но кожа в том месте была другой — мёртвой.

— Зачем? — спросил он уже более строго. — Ты заодно с Олцерами?

Виана опустила глаза. Она не понимала, кто такие Олцеры и почему действительно стояла и наблюдала, вместо того чтобы просто пройти, как остальные.

— Не знаю...

— Не знаешь? — Он резко наклонился, чтобы их глаза оказались на одном уровне.

— Я не с Олцерами. Я не знаю, кто это.

Он выпрямился и положил окровавленную ладонь ей на плечо.

— Тогда подружкой моей будешь. Как звать тебя, созерцательница?

— Виана.

— Я — Мортен. Надеюсь, тебе приятно познакомиться, а то мне не особо.

— Мортен? Это настоящее имя?

Он закрыл глаза, и его лицо словно резко потемнело.

— Да. Старого имени давно не существует.

— А какое было?

Мортен резко взял её за плечо и мягко, но ощутимо, толкнул вперёд.

— Знаешь, Виана... ты слишком много говоришь. Уходи.

Парень отвернулся от Вианы, давая понять, что разговор окончен. Она остановилась и, не сдержавшись, снова обратилась к нему.

— А ты кто по специальности?

— Никто, — бросил Мортен, не оборачиваясь.

— Ты на медицине?

— Нет.

Виана подошла ближе, чтобы он хотя бы посмотрел на неё. Но Мортен продолжал смотреть вперёд, на прибывающих учеников. Он слегка покачивался, и по лицам проходящих было видно — многие его узнавали. Хмурились, прятали взгляд. Кто-то даже отводил дорогу, он лишь улыбался от этого, раскачиваясь.

— У меня тут нет друзей. Наверное, у тебя тоже. Давай вместе зайдём в колледж? Я пока вообще не ориентируюсь.

Мортен наконец перевёл на неё взгляд.

— Кто такие друзья? — произнёс он медленно. — Временная иллюзия, что мир — не такая помойка?

Он сказал это почти спокойно, но так остроумно, что Виана смутилась.

— Есть у меня друзья. И таких, как ты, у меня кучка. Даже не думай что мы можем стать «приятелями».

— Я и не думаю. Я просто попросила показать колледж.

Он снова отвёл взгляд, посмотрел на двери, потом — с лёгкой неохотой — развернулся в их сторону.

— Я не экскурсовод. Просто махну рукой, куда идти, разберешься сама.

Виана с Мортенем вошли в здание колледжа. Внутри было ещё мрачнее, чем снаружи: тусклый свет, серая плитка, облупленные стены, будто само здание стёрло эмоции с лиц своих обитателей. Но здание было действительно большим — коридоры тянулись, будто кишечник города, переваривая сотни студентов каждый день.

Мортен не шел рядом. Он ускорился, чтобы опережать Виану — будто не хотел, чтобы кто-то подумал, что они вместе. Виана молча следовала за ним, наблюдая, как он на ходу жмет руки нескольким парням. Все они были явно старше неё. Некоторые — с грубыми лицами и руками в шрамах. Мортен двигался он как будто в полусне — с лёгким наклоном, неустойчиво, с затуманенным сознанием. Поведение выдавало не усталость, а притуплённую реакцию — классическое воздействие наркотиков. Один из студентов, проходя мимо, бросил на Мортена косой взгляд и пробормотал что-то грубое себе под нос — не громко, но достаточно, чтобы задело. Мортен даже не удостоил его взглядом, просто харкнул прямо под ноги и, проходя мимо, быстро провёл рукой по его волосам, взъерошив с презрением, будто гладил дворнягу.

Они обошли полколледжа — казалось, словно пересекли целое село внутри этих стен. Где-то гудели вентиляторы, где-то хлопали двери и громко разговаривали ученики. Когда они подошли к отделению медицины, Мортен остановился у одного из кабинетов, он уже собирался повернуться к Виане, но дверь распахнулась. На пороге стоял преподаватель — с чётко очер-

ченным лицом, в белом халате. Он уставился на Мортена с такой холодной ненавистью, что стало не по себе.

— Проваливай отсюда, — рявкнул он. — Ты вообще видел себя в зеркало? Как можно так разгуливать по учебному заведению?

Мортен в ответ только отступил на шаг, вскинул руки в притворной невинности и растянул губы в ухмылку. Зубы у него будто были заточены, он засмеялся, резко развернулся и скрылся за поворотом.

Колледж города Ревикс №1 считался самым крупным в округе, но расположен был не в самом центре — будто намеренно, как завод на отшибе, куда сбрасывают всех, кто ещё не определился, кем именно хочет стать. Учебное заведение принимало всех, кому исполнилось пятнадцать. Были исключения — редкие четырнадцатилетние, закончившие школу экстерном, но таких можно было пересчитать по пальцам, и пальцы бы остались. Здесь преподавали: медицину, юриспруденцию, прикладную математику, химию, кулинарию, тренерское дело. Даже архитектуру пытались преподавать, хотя город с каждым годом только разваливался. Но вот что удивительно — информатики не было вовсе. Никаких гаджетов, баз данных, программирования. Слово «будущее» вырезали скальпелем. Глава Ревикса стоял на этом жёстко. Он считал, что технологии — это территория Фиксвелла, и, если Ревикс начнёт туда совать нос, равновесие Треугольника нарушится. Влезешь не в свою роль — рискуешь развалить всю конструкцию. Слово «компьютер» для большинства студентов было пустым звуком. Его слышали разве что в слухах — будто в Фиксвелле стоят такие устройства, которые могут думать вместо человека. Но здесь, в колледже, даже преподаватели не всегда могли толком объяснить, что это за вещь. Некоторые думали, что это что-то вроде телевизора, только без антенны. На деле — компьютеры существовали, но не здесь. Они стояли в госучреждениях, в закрытых кабинетах на высоких должностях, под паролями и подписями. Если ты хотел купить себе такой — готовься продать всё, что у тебя есть. Личный компьютер стоил как половина квартиры, а иногда — как вся жизнь. Поэтому в колледже их не было вовсе. Даже преподаватели говорили о них с осторожностью, словно это не техника, а оружие, за обладание которым можно попасть в чёрный список. Существовали только книги, лекции, ручки, тетради — чтобы не забывали, в какой части треугольника они родились.

В Ревиксе, как и в Люмере, каждому жителю выдавали карту личности — подтверждение того, что ты гражданин города. Но, в отличие от Люмера, где безработные таких карт не получали вовсе, здесь их выдавали всем. С одним «но»: с этой картой ты не мог выехать в Люмер. Ни поездом, ни авто. Дверь была открыта только в Ревикс и Фиксвелл. Статус «почётного гражданина Ревикса» присваивали исключительно участникам чёрной сети Ракель — здесь это было высшей формой признания. В городе не ценили медицину, как в Люмере, и не поклонялись цифрам, как в Фиксвелле. Ревикс ценил власть. Сетевую, уличную, неофициальную. Здесь всё держалось на страхе и влиянии.

Карты, как правило, не содержали имени. Только если ты не был «почётным» — тогда на ней появлялась настоящая подпись. Остальные — свободны. Ты мог называть себя как угодно или никак. Подростки из чёрной сети Ракель никогда не использовали свои имена, только прозвища. Уличные клички — это была отдельная валюта. Такая, которую зарабатываешь поступками, а не получаешь при рождении. Те, кто состоял в группировках, вели себя так же. Настоящее имя могли знать только родители или самые близкие. И если оно вдруг всплывало — значит, кто-то совершил ошибку. Здесь это было почти личным поражением. В городе, где твоё имя — слабое место, позволить его услышать чужаку было равносильно выстрелу себе в висок.

В Ревиксе существовали четыре основные группировки, которые действовали почти наравне с чёрной сетью Ракель. Они прятались в тени, но знали о них почти все подростки — и даже те, кто делал вид, что ничего не знает. Эти четыре: OLC, Синкопа, Такита (ТКТ) и Крокс.

Самой опасной из них считалась OLC. Туда брали только сильных — как физически, так и морально. Там не было слабых, туда не попадали по ошибке. OLC ассоциировалась с ножом. Почти каждый, кто там состоял, не просто носил его при себе, а умел пользоваться. Почти каждый подросток в городе имел при себе небольшой складной нож, даже если не умел им орудовать. Просто потому, что без него на улицу лучше не выходить. Но в OLC нож был не для страха — а как часть тела. Оружие, которым владели как художники кистью.

Синкопа была более грязной. Её участников всегда было больше, туда брали почти всех, но и репутация у неё была соответствующая. Алкоголь, таблетки, затуманенный взгляд — это была норма. Когда-то у этой группировки был уклон в боевые искусства. Тренировали удары ногами: тхэквондо, муай-тай, капоэйра, сават. Руками почти не пользовались. Ноги были оружием, которое ломало челюсти и носы. Но со временем тренировки сменились на ломку от дозы, а честь — на зависимость. Многие до сих пор тренируются, но большую часть уже поглотила зависимость, которая не позволяет управлять своим телом.

ТКТ — Такита — самая скрытная. Эти не ходили большими группами, не устраивали показательных драк. Но если кого-то похищали, если кто-то исчезал — почти всегда за этим стояла Такита. Про них мало говорили, но все знали: если тебя взяли — обратно ты уже не вернёшься прежним. Они больше напоминали разведку или фантомную армию. Внутри всё было по рангу, по порядку. И никто, кроме самих участников, не знал, кто там внутри. Даже между собой они часто не называли друг-другу своих имён.

Крокс был самым безобидным из всех четырёх группировок. Ещё пару лет назад он конкурировал с OLC по силе, там были ребята не слабее, просто с другими правилами. У них был свой стиль, своя ярость, своя репутация. Но всё резко изменилось. Половина состава исчезла. Буквально, без прощаний, без следа. Кто-то говорил, что они уехали в Люмер, кто-то — что пробрались в Фиксвелл. А кто-то и вовсе считал, что они уже в гробах, закопаны в безымянной земле. Правда так и не всплыла и похоже, уже не всплывёт. После этого Крокс стал нейтральным. Не вмешивался в конфликты, не тянулся к власти, не лез ни в одну из других группировок. Даже OLC теперь смотрела на них с полуснисходительным спокойствием. Конфликтов не было — как будто Крокс просто отошёл в сторону. Главарь Такиты презирал их за хаос. Говорил, что им нужен надзиратель, что они будто «дворовые псы без поводка». Но напрямую никто не трогал, потому что Крокс не вставлял свои пять копеек — ни в чьи споры, ни в чьи движения. Сами парни из Крокса оставались буйными. Громкие, шумные, вечно дерущиеся между собой и с незнакомыми, если было настроение. Им было всё равно на структуру, на субординацию, на то, как правильно «быть группой». У них не было правил — только улица и толпа, которая быстро собиралась по зову одного. Теперь Крокс — это скорее толпа, чем организация, и в этом их сила. Они могут исчезнуть, а могут снова выстрелить.

У каждой группировки был свой главарь — тот, кто решал, кто достоин, а кто пойдет мимо. Он отвечал за всё: тренировки, наставления, дисциплину и раздачу задач. Большинство из них были тем же подростками, просто повидавшими больше. Их уважали не за возраст, а за то, сколько боли они пережили — и сколько сумели пережить других. Девушек туда не брали, не потому что презирали, а потому что не могли защитить. Улицы были слишком жестокими. Не прощали слабости, не щадили ошибок. Были случаи — пытались. Но долго они не задерживались. Потом просто исчезали, как будто их не было.

Группы вели себя автономно. Старались не вмешиваться в друг в друга. Открытой вражды старались избегать. Но между Синкопой и OLC уже несколько лет шла война. Их зоны — слишком рядом, а рядом, когда пахнет улицей, всегда начинается борьба за воздух. Но, помимо этого Синкопа так же приносила достаточно проблем OLC. Однако, Синкопы не сильно об этом переживали.

Участники группировок часто враждовали между собой — причины были у каждого свои: личные обиды, спор за территорию, чужой взгляд, сказанное не вовремя слово. Но идти

всей толпой на толпу без разрешения главаря — считалось жёстким нарушением. Такое каралось быстро и больно. Потому что в уличных кодексах была простая истина: хаос начинается тогда, когда бойцы забывают, кто ими командует. Собраться по десять человек с двух сторон — разобраться, высказать, дать по лицу — было почти нормой. Так делали всегда. Иногда дрались, иногда расходились словами, но главное — всё оставалось внутри. Тем более, колледж, в котором учится Виана, — это и есть их общий муравейник. Одно здание, сотни пересечений. Улицы не заканчивались у забора, они просто переходили в коридоры.

Девушек трогать запрещалось. Особенно если ты часть группировки. Были свои правила, и это — железное. Даже если раздражает, даже если нарывается — если она не сделала ничего против Черной Сети Ракель, значит, не трогай. Значит, не твоё дело. Один удар — и ты в пролёте. За такое могли выгнать, а вылет из группировки — это почти то же самое, что вылет из Сети. Из тебя сделают отброса. С тобой не будут просто «не здороваться» — тебя будут ненавидеть. Презрение в каждом углу, косые взгляды, шепот за спиной, готовые руки. Тебя возненавидят сотня человек, если не больше и это будет не просто «выперли». Это будет — тебя больше нет. После вылета — ты никто. Ни имени, ни группы, ни защиты. За одно твоё присутствие — где не надо, с кем не надо — могли избить. Просто, потому что ты теперь — не свой. И самое страшное — тебе никто не поможет. Не потому, что бояться, а потому что больше не обязаны.

Аудитория пахла антисептиком и пылью. Почерканные парты были выцветшие, с вмятинами и следами скальпелей, лезвий и перочинных ножей. Кто-то вырезал латинские фразы, кто-то оставлял символы: медицинские знаки, разные имена, угрозы. На стенах висели старые схемы человеческого тела — скелет, дыхательная система, мускулы. Все пожелтевшие и словно нарочно смазанные временем. В углу — сломанный фантом торса, из которого кто-то однажды выдрал сердце. На столе преподавателя — пробирки, запечатанные склянки с жидкостями и старая медицинская маска, уже потерявшая белизну.

Виана вошла в класс, чуть помедлив у порога. Там было всего несколько человек, и никто не обратил на неё особого внимания. Она выбрала свободное место у окна и села, уставившись наружу. За стеклом — студенты, громкие, оживлённые. Кто-то смеялся, кто-то курил, и никому до этого не было дела.

До начала пары к Виане подошёл высокий парень — с короткой стрижкой, в тёмной футболке. Он держал в руках серый конверт без имени. Парень, что принёс письмо, бросил взгляд на Виану — быстрый, оценивающий, немного удивлённый. Видно было: он ожидал увидеть кого-то другого, но не девушку. Но ему велели — он исполнил. Ему не дали имени, только место: «второй ряд, у окна». Он передал, как сказали. Остальное — не его дело. Поэтому он лишь фыркнул сквозь нос, будто мысленно пожал плечами, и, не сказав больше ни слова, ушёл, растворяясь в коридоре за дверью. Виана осталась с конвертом на столе, который точно не был адресован ей — но теперь находился прямо перед ней. Бумага была грубая, с плотным запахом табака и улицы. На нём — мелкий, почти стёртый знак OLC, едва различимый без внимательного взгляда.

Виана, аккуратно приподняла клапан серого конверта, собираясь заглянуть внутрь. Но в ту же секунду чья-то крепкая рука сзади схватила её за плечо и резко оттолкнула. Она ударилась боком о соседнюю парту и осела на пол. Голова закружилась, но Виана сразу подняла взгляд — перед ней стояли трое. Тот, кто толкнул, — с крупной родинкой под левым глазом и безумным, расширенным взглядом, будто на грани срыва. Двое других стояли чуть позади, скрестив руки на груди. Один из них усмехнулся и сказал:

— Слышь, Веркс, она письмо хотела прочитать.

— Я не слепой, — отрезал тот, кого называли Верксом.

Веркс шагнул к парте, на которой сидела Виана, поставил правую ногу на её край, и, схватив девушку за ворот белой блузки, слегка приподнял, сровняв их глаза на одном уровне.

— Ты что, охренела? — прошипел он, сверля её глазами. — Ты кто такая?

— Я не знала, что это твоё письмо. Мне его положили на парту.

Второй парень, державший в руках открытый конверт, повернул его к свету и медленно произнёс:

— Символ ты видела. Ты не просто так открыла.

— На нём не было имени, — попыталась оправдаться Виана. — Я подумала, что это мне...

— Всё ты знала, — перебил её Веркс. — Ты с Синкопы, да? Первый раз тебя тут вижу. Информаторша их?

— Я в первый раз здесь. Я не знаю никакой Синкопы.

В этот момент дверь аудитории резко распахнулась, вошёл преподаватель. Веркс мгновенно отпустил Виану и отступил, смахнув её тетради и ручки со своей парты.

— Проваливай, — бросил он хрипло. — Я всё узнаю, и ты лично мне ответишь.

Виана молча пересела за другую парту, как можно дальше от тройки. Она опустила глаза в тетрадь, но ни одной строки так и не написала. Мысли путались, сердце колотилось. Она чувствовала — они смотрят. Не просто смотрят, а прожигают, иногда шепчутся, но шёпот, кажется, касается именно её.

Когда пара закончилась, все начали собирать вещи. Виана осталась сидеть, надеясь, что они уйдут и не тронут её больше. Парни и правда вышли первыми, переговариваясь между собой. Но проходя мимо, Веркс со всего размаху пнул её рюкзак ногой, отчего он отлетел к стене.

— Синкопская падаль, — бросил он и вышел из класса.

За дверью, спиной к стене, скрестив руки и ноги, стоял Мортен. Он лениво жевал жвачку, улыбаясь каждому проходящему студенту. Девушки, выходя из кабинета, только краем глаза замечали его — и тут же сворачивали в другую сторону. Даже некоторые парни, не желая встречаться с его взглядом, проскальзывали мимо, опуская головы. Когда вышел Веркс со своими, Мортен не сдвинулся с места — только усмешка стала шире.

— Ещё один, — фыркнул Веркс, с неприязнью глянув на него. — Вижу, ты уже получил свою долю.

Он смерил его с головы до ног, задержавшись на побитом лице. Мортен спокойно выплюнул жвачку под ноги Верксу, не убирая рук с груди. Веркс обернулся и уже собирался ударить, но один из его друзей перехватил его за плечо.

— Спокойно, у нас дела, — сказал он, сжав руку крепче.

Веркс рванулся, но тут же отступил. Плюнул в сторону Мортена и ушёл. Мортен так и остался стоять у стены, глядя в спину уходящим. Усмешка уже сменилась пустым, тяжёлым взглядом.

Виана подняла рюкзак, прижала к себе и вышла из аудитории, стараясь не поднимать взгляд. Мимо проносились чужие разговоры, обрывки фраз, смех — слишком громкий, слишком уверенный, не её. Она не заметила Мортена, стоявшего у стены, пока не раздался короткий свист у неё за спиной.

— Забыла кто ты?

Она остановилась, но не обернулась. Её трясло внутри от того, что было в классе, от взгляда Веркса, от всех тех слов, что ещё звенели в ушах. Мортен подошёл сзади, и в нём не было спешки — он двигался так, будто знал, что она не уйдёт. Крови на лице уже не было, но под левым глазом — синяк, свежий, грязно-синий. Он резко прижал её к себе за плечо, нежно, скорее — властно, будто требовал, чтобы она вспомнила.

— Подружка моя, вроде бы, — сказал он тихо. — Забыла?

Он отпустил, но тут же развернул её лицом к себе.

— Ты же говорил, что друзья — это иллюзия, — не глядя, бросила Виана.

Мортен снова расплылся в улыбке.

— Ух ты, какая у нас запоминающаяся девочка. Честно? Не помню, чтобы говорил такое.

Он отпустил её плечо, бросил взгляд по сторонам, чуть фыркнул, будто вспомнил что-то забавное.

— Ты это... слышала, что лысые там шептали?

— Не слышала, — выдохнула она.

— Врёшь. Я же вижу, слышала.

— Ничего не было. Я просто случайно села за парту одного из них, и мне на стол положили письмо.

Слово «письмо» будто включило в нём тумблер. Он слегка вскинул брови, замер на долю секунды, потом даже не скрывал интереса.

— Какое письмо?

— Я не читала, но на конверте был знак — OLC.

Мортен усмехнулся, будто услышал что-то особо милое.

— Эх, Виана. Вот если бы открыла — я бы, может, даже наградил тебя.

Интонация у него была лёгкая, безобидная, но в ней звенела пустота. Ни в какой награде он, конечно, не думал, но слова должны были прозвучать во внушающем тоне.

— Ладно, Виана. Ступай, — лениво бросил Мортен.

— А ты?

Он приподнял бровь, не поворачивая головы.

— А тебе какое дело?

В его лице что-то резко изменилось. Всё оживлённое исчезло, вытесненное ровной, пустой маской. Он прислонился спиной к стене. Виана развернулась и пошла прочь по коридору, стараясь не оглядываться. Ученики толпились, кто-то опаздывал, кто-то переговаривался, громко смеялся. Она свернула за угол — и резко врезалась в чью-то грудь. Удар вышел сильным, от неожиданности её немного отбросило назад. Виана подняла глаза — и на секунду остановилась, перед ней стоял парень, чуть выше Мортена, с выраженным, рваным шрамом на левом виске. Волосы — густые, тёмно-каштановые, зачёсаны назад с лёгкой небрежностью, будто он не пытался выглядеть аккуратно, но всё равно получалось. В правой руке — сигарета, хоть это и запрещалось. Резкие скулы, сжатая челюсть, пронзительные голубые глаза — не моргали, а смотрели прямо ей в упор. Он слегка наклонил голову и сказал низко, глухо:

— У тебя задняя передача отказала?

Голос хриплый, как будто сигареты — его привычка не первый год. Виана сжала губы, обошла его — быстро, на автомате — и почти побежала по лестнице. На парах Виана сидела тише воды, записывая ровно столько, сколько нужно, чтобы не привлекать к себе взгляды. Обед она провела в библиотеке — маленькое, пыльное пространство, пахнущее старой бумагой и влажной известкой. Там хотя бы было тихо. И главное — там не было Мортена.

Она спряталась между полками, вытащила книгу по анатомии и делала вид, что погружена в чтение. Её мысли блуждали — не по страницам, а по утренним разговорам, лицам, угрозам. Вопросы не кончались, но ответов она не находила.

Когда прозвенел последний звонок, Виана собрала вещи и вышла одной из первых. Она знала: если задержится — наткнётся либо на тройку, либо на самого Мортена, а сейчас не было ни сил, ни желания кому-то отвечать. Автобусная остановка осталась позади. Пешком идти было дальше, но иногда — безопаснее. Пыльные улочки, бледные витрины, подростки, шатающиеся по лавкам, скулящие собаки, мусор. Это всё и есть её новый дом.

Глава 4

Рассказ от лиц: Автор / Мортен

«Иногда человек не умирает — он просто находит место, где уже можно не прикидываться живым.»

Следующие пару дней в колледже прошли однообразно, но от этого не менее напряжённо. Веркс и его друзья к Виане больше не приближались, но их взгляды на каждом занятии словно прожигали спину — и это было даже хуже, чем прямые угрозы. Мортен в колледже не появлялся — как оказалось, он вообще туда ходит редко. Для Вианы его отсутствие стало облегчением. Хоть он и не сделал ей ничего плохого, после их разговора внутри осталась липкая тревога, словно следы от чьих-то грязных пальцев.

С одноклассницами дела тоже не пошли. Девушки были не менее колючими, чем парни — заученные взгляды, лёгкие насмешки, немое «ты тут лишняя», читающееся даже в молчании. Виана каждый раз пыталась заговорить, но получала только холод и взгляд сквозь неё.

Дома становилось не легче. Мама Вианы теперь почти не разговаривала с ней. Уходила на работу — а потом пила. Иногда днём, иногда ночью, когда Виана спала. Бутылки появлялись и исчезали, а мама всё чаще — наоборот. Иногда она не возвращалась домой вовсе. Виана гадалась: возможно, у неё появился кто-то, кто должен заменить отца.

Синкопа — это заброшенный клуб, который когда-то шумел от музыки и жизни. Теперь он мёртв, но продолжает дышать. Его стены облуплены, потолок — в трещинах, пол — в пятнах, но всё равно внутри кипит жизнь. Гнилую, но жизнь. Пространство клуба заполнили более семидесяти подростков — сгорбленных, острых, живущих по своим уличным понятиям. Они приходят сюда, чтобы выжить — своим способом. Здание стоит на огромной бетонной плите, снаружи ведёт лестница, немного кривая, но ещё крепкая. Вокруг — поле. Никаких домов, никаких глаз. Большая, развернутая территория Синкопы, которая никому не нужна.

Обычно вся жизнь кипит не в самом клубе, а снаружи. За зданием, где бетонная плита уходит в обрыв над полем, подростки собираются у края — садятся, свесив ноги вниз, курят, пьют, плюются, шутят, дерется. Там воздух, там их свобода. Внутри клуба, в тени облупленных стен, всё происходит иначе. Там тренируются, отрабатывают удары, ловкость, рефлекс. Или просто валяются на полу, переживая последствия вчерашней ночи. Отдыхают — по-своему. Каждый выбирает, что в этот вечер для него означает слово «жить».

В отличие от других группировок, у Синкопы были девушки — но не бойцы — проститутки. Здесь не делали вид, что все равны. Парни были главными. Они же были наполовину живыми, наполовину — уже ушедшими, но всё ещё могли драться. Причины, по которым сюда приходили, у всех были разные: выпить, кольнуть, нюхнуть, ударить, тренироваться, купить девушку, и самое важное — доказать, что ты ещё не мертв.

Мортен поднялся с грязного, вдавленного в пол матраса — тот давно утратил форму и самоуважение, как и комната, в которой валялся. Он накиннул футболку, не оглядываясь. Девушка за его спиной села, натянув на себя тонкое одеяло и уставившись в его лопатки.

— Ты будешь платить? — голос у неё был сдавленный, почти детский.

Мортен усмехнулся и поднял полупустую бутылку вина с пола, отвинтил крышку, шагнул к двери.

— Эй! Где мои деньги, Мортен?

Он, прижавшись плечом к дверному косяку, сделал глоток.

— Проваливай, а то сейчас мусоров вызову, — бросил он, не оборачиваясь.

Она сорвалась с матраса, полураздетая, всклокоченная, и побежала к двери.

— Ты ублюдок! Ты грёбанный ублюдок!

Он хлопнул дверь, грохот разнёсся по коридору и направился на улицу — туда, где на бетоне уже сидели остальные Синкопы. Мортен прошёл мимо, отпивая из бутылки, не замечая ни её визга за спиной, ни осуждающих взглядов других девушек. Мортен знал, что делает, он знал, что ему ничего не будет. В этих стенах он был не просто участником — он был главным. Его слово было последним, а плевать на правила — частью власти. Он сам решал, как поступать, с кем спать, кому платить, кого бить, и кто будет назван Синкопом.

Рассказ от лица: Мортен

Я вышел на задний двор Синкопы — солнце ударило прямо в глаза. Щурясь, прикрыл лицо ладонью, сам свет уже вызывал раздражение. Не прошло и пары секунд, как ко мне полетел Коман — уже обдолбанный. Он мой лучший друг. Ну, или сам себя так называет. Мне, по правде, плевать. Именно он где-то три года назад затащил меня сюда — в эту дыру, где теперь я команду. Тогда он был главным. Сейчас — если только в собственных галлюцинациях. А если он хоть раз позволит себе в это поверить — я выбью ему зубы одним правым кроссовком.

— Мортен, погнажи к нам, — он накинулся с энтузиазмом, дергаясь в мою сторону, держась за плечо. — Я крепкое сегодня всем принёс. Девчонок куча, вообще круть.

Пока он тараторил, к нам подошла одна из местных — губы ярко-красные, глаза как будто нарисованные. Обняла меня за плечо, начала лапать лицо. Я не двинулся, положил ладонь ей на лицо и мягко откинул назад. Их тут развелось, как опарышей и вроде я сам не против — иногда, но иногда — бесят. Девчонка схватилась за лицо, испуганно проверяя косметику. Губы поджала, но всё же взвизгнула:

— Ты что творишь?

— Закрой свой рот. Сейчас все деньги отберу, что ты сегодня заработала.

Она только открыла рот, чтоб предъявить мне, но я опередил:

— И нет, я не посмотрю, на то, что ты девушка. Потому что ты — не девушка, а проститутка. Ты была человеком... где-то между третьей дозой и четвёртым клиентом. Ты ведь не думаешь, что у тебя ещё осталась душа, да?

Её глаза дрогнули, наполнились сырой, глупой грустью — и она закрыла лицо обеими руками. Повернулась и пошла прочь, уже всхлипывая, будто я разбил не её макияж, а что-то важное. Я смотрел ей в след, делая глоток вина, — нет, я не чувствовал ничего. Я ненавижу проституток, но да — пользуюсь ими, потому что могу.

В этот момент передо мной встал Коман.

— Ты чё делаешь, придурок? — прошипел он.

— А что, мне теперь ей туфли целовать за то, что она товар? Ты что переживаешь за неё?

— Да. Переживаю, — рывкнул он так, что на нас оглянулись.

Я поднял правую ногу, — намек. Один мой кроссовок, и он вспомнит, кто здесь главный.

— Переживаешь? — протянул я, раскрыв глаза чуть шире. — Серьёзно?

Коман отступил на шаг, но взгляд остался злой.

— Ладно, Мортен... расслабься. Я не в себе немного, ты знаешь. Я с тобой полностью согласен. — Он натянуто усмехнулся, будто сам себе не верил.

Я медленно поставил ногу обратно. Сделал ещё один глоток. Всё, вопрос закрыт. Коман собрался было идти со мной к остальным, но вдруг замедлил шаг и, чуть приглушив голос, сказал, что хочет поговорить наедине. Я кивнул, и мы отошли в сторону, за угол, где гудёж толпы уже звучал приглушённо. Я встал у бетонной стены клуба, прислонился к ней спиной и скрестил руки.

— Ну, говори.

— Я тут подумал... — начал он, не глядя прямо. — Мы воруют у OLC. Они скоро всё поймут. Нас поубивают до единого.

— К чему ты ведёшь?

Он сразу заметил, как у меня поменялось лицо — и, кажется, хотел заткнуться, но был уже в ловушке своего языка.

— Мне... нам... работу предложили. Не воровать, а самим хранить. Закладки, барыжить, но по уму.

— Кто предложил?

Он набрал воздуха, будто знал, что сейчас произойдёт.

— Ракель.

Одно упоминание этой сети меняло меня полностью. Будто в голове ломался рычаг — и всё, что во мне было человеческого, исчезало. Я не мог себя контролировать. Оставался только инстинкт — вырезать, стирать, давить тех, кто хотя бы шепчет их имя. Я ударил его ногой в челюсть. Он дернулся, пошатнулся, чуть не грохнулся спиной на землю. Я подхватил его за кофту, резко дёрнул на себя и заглянул в его глаза.

— Только попробуй связаться с Ракелем. Я тебя первым закопаю, а потом каждого, кто носит имя Синкопа, но лезет в эту гниль. — Прошипел я, прямо ему в лицо.

Коман хрипел, глаза слезились, но он понимал — это не угроза — это обещание. Я отпустил Комана. Он закашлялся, выпрямился, пытаясь отдышаться, и выдавил:

— Я понял. Скажу, что мы против. Но...

Я резко поднял на него глаза, полные ярости. Внутри всё снова закипело.

— Но, может... пойдём к остальным? А то ты какой-то нервный.

Вывернулся. Сумел. Я чуть выдохнул и пошёл к остальным молча. Он — за мной, следом, как и должно быть. Я уселся рядом с ребятами. Половина уже была под кайфом, глаза мутные, реакции медленные. Я — чист, поэтому и нервный. Рядом сидел Стерк, один из немногих, кого я мог назвать своим. Хоть и условно. На его плечо облокотилась Молли — моя бывшая. Гнилое воспоминание, обернувшееся проституткой в стенах Синкопы или личной куклой Стерка. Она смотрела на меня, словно всё ещё надеялась, будто помнила, кем я был для неё, а мне было противно. От того, что я когда-то к ней прикасался, от того, что когда-то был ближе, чем надо.

Я снова сделал глоток из бутылки, винный осадок обжёт язык. Взгляд упал на Стерка. Молли тем временем ползала по его телу своими руками. Как будто меня это хоть как-то касается и мне не всё равно. Пусть играет, пусть тянется — я давно уже не в её мире. Стерк не выдержал моего взгляда. Опустил глаза — прямо на мою руку. На ту самую, с чёртовым шрамом. Он будто вспомнил что-то, что давно нужно было забыть — и, конечно, не сдержался.

— Мортен, а ты с Пангой как?

Удар пошёл под дых, как будто все сегодня соревнуются, кто быстрее нащупает мою границу. Я чувствую, как всё во мне снова начинает закипать, как язык хочет резать словами, а ноги — ломать. Я всерьёз думаю выгнать всех этих придурков и оставить Синкопу только себе.

— Мы три года не общаемся, забыл? Единственное, что я хочу сделать с ним — это убить.

Я наигранно улыбнулся и сделал глоток. Вино снова жжёт горло, но сейчас — это единственное, что удерживает меня от того, чтобы всадить бутылку в челюсть Стерка, он не знает, как близко был. Стерк усмехнулся. Наркотики уже плотно окутали его разум, и фильтр между мыслью и словом у него явно испарился. Он решил выставить всё, что копилось.

— Я тут это... — протянул, ковыряясь в кармане. — Недалеко от колледжа одну штуку нашёл.

Он достал кинжал. Яркий, выточенный, с остриём, металл его блеснул в свете. Я молча отложил бутылку, вырвал у него кинжал и начал рассматривать. На лезвии — гравировка: OLC. Противные, чужие буквы, а под ними — ещё хуже: PG.

Мой взгляд медленно поднялся. Я не сказал ни слова, просто встал и врезал ему ногой по лицу. Молли едва не задел — повезло ей. Стерк грохнулся назад, ударился об бетон, нос расквасился в кровь. Молли взвизгнула — визг, как от царапанной плёнки, будто снова захотела напомнить, что она здесь и заиграть на моих нервах. Остальные парни даже не пошевелились. Все знали: я просто так не бью, только если что-то не по мне, а это — именно оно. Стерк попытался подняться, хватаясь за нос, выдохнул сквозь кровь:

— За что?

Я поставил ногу ему на грудь, не давая подняться.

— Ты знаешь за что.

Я оттолкнул его обратно на бетон, ещё раз взглянул на нож. Он смотрел на меня, будто знал, что станет причиной чего-то большего. Я убрал кинжал в задний карман штанов, прямо к пояснице. Пусть пока полежит там, его время ещё придёт.

После этого я не выдержал. Ушёл туда, где хотя бы не шумят, где всё давно затихло. Туда, где осталось последнее, что хоть как-то связывает меня с человеком — на кладбище к младшей сестре. Кладбище почти не отличалось от остального Ревикса. Всё та же трещащая тишина, те же облупленные плиты, та же вечная серость, но здесь было спокойнее. Здесь уже лежали те, кто принёс в этот город и зло, и добро — если эти слова вообще что-то ещё значат. Могила моей сестры стояла в самом углу, как будто её поставили там, чтобы забыть. Всё заброшено, к ней никто не приходит. Кроме меня, да и я — нечасто.

Никаких дат, ни дня рождения, только имя и старое фото. Время для нас не существует. Когда я родился, оно ещё существовало, а сейчас оно осталось где-то в мифах, как когда-то — динозавры. Говорят, в столице все живут по времени, а в Триаде никто не знает точно — какой час, какой год, какой век. Хотя, кто считает? Ты можешь знать, сколько тебе лет, только если сам отслеживаешь или если родители помнили. Мне, наверное, восемнадцать. Я родился осенью, когда опадают листья. Когда падает первый желтый лист, понимаю, что стал старше.

А время... да кому оно нужно? Светло — день. Темно — ночь. Личный будильник завёдён — значит надо на учебу или работу. Всё просто, остальное — иллюзия. Я много читаю, не потому, что хочу показаться умным, просто чтобы понять, как устроен этот хлам под названием мир. В зарубежных книгах любят писать, что время — это сила, контроль, инструмент. Что те, кто умеет им управлять, держат всё в руках, но по мне — всё это чушь. В этих улицах время сдохло первым, остальное — просто догнивает и время тут никак не поможет.

Я положил рядом с её могилой одну розу. Купил по дороге — больше денег не было, да и ей много не нужно. Она всё равно бы улыбнулась, даже от одной. Ей было десять, когда она умерла, совсем ребенок. С тех пор я хожу как пустой — не живу, не дышу, просто тащу за собой это тело.

Я мечтаю о своей смерти столько, сколько себя помню. Пробовал не раз — не выходило. Жизнь, видно, любит измываться и не собирается меня отпускать. А когда её не стало — я просто перестал быть. Она умерла не от болезни, не случайно. Это не несчастье — это было намеренное убийство от сети Ракель. Я знаю, кто это сделал, и я никогда не прощу. Теперь я ненавижу каждого, кто хоть краем ногтя связан с Ракелем.

— Ты ляжешь на этом же кладбище, Тантр, — выдохнул я. — Ты долго не проживёшь.

Я постоял пока не начало темнеть. Потом развернулся и пошёл туда, где по-настоящему живу — в Ящик. Заброшенный гараж на окраине, возможно, там ранее стояла чья-то машина или вещи, а теперь гниёт железо и гнию я. Место, где меня не найдёт никто. С пятнадцати я живу там. Не дома, дом давно не дом. Я прихожу туда редко разве что сходить в душ. Отец ушёл — и хрен с ним. Мать после смерти Келли, моей сестры, как будто ослепла: смотрит сквозь меня. Я для неё не человек, так, шум в квартире. В Ящике я всё пробовал. Резал себя, жрал таблетки, кололся, нюхал, пил до чёрного экрана. Иногда просто тренировался, пока тело не начинало орать. Иногда бил грушу до крови на кулаках. Это единственное место, где я могу

быть собой, без чужих глаз. Там у меня есть всё, что нужно: грязный матрас, старая груша, бутылка крепкого и самое главное — тишина.

Глава 5

Рассказ от лиц: Виана / Автор

«Иногда лучший ход — не напасть и не убежать, а просто остаться на клетке, которую никто не видит.»

В колледже стало находиться просто невыносимо. Я училась смотреть в пол, не пересекаться взглядами, не дышать громче, чем нужно. Веркса я избегала, как огня. От одного его взгляда внутри всё холодело. А когда в коридоре появлялся Мортен — редкое явление, но всё же — меня сковывало так, будто я снова сижу за партой, и кто-то держит меня за футболку. Он ничего плохого не делал, но ощущение от него было, как от натянутой проволоки: тянется, улыбается, но порежет, если дотронешься.

Обеды я проводила в библиотеке. Я приносила с собой книгу, одну из тех, что привезла ещё из Люмера. Книга о шахматах. Последнее, что я в ней читала — про защиту Каро-Канн.

«Защита Каро-Канн — не о слабости, а о выносливости. Это не бой с разбега, а крепкая броня, надетая заранее. Ты не кидаешься на врага — ты встаёшь стеной. И в тишине, без шума, делаешь шаг за шагом. Не для атаки, для победы.»

Я не знала, как играть в шахматы. Не понимала комбинаций, не умела рассчитывать ходы, но книга не требовала игры, только внимания. Иногда, когда я читала, парни косились на меня. Кто-то из них явно пытался понять, что это за книга. Слишком уж упорно ловили взгляд, слишком нагло пытались заглянуть в обложку. После этого я стала её прятать — держать между страницами тетрадь, подсовывать в папку. Книга стала чем-то вроде талисмана. Если они не видят, они не смогут украсть. Если не знают, не смогут отобрать. И если честно, я и сама не всегда понимаю — я читаю, чтобы понять шахматы или чтобы не понимать всё остальное, что происходит вокруг. Я уже собиралась закрыть книгу и уйти, но мой взгляд зацепился за новое заглавие:

«Защита Нимцовича: борьба за центр через контроль, а не захват».

«Не обязательно властвовать, чтобы управлять. Иногда ты не берёшь центр — ты просто не даёшь другим в нём остаться.»

Это звучало не как описание шахматного приёма. Это звучало как закон улицы. Как то, что делают люди в этом городе — не властвуют, но мешают. Не берут, но ломают чужое. Стоят сбоку, но управляют центром, и ты даже не замечаешь, что уже не на своей клетке.

Над зданием раздался давящий голос, заставивший вздрогнуть:

— Студенты, пройдите по своим кабинетам. Время отдыха завершено.

Я захлопнула книгу, не раздумывая, спрятала её в рюкзак — крепко, будто это не учебник, а что-то важное, что нельзя потерять и побежала в класс. Я шла так быстро, что за поворотом буквально врзалась в кого-то. Не подняв головы, попыталась пройти мимо — но меня схватили за локоть. Сердце застучало: я не оборачивалась.

— Ой-ой, куда мы так летим? — протянул голос Мортена.

— Мне нужно идти, — выдохнула я, не поворачиваясь.

— Чего это так? Мне, например, никуда не нужно.

— Это ты решил. Ты и в колледже-то бываешь раз в неделю.

Он потянул меня за локоть, заставляя развернуться к нему. Я упёрлась обувью в пол, но всё равно оказалась лицом к лицу.

— Ты что, переживаешь, где я пропадаю? Я, знаешь, в парках сижу. Слушаю пение птиц, помогаю старикам по дому, пакеты там донести.

Врал он красиво, почти художественно, с таким лицом — хоть на сцену. Только я бы ни за что не поверила, что человек, вечно с мутными зрачками и руками, дрожащими не от доброты, таскает продукты пенсионерам. Он снова расплылся в своей фирменной улыбке, и глаза — те же, с нашей самой первой встречи чёрные колодцы.

— Что ты хочешь от меня? — сказала я, не поднимая взгляда.

Он на секунду нахмурился, будто я испортила ему весь репертуар.

— Ты слишком подозрительная, Виана. Мне кажется, тебя легко могли бы подкупить Олсеры. Не вздумай с ними связываться.

Я всё ещё не знала, кто они такие. Не понимала — люди, организация, преступники. Кивнула, как будто знала, и уже сделала шаг, чтобы уйти, но он снова остановил. Его рука вдруг дотронулась до моей шеи, точнее — до кулона, спрятанного под одеждой. Он вынул цепочку наружу, положил круглый голубой кулон на ладонь. Его пальцы провели по поверхности.

— Это что?

— Кулон.

— Вижу. Для чего?

— Просто семейная память.

Он ещё немного повозил по кулону пальцем, будто искал тайный знак, секрет. И отпустил. Я сама взглянула на него — и что-то было не так. Вроде раньше там был какой-то рисунок. Теперь — пустой. Я спрятала кулон обратно под одежду и снова посмотрела на Моргена.

— Я могу идти?

Он пожал плечами, руки в карманах, брови — приподняты.

— Ну иди.

Я развернулась и пошла, стараясь не оборачиваться. Но всё тело ощущало — он стоит и смотрит мне в спину.

Рассказ от лица: Автор

Виана зашла в класс и сразу же выдохнула — Веркса не было. Его друзья, правда, сидели на своих местах и смотрели на неё в упор, и взгляд у них был даже злее, чем в первый раз. Виана всё равно пошла вперёд и села за свободную парту, стараясь не встречаться с ними глазами. Преподаватель в этот момент поднялся с места и сухо сказал:

— Сегодня у нас практика.

Это прозвучало странно. Виане казалось, что для практики было ещё слишком рано — они едва успели познакомиться с базовыми понятиями. Но вместо пояснений преподаватель стал раздавать студентам свиную кожу, хирургические салфетки и скальпели. В воздухе повис запах латекса и сырого мяса. В классе послышались оживлённые голоса, кто-то даже улыбался, будто это было чем-то забавным. Одна из студенток, не выдержав, вскинула руку:

— Простите, но почему мы делаем это так рано? И в чём смысл резать просто кожу?

Преподаватель помолчал, глядя на неё, а затем, с явным нежеланием, ответил:

— Глава города Ревикс настоятельно рекомендует начинать с практики, а не терять время на теорию. Вы, медики, выполняйте свою работу, без лишних вопросов.

Виана замерла с зажатым в пальцах скальпелем. Свиная кожа была выбрана неспроста — по структуре она максимально напоминала человеческую. Именно её используют в хирургических тренажёрах, чтобы отточить уверенность руки и точность надреза.

Главарей Сетей называли главами городов, потому что других властей здесь просто не существовало. Ни избраний, ни совета, ни системы — только сила. И главу Ревикса не интересовало, знают ли студенты теорию, понимают ли они анатомию или различают ткани. Ему было важно одно — как они режут, как держат скальпель, как вырезают. Когда эти студенты окончат колледж — или хотя бы доберутся до третьего курса — им придёт письмо от Сети Ракель. Фор-

мально это будет предложение: высокая зарплата, стабильная работа, «честь от имени города Ревикс», и обещание спокойной, счастливой жизни. Но всё это — ложь. Тщательно подобранная упаковка для гнилого содержания. Никто из тех, кто действительно работал на Ракель, не называл свою жизнь ни счастливой, ни лёгкой.

Многие студенты пока ещё не знают, что в один день это письмо окажется в их почтовом ящике. Они просто пришли учиться медицине — по интересу, по наитию, кто-то по семейной традиции. Но Ракель не берёт всех. Преподаватели фиксируют лучших — кто режет точнее, кто увереннее держит скальпель, кто не морщится при разрезе. Именно об этих студентах отправляют сведения в штаб главы города, а там уже решают, кому «повезло». Иногда приглашения приходили уже на первом курсе. Но чаще всего тех, кто занимался изъятием органов, набирали из совершеннолетних. Эта работа требовала холодной головы, твёрдых рук и точной анатомии.

Виана держала скальпель, как чужой, опасный предмет — неуверенно, с опаской. Она не имела ни малейшего понятия, как им пользоваться. Некоторые из парней ухмылялись, играя лезвием, как будто это не инструмент для медицины, а часть их самих. Кто-то крутил скальпель в пальцах, словно это был карандаш, а не оружие. Другие уже начали надрезать свиную кожу с пугающей лёгкостью — аккуратно, с нажимом, с точностью, будто делали это всю жизнь. У некоторых студентов нож не просто был в руке — он будто с ней сливался. Лезвие становилось продолжением кисти, а разрез — естественным движением.

Виана озиралась по сторонам, как и ещё несколько таких же студентов. Их взгляды пересекались — в них было одно и то же: напряжение, растерянность, желание не упасть лицом в грязь. Но помощи никто не предлагал. Преподаватель наблюдал молча, отмечая тех, кто не спрашивает и не боится. Кто режет — не задумываясь, кто подходит.

Когда преподаватель увидел, что большинство студентов уже закончили с первым заданием — или, по крайней мере, притворились, что закончили, — он неспешно собрал у каждого свиную кожу. Даже у Вианы, которая так и не решилась сделать ни одного надреза. Без лишних слов он подошёл к своему столу и достал новые вакуумные пакеты, внутри которых были небольшие мёртвые поросята — настоящие, с ещё сохранившейся розовой кожей, как будто их только что вынули из лабораторной морозилки. Он медленно раздал по одному на парту, и в этот момент даже те, кто до этого ухмылялся и флиртовал со скальпелем, начали терять уверенность. Теперь нужно было вырезать органы — каждый по отдельности, с максимальной точностью. Без лишней крови, без повреждений. Разложить по стерильной ткани в строгом порядке.

Молчаливые, те самые, что не болтали весь семестр, будто ждали именно этого момента. Их было всего трое. Они сидели в разных концах аудитории и не переглядывались, но начали одновременно: взяли скальпели, сделали разрез, вывели линию, в точности, как будто натренированы с детства. Их руки не дрожали, они не задавали вопросов, не жались, не жалели, что это делают.

Те, кто до этого уверенно крутил нож в пальцах, теперь хватались за скальпель неуверенно, будто он вдруг стал холодным и чужим. Кто-то бросал работу на полпути, не выдерживая запаха или невозможности аккуратно отделить печень от желудка. Были и те, кто продолжал, упрямо сжав зубы, хоть руки и дрожали. Виана не могла даже прикоснуться, она сидела сжавшись, стараясь не смотреть. Её подташнивало — не только от вида, но от самой идеи. Это ведь не просто анатомия, это будто проверка на то, насколько ты способен отключить сострадание.

Через несколько минут трое молчаливых закончили почти одновременно. Разложили органы рядом, положили скальпели строго параллельно и, не меняя выражений лиц, подняли глаза на преподавателя. Он кивнул и сделал отметки.

В этом колледже не нужно было имя, чтобы тебя запомнили. В Ревиксе, как и в других городах, каждое настоящее имя умирало первым — его сжигали мысленно, отказывались от

него, как от детской болезни. Здесь имя было то, что давала улица, Сеть или случай. Оно прилипало как ярлык — и оставалось навсегда. Только родители помнили, как называли своего ребёнка в детстве.

Когда работа была полностью завершена и прозвенел звонок, класс выдохнул. В колледже Ревикса уроки начинались с голосового объявления, а заканчивались под обычный звонок. Многие студенты не поднимали глаз. Они понимали: практика была неизбежна, но не думали, что она начнётся так рано, что окажутся совершенно не готовы — ни умом, ни телом.

Виана поднялась, всё ещё чувствуя во рту горечь страха. Она вышла из класса, направляясь к следующей паре. Не глядя по сторонам, опустив голову, шла по более тёмному, почти неосвещённому коридору. Он вёл к другому крылу здания, где лампы догорали медленно. Она шла, погружённая в мысли, пока кто-то резко схватил её за плечо и развернул.

Сердце на секунду ёкнуло. «Опять Мортен?» — промелькнуло в голове, но всё было иначе. Прежде чем она успела рассмотреть лицо — кулак врезался в неё. Виана отшатнулась, но не упала — её удержали за плечо. Второй удар пришёлся в висок. Она рухнула на пол, подперев щеку рукой, от боли и удивления перехватило дыхание. Перед ней стоял Веркс.

— Всё-таки с Синкопы, — прорычал он. — Ты не их шлюха — это видно, но воруюшь для них, да?

— Синкопы решили, что ты идеальный ход? Никто не подумает, что девушка может воровать у OLC? — он зло усмехнулся. — Эти мудаки всегда думали, что самые умные.

Он схватил её за волосы, резко дёрнул, заставив поднять лицо к себе. Виана вскрикнула от боли, глаза наполнились слезами.

— Сдружилась с их главарём? Работаешь на них? — он наклонился ближе. — Тогда сдохнешь вместе с Мортеном.

И ударил ещё раз — в нос. Виана повалилась на спину, кровь хлынула из разбитой переносицы. В этот момент из-за поворота показался преподаватель. Он мельком глянул в сторону, увидел сцену и сухо бросил:

— Веркс, в класс. Сейчас же.

Парень выпрямился, последний раз посмотрел на Виану.

— Отплатишь долги смертью Синкопы, — прошипел он, прежде чем уйти.

Виана закашлялась, кровь потекла по губам, и она машинально попыталась смахнуть её ладонью — только размазала по щеке. Она не понимала, за что. Её никто не предупреждал, ни с кем она не была, ни к Мортену не испытывала привязанности — напротив, старалась держаться подальше. А теперь она знала, кто он, и знание это только усиливало её безвыходность. Она попыталась подняться, но ноги подкосились. Пол поплыл перед глазами, и она снова рухнула — в этот раз на локти. Пальцы дрожали. Сердце сжималось так, будто кто-то схватил его рукой и не собирался отпускать. Впервые ей по-настоящему захотелось, чтобы сейчас здесь был Мортен. Хоть кто-нибудь, но коридор был пуст. Только эхо её дыхания и далёкие голоса в других крыльях здания. Со второй попытки Виана всё же поднялась. Прислонившись к стене, пошла — медленно, к ближайшей уборной, чтоб привести себя в порядок.

Только она подошла к уборной, как замерла. Справа, у двери мужского туалета, стоял тот самый парень — с голубыми глазами и шрамом на виске. Тот, в кого она врезалась пару дней назад. Он не заметил её — стоял спиной и прижимал другого ученика к двери, крепко сжав его горло одной рукой.

— Говори где мой нож, сука?

Он ударил голову парня о дверь, не отпуская шею.

— Нету, Панга! Нету у меня твоего ножа, — задыхаясь, проговорил тот, кто был в его руках.

Панга поднял правую руку. Рукава чёрной кофты сползли, и Виана заметила лезвие ножа. Он поднёс его к горлу своей жертвы, будто приговаривая к чему-то больше, чем страху.

А потом остановился.

Резко обернулся — глаза столкнулись. Виана почти не дышала и сразу же шагнула в сторону, открыв дверь женской уборной и скрылась внутри. Она подошла к зеркалу, лицо будто разбито молотком — губы растрескались, из носа всё ещё капало, под глазом синева уже начала ползти по скуле, а на щеке ясно проступал след грубой руки. Она наклонилась над умывальником, включила воду, провела холодной струёй по лицу, пытаясь смыть кровь, липкую, чуть засохшую, как будто чужую, но всё равно — с её кожи. За дверью стало тихо, звуки разошлись, словно и не было ничего. Она смотрела в своё отражение и чувствовала, как в горле поднимается желание зарыдать. Она приоткрыла дверь, собираясь выйти, но ей резко захотелось её закрыть обратно. Она тут же встретила Пангу. Он стоял, скрестив руки, наклонив голову чуть вбок, как будто ждал именно её с вопросами.

— Любопытная, да? — сказал он. — Мало того, что врезаешься, так ещё и наблюдаешь?

Он шагнул ближе, Виана инстинктивно потянулась к двери, но его ладонь легла на неё твёрдо, как замок, и одним движением он толкнул её в сторону, заставив дверь полностью раскрыться.

— Это случайность, — сказала она, стараясь не встречаться с ним взглядом, — я не собиралась никому ничего рассказывать.

— Конечно не собиралась, ты даже думать об этом не должна.

Он склонился ближе, глаза их почти сравнялись.

— Ты ведь не знаешь, кто украл мой нож?

— Нет, — ответила она почти шёпотом.

Он выпрямился, взгляд его потемнел, и, не скрывая раздражения, рвано выдохнул, потом махнул рукой, отбрасывая её как мысль.

— Тогда на хуй иди отсюда, бесполезная, — бросил он резко, отходя в сторону.

Виана начала отступать, стараясь не оглядываться, но всё же, дойдя до поворота, не выдержала, обернулась на него через плечо. Он стоял на том же месте, не двигаясь, не моргая, и его глаза наблюдали за ней до самого её исчезновения. Она ускорила шаг, уходя, думая, что уже больше никогда не вернется к этим уборным, но чувство, что она уже где-то осталась в этих глазах парня, не покидало.

Последнюю пару Виана просидела, будто под водой, не в силах поднять ни ручку, ни взгляд. Руки подрагивали от остаточного страха, мысли рассыпались, не складываясь даже в простые слова. Лист в тетради остался чистым. На её лицо никто не обратил внимания, словно синяки и разбитая губа стали частью формы, такой же обыденной, как серые стены и поломанные парты.

Когда она пришла домой, солнце уже клонилось к горизонту, оставляя в комнате длинные, угасающие полосы света. Мама была дома, но не одна. На кухне за столом сидел мужчина, с которым она делила бутылку. Мама, спотыкаясь в речи, вдруг заметила Виану. Её взгляд задержался на лице дочери, скользнул по синяку, по носу, по глазам. На секунду в ней будто что-то шевельнулось, но она просто кивнула, как будто одобряя, и сделала ещё один глоток из бокала. Потом встала, зацепившись рукой за край стола, и, покачиваясь, подошла к дочери, рядом с мужчиной. Он стоял чуть сзади, высокий, с жирной кожей.

— Доченька, — сказала мать, растягивая слова. — Знакомься, это твой новый отец.

Мужчина сделал шаг вперёд, вонь алкоголя стала гуще. Он наигранно склонил голову, будто изображая заботу.

— Приятно познакомиться, Виана.

Глава 6

Рассказ от лиц: Автор / Мортен

«Есть ошибки, на которые нужно не меньше жизни, чтобы их не совершить.»

Новый отчим поселился у них, и с каждым днём алкоголь в доме становился крепче. В колледже Веркс перешёл от слов к действиям, и уже не таился. Он мог просто пройти мимо и выдрать у неё прядь волос, зная, что за это ничего не будет. Он любил напоминать, что уверен: она работает на Синкопу. Его двое друзей поддерживали его молча, только взглядами и ядом на языке, не касаясь руками, но их взгляды иногда царапали хуже удара. Жаловаться Мортену она даже не пыталась. Если целый колледж не обращает внимания на её лицо, он тем более не станет.

Когда Виана приблизилась к воротам колледжа, взгляд зацепился за троих парней, стоявших чуть в стороне. Ещё один лежал на земле, сжатыми руками прикрывая голову, а вокруг него, двигались удары ног. Это были парни из Синкопы. Неподалёку от них, опершись о металлическую створку ворот, стоял Мортен. Он курил, не вмешиваясь, просто наблюдая, как будто ждал, когда закончится. Когда он медленно подошёл ближе, ребята разошлись, почти с уважением, оставив побитого на траве. Мортен присел на корточки, и, не меняясь в лице, взял парня за ухо, поднял его голову, заставил посмотреть на себя. Виана сразу узнала его — тот самый, кто избивал Мортена в первый её день в колледже.

— Думал, не поймаю? Кимр, где твой Тантр?

Кимр отбил руку, пошатнулся и упал на спину, но подперся руками. Мортен слегка усмехнулся от этого.

— Если Тантр узнает, ты сдохнешь. OLC не прощает выходки Синкопы.

У Мортена в лице всё изменилось, будто выключили свет. Он молча смотрел, без тени улыбки. Кимр продолжал, уже сквозь страх:

— Захочу, я твои зубы сам в толчке повыбиваю, пока они у тебя не отпали от наркоты.

В тот же миг Мортен развернулся, и с разворота — точно, намеренно — ударил ногой по лицу Кимра. Тот снова рухнул на землю, закрылся руками, задыхаясь. Мортен лишь бросил коротко:

— Говори, когда, я приду.

Виану смотрела, как он уходит, и не могла найти в нём того, кто недавно пытался улыбаться, кто шутил тихим голосом в коридоре колледжа. Перед её глазами прошёл кто-то совсем другой. Мортен повернулся к своим, бросил взгляд, и направился к колледжу. Остальные молча двинулись за ним, без слов, без команд, просто по инерции, потому что он уже шёл.

Сегодня в класс Вианы вошёл новый студент. На нём — чёрная балаклава, плотно закрывающая всё лицо, кроме тёмно-зелёных глаз и кусочка носа, едва выглядывающего из-под ткани. У входа в аудиторию преподаватель хотел предъявить парню за ношение маски в коллеже, губы уже начали движение, но замерли. Парень молча подошёл, не говоря ни слова, вынул из внутреннего кармана карту гражданина. Поднёс её к глазам учителя, тот прочёл, побледнел едва заметно, и с нервным, сдержанным кивком жестом пригласил его войти. Парень прошёл мимо, в класс. Сел за последнюю парту, не оглядывался, не выпрямлял спину. Веркс с друзьями зашёл чуть позже, его появление сразу вернуло в комнату резкость. Проходя мимо Вианы, он привычным движением ударил её по лбу, не останавливая шага.

— Как дела у Мортена, мразь? — бросил он, не глядя.

Виана промолчала, прижала ладонь ко лбу и отвела глаза. Парень в маске не отреагировал ни на слово, ни на удар, но его взгляд неотрывно следил за Верксом, как будто примеривал его силу — или считывал слабость. Веркс почувствовал этот холодный прицел и повернулся через плечо.

— Это кто такой? — спросил он у своих, всё ещё смотря на парня. — Чё, выделиться решил?

Парень молчал, продолжая наблюдать зелёными глазами.

— Он не Синкоп и не Олцер, — сказал один из друзей Веркса. — Я его раньше не видел, может с Крокса. Там любят строить из себя особенных.

Во время пары Веркс ещё несколько раз бросал в сторону Вианы язвительные фразы, почти шёпотом, но с расчётом, чтобы слышали. Говорил про её связь с Мортеном, называл подстилкой Синкопы — связи, которой никогда не было, но теперь, в этом колледже, ей в это никто не поверит.

Когда прозвенел звонок и студенты один за другим стали покидать аудиторию, Виана осталась на месте, выжидая, чтобы не столкнуться с Верксом или кем-то из его окружения. Только когда в классе стало тихо, она поднялась, развернулась к выходу и вдруг заметила, что не одна. Парень в маске всё ещё сидел на своём месте, будто не услышал сигнала, не заметил, что урок окончен. Он не менял позы, не дёрнулся, только смотрел — прямо на неё.

— Что-то случилось? — тихо спросила Виана, останавливаясь.

Он не ответил, только поднял палец и жестом показал — подойди.

— Как зовут тебя? — спросил он.

— Виана.

Он кивнул, глаза его уже не искали её взгляд.

— Я Пасам. Будем знакомы.

Виана кивнула в ответ, всё ещё настороженная, но в ней впервые за долгое время что-то ослабло. Она даже позволила себе лёгкую, почти незаметную улыбку и вышла из класса.

Виана спустилась по лестнице и почти сразу заметила его — того самого парня со шрамом на виске, которого называли Пангой. Он стоял на первом этаже, недалеко от пролёта, и неотрывно смотрел в сторону одного из коридоров, будто сквозь стены. Когда она открыла дверь, её шаги отозвались эхом. Панга повернул голову на звук, заметил её, и на миг угол его рта дрогнул. Он молча подошёл не глядя на неё, взял её за плечи, не сильно, но так, будто хотел убедиться, что она не уйдёт, и повёл обратно, к своей изначальной точке. В тени коридора Виана сразу заметила: у стены сидел Мортен, согнувшись, будто ушёл глубоко в себя, и смотрел в одну точку, не мигая. Панга не отпускал её плечи, глядя на Мортена, и вдруг заговорил:

— Твой дружок?

— Да, наверное. А он тоже твой друг?

Он повернул её к себе и посмотрел странно, будто не понял, что услышал.

— Да-да, он мой друг, — отмахнулся Панга, не убирая взгляда с Мортена. — Мне кажется, мой друг украл у меня нож, представляешь?

— Так, попроси его вернуть?

Панга вдруг оттолкнул её в сторону, как будто она мешала ему стоять прямо.

— Да? Я так и думал сделать.

Он пошёл вперёд, медленно, руки в карманах. Виана осталась стоять, но не сделала ни шага назад. Панга почувствовал это. Остановился. Обернулся. Смотрел прямо на неё — не с угрозой, а с вопросом.

— Ты чего? Хочешь помочь? Или спасёшь себя исчезновением?

Виана исчезла за поворотом, растворилась в коридоре, а Панга направился прямо к Мортену. Тот по-прежнему сидел, уставившись в пол, будто не замечал приближения.

— Где мой нож?

Мортен медленно растянул губы в улыбке и коротко усмехнулся, не меняя взгляда, не поднимая головы. Панга молча схватил его за ворот белой футболки, рывком поднял с пола и прижал к стене. Мортен не сопротивлялся, всё так же улыбался, будто его держат не на шее, а за рукав. Он не смотрел на Пангу. Рука Панги сместилась к горлу, сдавила. Мортен всё ещё не повернул головы.

— Я знаю, что это ты, — прошипел Панга, почти срываясь, — остальные уже были на коленях, лишь бы я их не трогал.

Только тогда Мортен медленно повернул голову. Улыбка осталась, но глаза раскрылись шире. Панга посмотрел в них — и будто что-то ударило его изнутри. Он замер, глядя в эти зрачки, и его пальцы медленно разжались. Горло Мортена освободилось.

— Я не крал, — сказал Мортен, уже без улыбки.

Панга продолжал смотреть, будто что-то вспоминал, его голос стал тише:

— Ты вообще не меняешься.

Он отступил на шаг, а потом повернулся и ушёл.

Был обед, и Виана, пошла в библиотеку, пытаясь спрятаться хоть на время от всего, что происходило снаружи. Библиотека находится почти на самом конце колледжа, поэтому пока Виана туда дошла через десятки коридоров прошло много времени. Она уселась спиной ко входу, достала из рюкзака свою книгу о шахматах, и едва успела открыть страницу, как чьи-то руки легли ей на плечи. Виана вздрогнула, быстро захлопнула книгу и запихнула её обратно в рюкзак, обернувшись. Сзади неё стоял Мортен. Он не должен был быть здесь, не в библиотеке, не в этом тихом пространстве, где, казалось, даже его энергия должна была растворяться. Когда Виана развернулась, он улыбнулся и посмотрел в рюкзак, где была спрятана книга.

— Что читаешь, созерцательница?

— Ничего интересного.

Он снова улыбнулся, уже чуть шире, чуть настойчивее.

— Показывай, Виана, а то отберу.

Она достала из рюкзака книгу — толстый том без автора на обложке. Мортен взял её в руки, не открывая, осмотрел с двух сторон.

— Шахматы? Ты? — спросил он удивленно.

Мортен вернул книгу ей обратно, глядя теперь не на обложку, а прямо на неё.

— Я в Люмере раньше жила, там ценили шахматы, вот и решила научиться.

Мортен, будто бы немного оттаяв, сказал:

— М, здесь они тоже... славятся.

Он слегка покрутился на месте, как будто не знал, что ещё сказать, а потом вдруг выдохнул:

— Может, это... пойдём в один коридор, посидим?

Виана задумалась. Было ли это опасно? Наверняка. Но выбора не было — она молча встала.

— Пойдём.

Она вышла первой. Шаги Мортена были неровными, будто он плёлся, нарочно отставал, весело комментируя, что ей не нравится идти рядом с ним. Мортен шёл позади, и лениво, почти шепотом, указывал, куда поворачивать, где свернуть. Виана слушалась, не оглядываясь, чувствовала, как он снова улыбается, всякий раз, когда она делает то, что он говорит.

Они дошли до одного из тёмных коридоров, дальше был только тупик — стена. Мортен прошёл вперёд, сел на пол, прислонившись к бетонной стене, тяжело выдохнул. Его потрясывало. Не просто дрожь, а какое-то внутреннее сотрясение, которое не контролировалось. Глаза были дикие, улыбка выдавленная, не его, скорее — маска, натянутая на лицо. Мортен сжал голову руками, накрыл лицо коленями, будто хотел исчезнуть в себе самом, потом медленно

поднял взгляд на Виану, и снова — те же зрачки, расплзающиеся, пустые, чужие, как будто он сам смотрел сквозь неё.

— Мортен, ты под чем-то? — тихо спросила она.

Он резко вскинулся, глаза побежали в стороны, потом вернулись к ней, и он усмехнулся, неровно, слишком резко.

— Что?

Он провёл рукой, где был старый шрам по лицу, задерживаясь на щеке.

— Откуда у тебя он?

Мортен посмотрел на руку, потом медленно залез в задний карман, вытащил блестящий кинжал, протянул ей, небрежно покручивая, как игрушку.

— Видишь? Животная метка, — произнёс он, постукивая пальцем по гравировке, где крупно читалось OLC.

Виана заметила, что под этими тремя буквами было выгравировано ещё две, не такие яркие, но отчётливые.

— А что значит PG?

— PG ублюдок означает, — ответил Мортен, не глядя на неё.

Виана смотрела на него в ожидании, он цокнул языком, как от раздражения, потом сказал, чуть тише:

— Этот нож принадлежит Панге, одному из тех, кто повыше в OLC, не главарь, но тварь — да, так его точно можно назвать.

И тогда она вспомнила, отчётливо, как пальцы Панги лежали на горле парня, как шрам сиял на виске, как он смотрел на неё, и как она не должна была это видеть. Нож был у Мортена, и она — рядом с ним.

— Чё ты стоишь? Садись, — бросил Мортен, махнув рукой рядом с собой, всё ещё закрывая лицо ладонью.

Виана неуверенно опустилась рядом. Коридор был темным и единственное что она хорошо могла видеть это его конец и самого Мортена. Он перебирал нож в руках, остриё легко касалось его пальцев, словно он чувствовал металл не кожей, а мыслями. Взгляд у него стал тише, почти чужой, и в этом лице вдруг мелькнуло что-то, похожее на грусть, но он тут же встряхнулся, распрямился, будто стряхнул с себя ненужное.

— Могу тебе рассказать про него, — сказал он, не глядя на Виану.

Она не ответила сразу, молчание потянулось, как вопрос, как страх, что он может передумать.

— Расскажи, — наконец выдохнула она.

Воспоминания Мортена

Рассказ от лица: Мортен

Всё своё детство, то, что ещё осталось в голове, я провёл с Пангой. Он был первым другом, и последним. Единственным, рядом с кем я чувствовал себя спокойно. Не в безопасности — это другое, именно спокойно, будто можно просто быть.

Познакомились случайно. По моей вине. Тогда я был совсем другим — неугомонным, одержимым яростью, ненавидел всех, кроме матери и сестры. Остальные были как шум в голове. Я бил одноклассников просто так, за то, что смотрят, за то, что говорят. Тхэквондо на улице — было моим смыслом жизни. В секции заниматься отец запрещал, поэтому я тренировался сам, на улице. Всё получалось идеально. Я не боялся никого, испытывал свои удары на других, стал сильнее, меня боялось всё больше подростков, во дворе меня не трогали —

наоборот, старались не встречаться взглядом, в школе я не просто бил первым — теперь я бил так, чтобы запомнили, знал, куда ударить, чтобы человек не встал сразу, знал, как сломать так, чтобы больше не пытался встать вообще, влезал в драки, проверял, кто дрогнет передо мной, а кто попробует огрызнуться, перед тем как упасть.

До того, как встретил его.

Это был вечер, я бродил по двору, думая, кого бы ещё потревожить, и вдруг увидел его — парень моего возраста, незнакомый, я знал всех в этом районе, потому что жил в нём с детства, но его — впервые, и что-то в нём было не так. Он не боялся меня, сидел на корточках у стены гаража, возился в пыли носком кроссовка, будто его вообще не волновало, кто тут главный, я не любил, когда в моём дворе появлялись чужие, а ещё больше не любил, когда меня не замечали, а он не замечал.

Он просто молча сидел. Как тот, кто давно понял, что ему ничего не нужно доказывать, хотя был слишком мал для этого. Я подошёл, думая, что сейчас отправлю его в пыль, как остальных, но он не собирался ударять. Он даже не напрягся. Только посмотрел. А затем, я увидел кинжал около своей ноги. Я не понимаю, что именно тогда произошло, но я испугался именно его, хоть не показывал этого тогда. С того дня мы были рядом. Он метко бросал ножи, ударял руками, я бил ногами, он действовал спокойно, я врывался в свет, он был холодный и расчётливый, я резкий и шумный. Со временем он стал перенимать у меня взрыв, хаос, безрассудство. Я его молчание, выдержку, умение ждать.

Драки стали другими, мы больше не искали конфликты, они сами нас находили, кто-то сказал что-то не то — Панга уже был впереди, готовый ударить первым, кто-то решил показать, что он круче — я просто смотрел, давая ему шанс передумать, но они никогда не передумывали, и тогда они падали. Панга бил жёстко, быстро, не оставляя противнику шанса, я двигался спокойно, экономно, но каждый удар был точным, мы не дрались друг за друга, мы дрались вместе.

Мы чувствовали, как улицы становятся нашими, как школа больше не место для уроков, а место, где все знают, кто здесь главный, мы шли по коридору — и нам уступали дорогу, мы выходили во двор — и подростки старались не встречаться с нами взглядом, но главное — мы доверяли друг другу, не задавали вопросов, если он был рядом — я знал, что мне не надо оглядываться, если я был рядом — он знал, что не останется один. Когда нам было четырнадцать, мы были на вершине, никто не мог нас тронуть, никто не пытался, мы не искали конфликтов специально, но если кто-то встал не в том месте, сказал не то слово, посмотрел не так — он падал. Мы не спрашивали имена, не думали о последствиях, просто дрались, и никто не мог нас остановить.

До того момента как мы не встряли в проблемы.

Это была обычная драка, какая-то группа решила выделиться, а Панга не терпел таких, один первый полез — так пусть огребает, удар, парень рухнул, другой рванулся на меня — но не успел, нога уже врезалась ему в живот. Они были, как и все остальные, мы думали, что это просто очередные пацаны, которые решили доказать что-то. Но потом кто-то крикнул: «ты хоть знаешь, кого ты ударил?»

Я успел только повернуть голову, и что-то резко сжало меня за шею, дыхание перехватило, когда нас схватили, мы даже не поняли сразу, что происходит, нас не били, но тащили без шанса вырваться, мы не видели лиц, не знали, кто эти люди, но чувствовали — это не просто уличные парни, это что-то другое, организованное.

Панга рвался, кричал, плевался угрозами, обещал убить каждого, кто осмелился его тронуть, я тоже дёргался, злился, пытался освободиться, но хватка была железной, мы спрашивали куда нас тащат, но никто не отвечал, только шли, быстро, через улицы и переулки. В итоге нас притащили к заброшенному, небольшому зданию, к старому пивному клубу. Перед нами он — Тантр, их глава, высокий, лысый, руки все в шрамах, лицо каменное, взгляд холодный, цепкий,

он не говорил сразу, просто смотрел, будто уже всё о нас знал. Он смотрел на Пангу, не отводя взгляда, словно видел в нём не просто подростка, а потенциальную угрозу или возможность, меня он будто не замечал, я был рядом, но не в фокусе его интереса, Панга же вырывался, как дикое животное.

И тогда он заговорил: «ну что, герои, готовы отвечать за поступки?»

Не буду рассказывать подробно, но именно тогда нас приняли в OLC, и с этого момента всё изменилось. Там я впервые попробовал алкоголь, тогда пить было можно — после тренировок, после уличных зачисток, после дел, о которых никто не говорил вслух. Сейчас это запрещено, а тогда — почти как ритуал. Потом, по глупости, из-за домашних сдвигов, что копились с самого детства, я стал бывать в одном клубе — не заброшенном, настоящем. Там я и встретил Комана. Мы быстро нашли общий язык. Однажды он предложил мне наркотики — не просто как вещество, а как пропуск в другой круг, в новый уровень. Я согласился. Мне было не нужно чувствовать, мне нужно было наоборот — ничего не чувствовать.

Я узнал, что Коман тянет товар с OLC. Олцеры не употребляли, им это было не нужно, они продавали. Руководил этим Тантр, он решал, кому, когда и за сколько. Я не крал, я покупал у Комана — за деньги, которые выбивал из других подростков. Коман много не просил, но однажды его поймали. После этого его возненавидели, а вместе с ним и всю Синкопу.

Я понял, что обречён.

Коман не знал, где брать товар, и я тоже не знал. Пока не услышал имя, которое стараются не называть — Ракель. Я вышел на одного из их торговцев через знакомого, у того было лицо, на котором сразу всё написано — Сеть. Мы договорились на личную встречу.

— Серьёзно? Олцеры не берут у нас товар, — сказал он, прищурившись.

— Я не Олцер, я сам по себе, — ответил я, пожав плечами.

— Твоя жизнь, твоя проблема.

Я заплатил молча, без вопросов. В тот же вечер получил пакет. Мне нужен был один раз, только чтобы забыться, только чтобы не думать, только чтобы хоть на секунду выдохнуть. Но я знал — на этом всё не закончится. С этого момента я был внутри и мне было всё равно.

Потом я стал постоянным. Настолько, что мой наркодилер начал приводить меня прямо в саму Сеть Ракель — в её внутренности, спрятанные глубоко под землёй. Когда деньги заканчивались, я влезал в долги, а когда долги переставали быть управляемыми — я начал красть. Крал много, потому что умел. Сначала — по мелочи, то, чего никто не заметит. Объём забытых пакетов, оставленные крошки в системе. Ракель был огромным, в нем терялись вещи и покрупнее. А я знал, где не смотрят, и в какой момент можно схватить. Но если ты не умеешь заметить следы — тебя найдут.

И меня нашли. Но не убили, не сразу, сначала предупредили, потом избили. Не как хулиганы — как система. Без вспышек злобы, только с целью — чтобы я понял. Мне предложили выбор. Заплати. Верни. И мы забудем. Но платить было нечем и остановиться я тоже не мог.

А потом они сделали то, что действительно меня сломало.

Им не нужна была моя смерть, потому что смерть — это слишком просто, слишком быстро, слишком по-человечески, а я каждый раз просил, чтобы меня убили, когда приходили, когда били, я умолял, я говорил, что готов, но они выбрали другой путь, более болезненный — они решили убить моего самого близкого человека, мою сестру. Самое ужасное, что я сразу узнал, кто это сделал — Тантр. Я не знал, что он связан с Ракелем, я не знал, что он вообще что-то из себя представляет кроме как главы OLC.

Я вернулся в квартиру, в которую давно не заходил, потому что жил в Ящике, в этом гнилом гараже, который давно стал домом, я открыл дверь и сразу понял — воздух внутри был другой. А потом я увидел её. Она лежала на полу, зарезанная, беззвучная, пустая, будто спала, только под ней — кровь, а рядом с её телом лежал кинжал, такой же, как у меня сейчас в руке, только без этих двух букв PG, просто OLC, просто метка её смерти. Он даже не забрал нож.

С тех пор жить я не хотел, только мстить, только убить его, только заставить всё это закончиться. Я пришёл на территорию OLC, как мёртвый, в глазах ничего, кроме желания вцепиться ему в горло, и Тантр наблюдал за мной, не сводя глаз, а потом спокойно подошел и сказал:

— Ты выплатил свой долг, Мортен, ты свободен.

Свободен.

Я смотрел на него снизу вверх, с этим словом в голове, которое ничего не значило, так как я не чувствовал ничего, кроме ярости, я замахнулся, но не успел ударить — он ударил первым, прямо в лицо, и я упал, и даже не поднялся, потому что смысла не было. Панги тогда не было, он ничего не видел, он не знал. А я знал одно — Тантру нужно было что-то, что его заденет, по-настоящему. Я начал за ним наблюдать, потом, заметил, что на нашей территории появился одна девушка, которая появляется рядом с ним чаще других, улыбается, смеётся, разговаривает. Я решил, что она его.

И я решил убить её, чтобы отомстить ему.

И я убил.

Я выловил её по дороге домой, когда стемнело, просто в момент, когда решил, надел на её голову пакет, она даже не успела понять, кто я, не закричала, только дёрнулась, но было поздно. Я бил её по лицу ногой, снова и снова, пока она не перестала шевелиться, а потом утопил в речке, что находилась недалеко от нашего района, вода там мутная, тяжёлая, затягивает быстро. Я не чувствовал себя человеком, я не чувствовал вообще ничего. Всё было как в тумане, словно не я это делал, будто кто-то другой, через мои руки, через моё тело, а я просто стоял внутри и смотрел. Мной тогда управляла месть, а не рассудок.

А потом узнал. Она была не с Тантром, она была девушкой Панги. Той самой единственной, с которой он улыбался не маской, с которой он мог молчать и это было не глухо, а спокойно. Он никому о ней не говорил, даже мне. Я понял, что убил не Тантра, не часть его, а часть Панги, самого близкого, живого мне человека. И в ту секунду я подумал, что лучше бы я утопился сам. Об этом мне сказал сам Тантр. Он был опустошён, не меньше остальных. Я тогда подошёл к нему, прямо, без лишних слов, и сказал, что не прощу то, что он сделал. А он, докуривая сигарету, ответил, глядя куда-то мимо:

— Ты убил невинного человека. Ты убил девушку Панги. Ты понимаешь, что сделал?

Этих слов было достаточно. Я не чувствовал ног, я просто побежал. Я не знал, что скажу, зачем врываюсь, что вообще ищу в этом разговоре. Я только знал — я не мог молчать. Я влетел в квартиру, не постучав. Панга стоял на кухне, обе руки опирались на стол, он не двигался, голова опущена, взгляд упирался в древесину.

— Панга... Я не хотел.

Он не пошевелился, молчал.

— Я думал, она была с Тантром! Я думал, что она его девушка.

Я почти кричал, срывался на крик, потому что хотел убедить его, убедить себя, убедить всех, что всё это — ошибка, глупая, страшная, но ошибка.

— Панга, пожалуйста, ответь...

И тогда он двинулся. Его рука потянулась к ножу на столе. Он поднял голову, и в его взгляде не было ни гнева, ни слёз, только то холодное, что остаётся после смерти чего-то живого внутри. Кинжал сверкнул, пролетел, и вошёл в мой живот, разрезая ткань и плоть, и я упал, согнувшись, вскрикнув от боли, схватившись за рану, как будто ладонью можно было её закрыть.

— Что ты творишь? — прохрипел я, захлёбываясь кашлем.

Он молча подошёл ближе, выхватил второй нож из внутреннего кармана, я поднял руку, пытаюсь защититься, но он был быстрее. Лезвие вошло в мою ладонь, проткнуло её и вбилося

в пол, прибавив меня к дереву. Я заорал, глаза вылезли потемнели, тело дёрнулось, но нож не поддавался.

— Прости! Прости меня Панга.

Он посмотрел на меня, и в этом взгляде уже не было ни брата, ни прошлого, ни памяти.

— Убирайся, — сказал он тихо, — пока я тебя не убил.

— Я не хотел...

Но он уже кричал:

— Убирайся!

Он выдернул нож из моей ладони, кровь брызнула в стороны, я отшатнулся, но ноги не держали, рухнул на пол, ударился плечом, задыхаясь от боли, начиная ползти, оставляя за собой кровавый след, как раненое животное, которому уже некуда бежать. Он отвернулся, не смотрел, не слушал. Он просто стоял, глядя в пустоту, и в этой пустоте я больше не существовал.

— Чтоб я тебя больше не видел, — сказал он уже спокойно, — в следующий раз я убью тебя.

Я полз, почти теряя сознание, а он даже не шелохнулся. С того дня между нами была пропасть, которую не заделать ни словами, ни временем, ни кровью. Я перестал быть Олцером, потерял двух самых близких людей и только сильнее окунулся в наркозависимость.

Рассказ от лица: Автор

Виана не шевелилась, она просто сидела и слушала, не отводя взгляда. Обед давно закончился, по колледжу уже несколько раз прозвучало объявление, зовущие студентов обратно в классы, но она не обратила внимания. Мортен, выговорив это, стал пустым — дрожь усилилась, тело казалось измотанным изнутри. Виана не знала, что сказать. Ни одно слово не подходило к тому, что она услышала. Ни одно — не звучало бы уместно.

— Поэтому, Виана... Прошу, не связывайся с Олцерами. Избегай их всеми возможными способами. Только не сближайся.

Глава 7

Рассказ от лица: Автор

«Клеймо — это заявление о том, что боли будет ещё много.»

На следующий день в колледже не было ни Мортена, ни Веркса, ни новенького — Пасама. Это был первый по-настоящему спокойный учебный день. Виана наконец смогла достать свою книгу и просто читать.

Книга о шахматах была странной. Она начиналась как учебник — с описания дебютов, со схем, с ходов. Простые обозначения, обычные начала. Сейчас же дебюты встречались всё реже. Вместо них — названия, краткие описания, размышления. Потом появились главы о миттельшпиле — о середине партии. Они то вставляли между строк дебютов, то казались самостоятельными. Автор как будто не мог определиться — то ли он учит, то ли он исповедуется.

Миттельшпиль: Отторжение центра.

«Отторжение центра — миттельшпиль, в котором фигура, долго претендующая на влияние и силу, внезапно исключается из игры. Это не атака. Это отказ. Не поражение, а изгнание. Ход не преследует цель — он наказывает за ложное присутствие. В такой позиции центр поля кажется пустым, но на самом деле — он очищен. Игрок больше не защищает фигуру. Он выталкивает её, как ошибку, осознанную слишком поздно. Иногда, чтобы сохранить порядок, приходится убрать тех, кто слишком долго прикидывался частью стратегии.»

Виана так увлеклась чтением, что страницы будто перелистывались сами, одна за другой. Она всё читала — строки, примеры, отрывки, переходы между дебютами и миттельшпилями. Книга захватывала, как лихорадка. Текст то становился сухим и точным, как шахматная запись, то обрушивался потоком образов и понятий, в которых не было уже фигур, только чувства.

И вдруг — остановка. Шахматы исчезли. Дебюты больше не упоминались. Миттельшпили не продолжились. Следующая страница была другой. Она будто принадлежала другой книге. На левой стороне — рисунок пустого глаза, просто контур. Справа от глаза — ладонь, вытянутая вперёд. Под ними — строка на латыни:

«Oculus et manus socii esse non possunt: chaos et ordo simul exsistere non debent.³»

Чуть ниже, рядом со стоящими рядом глазом и рукой, вилась волна, а под ней — почти неуловимая фраза на понятном Виане языке:

«Вестер — гений Фиксвелла и мой надёжный союзник, единственный, кто способен так точно приручать хаос, что перемены ощущаются как покой.»

На правой странице была только рука, внутри которой волна, глаза не было, и под изображением — надпись на латыни:

«Mani non opus est oculo cum chao; manus stabilitatem praeferre solet.⁴»

После этого стало ясно — это не просто книга о шахматах. Она была пугающе толстой, вся исписана ходами, странными фигурами, непонятными символами, латинскими фразами, которые не столько объясняли, сколько сбивали с толку. Это только подогревало интерес — будто в каждой странице скрывалось что-то большее. Виана тут же стала искать имя автора, но его не было. Ни на обложке, ни на первых страницах — книга словно сама по себе, без имени, без источника.

Когда раздалось объявление о возвращении в класс, Виане показалось, что колледж будто опустел, стал тише, прозрачнее. А может, это просто она смотрела иначе. После занятий, как и

³ Глаз и рука не могут быть союзниками: хаос и порядок не должны существовать одновременно.

⁴ Руке не нужен глаз с хаосом; рука предпочитает стабильность.

все, она вышла из здания — впервые спокойно. Но, едва ступив за дверь, чья-то рука вцепилась ей в запястье. Перед ней стоял Мортен — весь в дрожи, с растрепанным видом, но трезвый, что пугало даже сильнее. Он схватил Виану за плечи, встряхнул, взгляд метался.

— Связалась, всё-таки, да? — выкрикнул он, почти захлебываясь. — Я, сука, первый раз доверился, а ты... мразь, такая же, как все.

— Мортен, что случилось?

— Что случилось? — переспросил он, и снова сжал запястье, потащил её через толпу студентов, не оглядываясь.

— Куда ты меня тащишь?

— Заткнись. Я так и знал, блядь.

Мортен затащил её в укромное место за колледжем, куда не заглядывали чужие глаза. Там, стоял высокий лысый парень в кепке — Тантр. На приличном расстоянии за его спиной выстроилась полукругом группа парней, повернувшихся к Виане спинами. Мортен толкнул Виану вперёд, небрежно, словно она была просто вещью. Подошёл чуть ближе к Тантру, остановился, посмотрел ему прямо в глаза и с силой плюнул под ноги. Затем — резко развернулся и ушёл, не сказав ни слова. Тантр не двинулся, даже не посмотрел, куда ушёл Мортен. Стоял спокойно, держал руки за спиной, будто ожидал такой реакции.

Тантр молча кивнул в сторону группы, коротким движением головы указав идти. Он пошёл первым. Виана — за ним. Подойдя ближе, Виана наконец поняла, что скрывалось в центре полукруга. На земле, лицом вверх, с разбитой губой и заплывшим глазом, лежал Веркс. Один из парней OLC стоял у него на голове, медленно, с нажимом, удерживая подошвой его кроссовка лоб Веркса прижатым к грязной земле. С двух сторон, в траве, тоже без движения, лежали его приятели — те самые, что издевались над Вианой вместе с ним. Их лица были в крови, плечи вздрагивали от боли, глаза едва открывались.

Слева — больше парней, почти все в чёрном, лица открыты, на одежде маленькие, едва заметные нашивки OLC. Их взгляды были прямыми, спокойными. Справа — чуть меньше, но плотнее стояли ребята из Такиты. Многие из них носили маски, закрывавшие нижнюю часть лица, но не глаза и лоб. Из гущи Такиты уверенно вышел Пасам — выше остальных, в балаклаве, что оставляла видимыми лишь зелёные глаза и верхнюю часть носа.

Из обеих сторон полукруга вышли ещё по одному парню — один из Такиты, другой из OLC. Они подошли к телам, лежащим по обе стороны от Веркса, и встали рядом. Посередине, не двигаясь, стоял уже тот, кто держал подошву кроссовка на голове Веркса. Тантр молча двинулся вперёд, встав на сторону OLC. Пасам, не отставая, шагнул вперёд от Такиты. Они стояли, не глядя друг на друга, но их позиции уже сказали больше, чем могли бы сказать слова.

Виана озиралась быстро, напряжённо, сердце стучало. Среди лиц с обеих сторон она не узнала никого, кроме Пасама. Она искала Пангу взглядом — может быть, за спинами, может, под маской, может, наблюдает издалека, но его не было. И тогда голос Тантра прорезал тишину:

— По информации, полученной от моего давнего союзника Пасама, стало известно: трое, до недавнего времени считавшиеся частью OLC, нарушили порядок без предупреждения, без разрешения, без малейшей попытки понять, что делают.

Он посмотрел в сторону лежащих тел.

— Избиение девушки, клевета, ложные обвинения в её связи с Синкопой, попытка приписать ей кражу — всё это не просто самоуправство, это предательство наших принципов, это пятно на имени, которое они больше не имеют права носить.

Пасам по-прежнему смотрел только на Тантра. Не на Веркса, не на толпу, только на него. Будто сверял — совпадут ли слова с истинной.

— С этой минуты, — продолжил Тантр, — они навсегда изгнаны из OLC. Без права возвращения. Без шанса объясниться. Потому что, прежде чем предали самих себя — они предали честь, которой не заслужили.

После этого заговорил Пасам, его голос был спокойным, холодным, выверенным до последней интонации:

— Такие, как они, не имеют права состоять ни в одной из существующих группировок. Я, как глава Такиты, заявляю: мы не поддерживаем их действия и считаем их проявлением слабости и полного безрассудства. И я также подтверждаю: если мы снова увидим их в людном месте, они заплатят повторно. Потому что такие вещи у нас не забываются.

Он говорил, глядя на Тантра. И он смотрел в ответ. Они кивнули друг другу — едва заметно, но этого было достаточно.

— Начинайте, — сказал Тантр.

Оба — он и Пасам — развернулись и ушли в глубь толпы, оставляя всё в руках тех, кто остался в кругу. Трое парней, стоявших у тел, начали избивать их. Летели кулаки, удары ногами приходились по рёбрам, животу, лицу. Тела дрожали от каждого толчка. Кровь появилась почти сразу, заливая лица, сливаясь с травой, но парни всё ещё были в сознании, хрипели, кричали, пытаясь закрыться руками, но это только вызывало больше ударов.

Виана стояла напротив — в центре, как зритель. Она не двигалась. Только сердце било по рёбрам, будто хотело выскочить наружу. Неожиданно из толпы раздался короткий, резкий свист. Удары прекратились. Нападавшие выпрямились, отступили от тел, тишина стала оглушительной. Из глубины OLC вышел Панга. Он шёл, покручивая в пальцах кинжал, не тот, что был у Мортена — другой, но с тем же блеском стали. Заметив Виану, он закатил глаза, но не остановился. За ним снова появился Тантр, с сигаретой в зубах. Со стороны Такиты — Пасам.

Парни, стоявшие над телами, разошлись, уступая место. К Верксу подошёл Тантр. К правому телу — Пасам. К левому — Панга. Панга опустился на корточки. Резко схватил парня за ворот футболки и подтянул к себе. Тот застонал — тихо, почти бессильно. Панга улыбнулся, глядя ему в лицо. Глаза парня раскрылись от страха, смешиваясь с каплюющей кровью. Он испугался настолько, когда увидел Пангу, что казалось он был бы больше рад если бы перед ним был Тантр. Затем — удар кулаком в лицо и сразу за ним — быстрый, короткий рез по щеке ножом. Парень взвыл, кровь залила ему рот. Тантр ударил ногой по лицу Веркса. Тот отлетел вбок, закашлялся, попытался встать, но не смог. Выдох — и вместе с ним на траву выпал зуб. Панга засмеялся.

— Веркс, ты ничего не обронил? — сказал он, не поднимаясь.

Пасам опустился медленно, достав нож. Он приподнял футболку парня, лежащего у его ног, и начал аккуратно, не спеша, вырезать буквы: ТКТ. Кожа рассекалась, как бумага. Раненый закричал, но не сопротивлялся. Он знал — бесполезно. Панга и Тантр сделали то же самое. Три тела, три клейма. OLC. ТКТ. OLC. Земля под телами становилась всё темнее. Панга, Тантр и Пасам отошли от тел. Тантр, не поднимая головы, ровно произнёс:

— Расходитесь.

Парни из OLC начали расходиться, не глядя друг на друга, не глядя на тела. Пасам посмотрел на своих — взгляд короткий, достаточный. Такита растворилась так же быстро, как и появилась.

Панга ходил по кругу, прокручивал в руке нож и бросал в сторону Вианы взгляды полные презрения, как будто её присутствие раздражало тем, что было связано с Мортеном. Тантр заговорил первым, его голос был холодным, но без вражды — деловой:

— Я извиняюсь за них, это были наши погрешности. Олцеры так не поступают.

Пасам посмотрел на Тантра, потом без слов протянул ему руку. Они пожали друг другу — крепко, быстро, как делают те, кто знает, что больше слов уже не требуется. Потом взгляд Пасама метнулся к Панге. Он не скрывал недовольства. Панга ходил отдельно, не в кругу, словно демонстрируя, что стоит вне границ. Нож в его руке блестел от свежей крови, и с каждым новым шагом он будто становился только опаснее. Их взгляды столкнулись — Панга не отвёл глаз.

— Я тебе картина, или чё? — агрессивно бросил он. — Интересный слишком?

Пасам напрягся. Виана заметила, как его пальцы сжались, как будто тело собиралось в прыжок, но он сдержался. Просто отвёл взгляд, будто в этом и был единственный способ сохранить равновесие. Тантр не вмешался, закрыл глаза, проглотив слова. Панга, хмыкнув, продолжил медленно прогуливаться. Иногда специально наступал на тех, кто ещё стонал в траве, напоминая — ты на дне, а я всё ещё выше.

— За помощью можешь обращаться ко мне, — заговорил Пасам, глядя на Виану.

Виана судорожно кивнула. Даже не столько в знак согласия — сколько, потому что слова не находились. Панга замер, стоя чуть поодаль, прямо у тел. Он посмотрел на Виану. Взгляд был без эмоций, только губы чуть тронула тень улыбки.

— Да, Виана. Можешь идти сюсюкаться с Мортенем и тебя за это не убьют.

Он усмехнулся. И добавил:

— Не обещаю.

Тантр резко обернулся. Его взгляд был тяжёлым, полным холодного презрения, но слов он не сказал. Пасам даже не повернул головы.

— Можешь идти, Виана, — сказал он. — Ты в безопасности.

«Безопасность — это не когда тебя не тронут. Это когда решили, что ты пока не мешаешь.»

Глава 8

Рассказ от лиц: Автор / Панга

«Между рукой и глазом нет ничего человеческого. Только выбор: ударить или наблюдать.»

OLC.

Парней оттуда называли Олцерами. Их территория начиналась сразу за Синкопой — когда-то оживлённым районом, теперь выжженным, заброшенным, но с остаточным пульсом прошлого. Центр их базы — заброшенный пивной клуб, крошечный, неприметный, с облупленным фасадом, будто специально оставленным незаметным.

Главное было под ним. Подвал OLC — это уже не подвал. Это — катакомбы, растянутые на двадцать размеров самого бара. Внутри: ржавое железо, грубый бетон, стойкий запах пота и железа. Там стоит всё: от тренажёров до самодельного ринга, почти в центре. Здесь живут те, кому больше некуда. Тантр — главный, он не просто обитает в подвале — он часть его. Там же живут и Олцеры, у кого нет дома.

В OLC брали не всех. Только тех, кто крепче большинства, кто умеет бить и держать удар. Никакой наркозависимости — за этим следили жёстко. Алкоголь — отдельная история. Многие были зависимы, но на территории OLC пить было запрещено, без вариантов.

У Тантра был статус безоговорочный, но рядом с ним стоял Панга. Младше на два года, но никогда не ниже. Панга не соперник — он равный. Оба были мастерами ножей. Они резали, металы, учили бить не в сердце, а рядом. Страшнее, чем убить — припугнуть так, чтоб тело дрожало всю жизнь. У каждого Олцера был личный нож с гравировкой эмблемы. У Панги и Тантра — особенные. Такие же, но с инициалами: PG — Панга, TR — Тантр.

В глубине подвала было отдельное закрытое помещение — для тех, кто учился владеть ножом. Либо ты заслужил туда попасть, либо не подходи туда вообще. Это не просто территория, а отбор для тех, кто умеет подчиняться правилам и не задаёт лишних вопросов. Это не группа, а семья, которая не предаёт. Без причины.

Рассказ от лица: Панга

OLC — моя территория. Лучшая из всех, где я бывал. Здесь всё устроено как надо, здесь моё место, здесь я провожу почти всё своё время. И всё было бы идеально, если бы не одно «но» — Агата. Моя младшая сестра. Иногда мне кажется, я бы с радостью её убил. Она раздражает, она вечно влезает туда, где не должна быть. Единственное, что отличает нас — она умеет держать себя в руках, как отец. А я в мать пошёл. Меня с детства колотили за любую эмоцию. Отец пытался выбить из меня всё живое, приучить к холодному контролю. Давал красные таблетки, со странным названием: "Люцидин". Они убивали эмоции во мне, я терял последние чувства. Я перестал их пить, скрывая от него. Старался не выражать эмоции при отце, чтоб он не заметил, что во мне больше нет Люцидина. Сначала получалось, но с появлением Мортена я окончательно сорвался.

Эмоции — вот где я проваливаюсь.

А Тантр... Он достал. Преследует меня, как навязчивый пёс. Думает, я не замечаю. На драке — стоит, пялится, чтобы я не умер. Пропал на пару дней — уже уверен, что меня зарезали. Всё, я труп, тело в канаве, Панга мёртв. По его логике, только так. Хотя я совершеннолетний. Если захочу — сам его убью. Никто ко мне не приближается — боятся, а он всё равно лезет.

Я не бездушный. Просто не показываю то, что берегу. Всё, что мне действительно дорого — я защищаю. Пусть даже не словами, а тем, как смотрю, как действую.

Мать я потерял в двенадцать. Зарезали. Просто ворвались к нам в дом и убили, без причины. Первым её нашёл я. А отец? Эта бездушная тварь даже не среагировал. Ни слёз, ни крика, даже взгляда. Он просто спокойно, холодно сказал, что я виноват. Он всегда был таким. Я тренировался под его надзором в подвале нашего дома. Мне ещё десяти не было, а я уже вытирал свою кровь с пола. Каждый удар — за ошибку, за эмоцию, за любое проявление слабости. Мне запрещалось чувствовать. Агата тоже проходила через это, но отдельно. Мне её жаль. Она с детства научилась молчать. Взяла от отца хладнокровие. Много раз я пытался встать за Агату, просил его не трогать её. Он только смотрел на меня, как на жалкого щенка и продолжал делать своё.

Отец почти не жил с нами. Всю жизнь он был где-то «по делам». Он приходил домой максимум раз в месяц. Слава богу. Если бы видел чаще — давно бы его убил и не пожалел бы ни секунды. За все его «семейные узы», за «наставничество», за всё детство, которое он превратил в выживание.

А потом умерла Вета, моя девушка. Мне пятнадцать, и вдруг — она. Та, что умела говорить со мной, как будто я не зверь. Та, кто могла обнять, даже когда я не хотел. И её забрал Мортен, мой лучший друг, тот, кого я считал братом, убил её. В тот день я потерял сразу двоих. И друга, и ту, что была мне ближе всех. Из всех, кто был мне близок, осталась только Агата. И если кто-то, кроме меня, посмеет даже подумать о том, чтобы причинить ей вред — он сдохнет ещё до того, как подойдёт.

Сейчас я вместе с сестрой в подвале OLC. Она здесь только потому, что я её привел сюда пару лет назад. Сама себя она Олцером не считает, и вообще считает, что все группировки — это помойка. Особенно OLC. Ну, логично — я ведь тут, а всё, где я, по её мнению, мусор. Мы в комнате для ножей. Метательные цели, деревянные метки. Метим одновременно.

— Ой, Панга, ты слабеешь, — наигранно тянет она, глядя на нашу общую мишень.

Оба бросили ножи в одну метку. Её нож пробил мой.

— Заткнись, — коротко отвечаю. Не выношу, когда кто-то лучше. Тем более моя сестра.

— Что это было вчера после колледжа? — спрашивает она, метнув нож в соседнюю мишень.

— Ничего. Отвали.

Останавливается, смотрит на меня:

— Ты что, больной? Я нормальный вопрос задала.

Я пытаюсь изобразить спокойствие, кривлюсь в улыбке:

— За подружку Мортена, — специально коверкаю имя. — Решили вступиться Пасам и Тантр. Вот и всё.

Мортена она не знает. Он — её тоже. Я её скрывал с тех пор, как мать убили, в голове крутится одна паранойя — если я не спрячу Агату, её не станет.

— Пасам? Он заступился? И кто такой Мортен?

Я уже держу нож так, будто сейчас сломаю ему лезвие пальцами.

— Агата, можешь хоть на минуту заткнуться?

— Один вопрос. Отвечаешь — я замолкаю. Я и так не имею желания с тобой разговаривать. За кого заступился Пасам?

— За Виану, — говорю, не глядя на неё.

Я увидел, что Агата хотела спросить, кто такая Виана, но не стала. Просто закрутила нож в руке и замолчала.

У меня имя не настоящее с самого детства. Я не помню, когда последний раз кто-то звал меня по-настоящему. Разве что мама и Агата — лет до двенадцати и то шепотом, чтобы отец не слышал. Панга — это от него. Он сам придумал, когда мне было года три. Так и сказал: «Ты

Панга и никто другой.» Мама была против, как назвала меня при рождении, так и хотела, чтоб меня звали всю жизнь. Другим именем, нормальным. Сейчас это неважно. Это имя уже моё, я привык. Оно подходит под то, чем я стал или чем меня сделали.

Многие считают, что я убийца. Что за моей спиной десятки. Я слышал это, спрашивали в лицо, шептали за спиной. Думают — если я жестокий, если я не сдерживаюсь, значит, я убиваю.

Нет, я ни разу не убивал.

Потому что, если можно заставить страдать и без смерти — зачем смерть?

Я знаю, как резать так, чтобы человек думал, что он погиб. Чтобы лежал, глотал воздух, не верил, что жив, но он останется в живых. Смерть — это самое простое, что может получить тот, кто облажался. Смерть — это то, о чём мечтает каждый третий в Ревиксе, и я не собираюсь делать такие подарки.

Пока я размышлял, в комнату зашёл Тантр. Как же он меня раздражает — просто своим присутствием. Хотя если честно, меня почти каждый бесит. Он зашёл молча, встал где-то сзади, и я буквально чувствовал, как его взгляд сверлит мне спину. Я бы метнул в него нож, но эта тварь увернулась бы. Я резко обернулся, дышал тяжело, сдерживал злость.

— Что тебе нужно? — спросил я, не скрывая тона.

— Ничего. Я просто смотрю, как и за остальными Олцерами.

Ничего подобного. Он либо за сестрой следит, либо пришёл убедиться, что я ещё жив и не вскрыл себе горло. Я усмехнулся и бросил:

— Тантр, а если тебя убить — я стану главой OLC? Мне дышать станет легче?

Он не сдвинулся, смотрел всё тем же лицом.

— Я не имею права умирать.

— А, точно. Ты же солдат Ракеля. Тебе сдохнуть без разрешения не дадут.

Он слегка помотал головой и спокойно сказал:

— Я уже третий год не часть Ракеля.

Агата наблюдала молча, не вмешиваясь. Я подошёл ближе, сократил дистанцию почти до минимума.

— Ты в этом уверен? Хочешь сказать, сеть просто так тебя отпустила? Да ты же на всю жизнь в их наручниках.

Я увидел, как он сдержал раздражение. Стоял прямо, руки всё так же за спиной, но по глазам было видно — мои слова задели.

— Я. Ушёл, — ответил он, не отводя взгляда.

Может, он и правда покинул Ракель. Возможно, глава пощадил его. Возможно, наказал хуже — отпустил, но оставил на цепи. Только вот Ракель сам из него не вышел. Походка, выражение лица, холод в голосе, контроль в каждом движении — он до сих пор солдат этой сети. И никакие три года «после» этого не изменили. Затем я задумался и вспомнил Пасама. Такой же, как Тантр, но ещё более безэмоциональный, как статуэтка. Ненавижу таких.

— Ты сказал, Пасам твой давний приятель? Откуда ты его знаешь?

Я увидел, как он хотел соврать. Уже почти выдал: «Так он же глава Такиты, как мне его не знать?» Но в последний момент передумал.

— Работали вместе, — сказал он.

Я развёл руки в стороны, как будто удивился:

— Ну, конечно, не уборщиками работали. Опять Ракель, да?

— Да, но он тоже ушёл.

Я не выдержал и рассмеялся. Уже не было смысла это слушать.

— Тантр, ты серьёзно? Вы что, настолько понравились Ронделю, что он решил вас пощадить?

Рондель — имя, под которым знают главу Ракеля. Настоящее ли оно — никто не знает. Его лица я никогда не видел, его вообще почти никто не видел. Только те, кто внутри сети.

Да и тех потом не выловишь, чтобы расспросить. Их группировки не интересуют, у них свои правила. А Тантр выдвинулся, решил играть на две баррикады, но с него тоже ничего не выбить. Он нахмурил брови, как только я громко произнёс имя главы Ракеля. Смешно. Как будто это имя что-то изменит, если его произнести вслух. Он подошёл ближе, схватил меня за футболку, взгляд тяжёлый, будто я сказал что-то непоправимое.

— Следи за словами, Панга.

— А что? Тебя в Ракеле накажут?

Он оттолкнул меня назад, не сильно, но с намерением. Я только улыбнулся, мне даже стало легче, в этом был весь он. Сбоку вклинилась Агата, как обычно не в тему:

— Пасам, что в колледже нашем с Пангой теперь учится?

Я развернулся к ней, недовольно:

— Да, Агата. Он теперь решил учиться, а не убивать.

— Он не убивает, — сказал Тантр, но звучало это сомнительно.

Я заговорил на латыни. Агата не знала языка, а мне и не хотелось, чтобы она понимала. С детства отец вбивал мне латынь, как будто хотел вырастить не сына, а надгробную надпись. На кой чёрт мне это было нужно — до сих пор не знаю. Может, чтобы я выделялся, он же никогда не делал ничего просто так.

— *Nonne ipse in hoc dubitas?*⁵

Он чуть напряг лицо, едва заметно, но ответил сразу:

— *Dubito non in verbis, sed in hominibus. Non sum deus.*⁶

Агата смотрела на нас с раздражением — непонимание в её взгляде смешивалось с унижением. Мне не нужно, чтобы она понимала, не всё предназначено для чужих ушей. Я взглянул на Тантра и сказал:

— *Et tamen iudicas. Non es deus — sed nec satis homo, si iam dubitas.*⁷

Я не смотрел на него. Просто развернулся к мишени и метнул нож. Лезвие вошло точно в центр. Не оборачиваясь, я добавил:

— *Ubi manus cadit, oculus regnat?*⁸

Тантр не ответил, он просто молча исчез. Я не поворачивался. Смотрел только вперёд, а Агата не отводила от меня взгляда. И всё-таки она заговорила:

— Ты сказал «Манус»? Это же чёрная сеть Люмера.

— Мануса давно нет. Там был взрыв. Всех выживших солдат отправили в Ракель. Глава пытался найти новое место для солдат. Хотел спрятать их в другом «убежище», но всё было бессмысленно. Там было слишком светло. Сеть держалась на полумраке и страхе, а там не сработало. Да и сам Манус тогда оказался на слишком видном месте. Это уже было не укрытие, а витрина, а витрина — это смерть для любой Сети.

— Ты откуда это знаешь? — спросила она, не отрываясь от меня.

— Тантр рассказал. Поэтому Люмер и скинул своих солдат в Ревикс бесплатно. Наш город даже не платил, хотя обычно покупал себе защиту, а тут — получили в подарок.

Агата задумалась и, всё же, спросила:

— Последняя фраза, которую ты сказал перед тем, как Тантр вышел... Что она означает?

— Там, где пала рука — правит глаз.

— И что это? — переспросила она, разочаровавшись, будто ждала, что я скажу, как оскорбил его или унизил.

⁵ Ты ведь и сам в этом сомневаешься?

⁶ Я сомневаюсь не в словах, а в людях. Я не бог.

⁷ И всё же ты судишь. Ты не бог — но и не вполне человек, если уже сомневаешься.

⁸ Там, где пала рука — правит глаз?

— Это солдаты, приехавшие с Люмера и влезшие в Ракель, читают как ритуал. Вслух, вместе, дикари.

— Откуда ты знаешь?

— Да слышал как-то ночью. Думают, тут никто латынь не понимает или кричат Ракелевским, чтоб приняли их и забыли, что они с Мануса.

Агата усмехнулась. Мы продолжили молча метать ножи, как роботы. Не знаю зачем, но видимо это уже привычка. Я метнул ножом десять, подряд, без остановки. Не слышал ни шума, ни слов, ни себя. Всё гложло. Тело двигалось само, как будто я просто повторял то, что давно выучил. Механика, не рефлекс. Ни мысли, ни цели. Просто бросок за броском.

И оно началось опять.

Галлюцинации? Недосып? Стресс? Воспоминания?

Перед глазами резко всё стало фиолетово-зелёным. Резь в зрачках, как будто смотришь в химический ожог. В центре этого цвета — рука с шестью пальцами, с глазом в середине ладони и синусоидой внутри зрачка. Надпись над ней — худшее моё воспоминание:

*Mater mori debuit; contra leges ire non licet.*⁹

Я дёрнулся назад, тело среагировало, как в припадке. Распахнул глаза, но ничего не изменилось. Ни комнаты, ни сестры, ни стен. Только эта хрень передо мной. Только символ и фраза, вбитая в череп. Я не понимал, метаю ли ножи или просто дрожу. Может, и то и другое. В какой-то момент стало просто темно, но уже по-другому, без цветов. Очнулся я резко, лёжа на полу. Возле меня сидела Агата, испуганная, с нахмуренным лбом, и, конечно же, Тантр. Удивительно? Нет. Предсказуемо. Он стоял над мной, смотрел в упор, будто пытался считать всё, что творилось у меня в голове. Я не двигался, только рукой нащупывал карман. Пусто. Ножа не было. Все метнул? Кончились?

— Что с тобой, Панга? Опять? — спросила Агата.

Я взглянул на неё.

— Нет. Просто хочу спать. Устал.

— *Noli mentiri*¹⁰. — перебил голос Тантра.

Я медленно приподнялся, протирая лицо. Он всё ещё сверлил меня глазами.

— Всё нормально, понял?

— Тогда выходите оба. У нас собрание. — сказал он, уже поворачиваясь к двери.

Агата молча пошла за ним. Я закатил глаза и остался сидеть ещё на пару секунд, просто чтобы не делать всё по его приказу. Вышел я, в центр тренировочного подвала, вытирая лицо рукой. Смотрел на всех одним глазом, второй закрывался от яркого света, после темноты перед глазами. Все уставились, будто я фокусник, что облажался на арене. В глазах — не просто страх, а что-то липкое, мелкое. Противное. Бояться меня? Хорошо. Только пусть не забывают — бояться значит быть слабым. Они стояли полукругом. В центре — Тантр, как всегда, с руками за спиной. Агата — среди парней. Что она тут делает, зачем ей всё это? Я не стал вставать с ними. Просто сел на пол у стены, сзади Тантра. Прислонился к холодной стене, вытянул ноги, руки положил по бокам. Он посмотрел на меня на секунду — и снова уставился на остальных.

— Так как вчера нас навсегда покинуло трое Олщеров, я предлагаю через двенадцать суток устроить наше любимое развлечение, — сказал Тантр, глядя на всех.

Парни переглянулись, потом кто-то крикнул первым, и началась возня — радостные вопли, одобрение, лёгкое возбуждение. Я просто ударился затылком о стену. Агата выдавила кривую улыбку, будто ей по сценарию положено поддерживать, но внутри — ни капли интереса. Развлечение, да. Это значит: все выходят на улицу, Тантр выбирает двоих, они лупят друг

⁹ Мама должна была умереть; идти против правил не дозволено.

¹⁰ Не лги.

друга, пока кто-то не упадёт. Он играет судью. Победитель получает повышение самооценки и бонус в виде «респекта», который длится пару дней. Проигравший — клеймо идиота. Пока парни орали, Тантр подошёл ко мне. Я не двигался, не смотрел на него.

— Вау, какая банальщина. Когда-нибудь будут другие «развлечения»?

— Ну, может, тебе не нравится, зато другим весело, — ответил он, как будто ему не всё равно.

Я скользнул взглядом по нему, потом на Агату.

— Она не участвует.

— Без тебя знаю, — сказал он, глядя теперь на неё.

Я вижу, как он на неё смотрит. Не первый раз. С того самого дня, как я впервые привёл её сюда. Думает, не замечаю. Начнёт что-то — я вырву ему глаза, даже если он бессмертный. Я буду присутствовать на «развлечении». И вызову Тантра, прямо перед всеми. Судьи не будет, потому что я не собираюсь играть по его правилам. Я сам выберу, когда закончить. Пусть он поймёт, что есть вещи, которые нельзя даже ему контролировать.

Глава 9

Рассказ от лиц: Автор / Мортен

«Некоторые люди приходят не чтобы изменить тебя, а чтобы показать, как ты легко меняешься.»

Учебная неделя снова началась. Домашние или наручные часы — неважно, в это утро все они дали сигнал: пора идти в колледж. Начало учебной недели — единственный день, когда в учебных залах можно было увидеть почти всех студентов. За пропуска не отчисляли, но, если человек не появлялся больше двух учебных недель, его просто вычеркивали из списка. Возможно, он умер. Возможно, вступил в Ракель. Колледжу всё равно. Теперь Виане было немного легче. Веркса и его дружок в колледже больше не было. Пасам сам пересел к ней. Маску он не снимал — ни разу. Виана не знала, можно ли с ним разговаривать, но иногда короткие фразы всё же звучали.

— Ты не знаешь, куда пропал Веркс? — спросила она.

— Перевёлся в другой колледж. В любом случае, это неважно.

Виана чуть отпрянула. Пожалела, что спросила. На его парте лежала книга по анатомии. Не учебник, скорее что-то специализированное. Некоторые страницы были написаны на латыни.

— Ты понимаешь латынь? — спросила она.

— Лучше, чем родной.

Казалось, он не был заинтересован в разговоре. Виана собиралась отступить, но задала ещё один вопрос, уже почти шёпотом:

— Почему ты выбрал медицину?

— Я не выбирал, мне сказали. Я здесь не для учёбы, — и взглянул на неё прямо, глядя в глаза.

В это время у входа в аудиторию, где сидела Виана, стоял Мортен. Он прятался за выступающей стеной и наблюдал.

— Этот ублюдок теперь здесь учится? — пробормотал Мортен себе под нос, не отводя взгляда от Пасама.

Сзади подошёл парень в чёрной маске, прикрывающей только нижнюю часть лица. В аудиторию он пройти не мог, поэтому остановился рядом с Мортеном.

— Что-то не так? — спросил он.

Мортен обернулся. Посмотрел на него сверху вниз, не скрывая раздражения.

— А, Ракелевский? — усмехнулся он. — Надоели Ронделю, что он вас теперь в колледжи отправляет?

Парень взял Мортена за плечо и резко прижал его к стене. Говорил, не глядя ему в лицо, будто обращаясь к пустому коридору:

— Ты кто такой? Я не с Ракеля.

Мортен медленно повернул голову, их взгляды встретились. Он продолжал улыбаться, будто ему всё происходящее нравилось.

— А откуда ты? Простой студент, да? — проговорил он с сарказмом.

Парень в маске отпустил его и направился в аудиторию. Мортен остался у стены, наблюдая, как тот уходит.

Рассказ от лица: Мортен

Я бродил по коридорам колледжа. Формально я числился студентом, но никто меня здесь не ждал. Ни на одной лекции я не появлялся. Да и зачем? Устроиться учителем физкультуры — гениальный план. Особенно когда ты по ночам мечтаешь свернуть кому-то шею. Я шёл, не поднимая головы, думал о своём. Заворачиваю за угол и врезаюсь в Пангу. Вот уж кого не ожидал. Нож — его нож — всё ещё у меня, в заднем кармане, прикрыт кофтой. Если он его заметит, мне конец. Мы замерли. Стоим, оба молча. Потом я замечаю — сзади него кто-то стоит. Я наклоняю голову, чтобы разглядеть. Девочка. Он с кем-то встречается? Не может быть. Кто его вообще может терпеть? У него на лице что-то дёрнулось, как будто испуг, который он быстро убрал.

— Девушка твоя? — спрашиваю, не отводя взгляда от неё.

Девочка среагировала мгновенно. Её лицо изменилось, она открыла рот, хотела что-то сказать, но Панга шлёпает ей по губам и закрывает рот рукой. Он наклоняется ко мне ближе, не отпуская её.

— А что? Убить хочешь? — шипит мне в лицо.

Во мне всё кипит. Он мне противен. Мне хочется сломать ему челюсть за один этот жест. Девочка вдруг отбрасывает его руку. Он не ожидал, я не ожидал. Мы оба стоим в ступоре. Я смотрю ей в глаза. Они мне кажутся знакомыми. Лицо тоже. Но не могу вспомнить.

— Я? Девушка? — выкрикивает она, возмущённо с агрессией.

Панга срывается, тут же подходит к ней сзади и снова затыкает ей рот.

— Закрой свой рот, Агата. Побудешь девушкой, — бурчит он, не сводя с меня глаз.

Я только начал улыбаться. Его паника меня забавляла. Непривычно видеть Пангу растерянным. Я засунул руки в карманы и продолжал смотреть. Уходить не собирался. Это злило его, он понял, что не дождётся, и, конечно же, решил перевести всё на меня.

— Я знаю, что мой нож у тебя, падаль. Выбери: либо я ломаю тебе шею, либо ты отдаёшь нож, и я ломаю тебе нос.

Интересный выбор. Прямо в его духе. Я лениво оглянулся по сторонам, посвистывая. Без интереса. Пока он не закричал.

— Ты сука!

Я обернулся и увидел его кровавую руку. Он до этого держал за неё Агату. Потом посмотрел на неё — она слегка отошла, а в её руке был нож. Я только шире по-скотски улыбнулся.

— Если это он украл у тебя нож, я буду ему только благодарна за это, — крикнула Агата. — И не смей называть меня своей родственницей.

Я свистнул, тихо засмеялся. Панга был в растерянности, держался за порезанную руку. Я видел в его взгляде, что он бы с удовольствием уничтожил нас обоих прямо сейчас, а я только кайф ловил от этого зрелища. Он ведь врал мне всё это время. Говорил, что сестер и братьев нет, а вот она. Когда я это осознал я перестал улыбаться.

— Панга, ты мне врал?

— Ты кто такой? В смысле «врал»? Панга, что за бред? — Агата рвано огрызнулась.

Он метался взглядом: то на меня, то на неё. Как будто выбирал, кому удар первым дать.

— Это твоя сестра? — сказал я, без эмоций.

Он подошёл к Агате, толкнул её вперёд. Намёк понят. Она обернулась, посмотрела на него с отвращением — и ушла. Панга остался. Подошёл ко мне. Голова опущена. Я подумал, он сейчас что-то скажет, объяснится, может даже раскаться.

А нет, забыл, с кем говорю.

Он резко поднял голову и врезал мне в челюсть. Я не успел среагировать, упал. Нож в заднем кармане вонзился в кожу. Я едва не вскрикнул. Он сел мне на живот, зажал ноги, схватил за волосы, поднял голову.

— Нет, это не моя сестра. Понял?

Я еле держался, но улыбнулся, глядя ему в глаза.

— Нет. Не понял.

Он ударил ещё раз.

— Сейчас поймёшь.

И снова удар и ещё. Когда я уже вообще ничего не видел он встал и ушёл. Я остался лежать, смотреть в потолок. Он не раз мог меня убить. Почему не убивал? Наверное, ждёт момента. Я устал жить. Очень устал.

Я поднялся и пошёл в сторону, где преподают юриспруденцию. Самый бесполезный блок здесь. Кому она вообще нужна? Бесполезные милиционеры, которых она штампует, даже не удосужились расследовать убийство моей сестры — лишь бы по карманам что-то шуршало. Зачем я туда иду? Потому что там, по совпадению, учатся самые слабохарактерные. С них можно спокойно стряхнуть пару монет на наркотики или хотя бы на алкоголь. Еда мне не особо нужна. Если совсем прижмёт — могу зайти домой к матери сквозь нежелание.

Так как шёл урок, а о, нет — нельзя быть вне аудитории в это время, студентов в коридоре не было. Я недовольно вздохнул, уже собирался уйти, как вдруг заметил одного. Подросток лет пятнадцати, явно поступил экстерном. Рыжий, кудрявый, в очках. Жалкое зрелище. Но, черт, он не сводил с меня глаз. Ну вот, самое то. Я подошёл к нему, спокойно, руки в карманах.

— Слышишь, малой, дай пять монет.

Он поправил очки. Взгляд — блестящий, как у щенка. И всё же в нём было не только страх. А ещё что-то вроде восхищения? Почему? Чего он вылупился? Меня это раздражает.

— Пять монет? У меня нет таких денег. Тебе зачем? — дрожащий, заикающийся, бесящий голос.

— Есть хочу. Денег нет совсем. Дай пять монет.

— Но обед не стоит пяти...

Он не успел договорить. Я провернул бедро и со всей силы влепил ему долио-чаги — круговой удар ногой по лицу. Не слишком высоко, но чётко. Очки с него слетели, как крышка с банки. Книга по его жалкой юриспруденции упала. Он схватился за лицо. Я поставил ногу ему на плечо и повторил:

— Дай пять монет.

Он поднял на меня глаза. Не испуганные, не обиженные, не злые. Радостные. Как будто его только что наградили, а не ударили ногой в голову.

— Ты так хорошо дерёшься, — ляпнул он, будто я только что станцевал.

Я замер. Потом снова ударил. Просто чтобы убедиться, что он настоящий.

— Чего? — выдавил я. Просто чтобы понять, не глючит ли.

Он опять поднялся прям как неваляшка, с тем же идиотским выражением.

— Я хочу так же. Научи меня.

Так, стоп. Что за придурок?

— Я тебя часто видел в колледже. Ты круто дерешься ногами. Я бы тоже хотел так научиться.

Он заулыбался как идиот. Я не употреблял. Не спал, но не настолько. Это не галлюцинация.

— Ты что, наблюдаешь за мной? Кто тебе разрешал пялиться бесплатно?

Он продолжал улыбаться, как будто я его похвалил, а не унизил. Как будто он шенок, и я ему почесал ухо. Отвращение и злость раздувались, как нарыв. Он должен был бояться. Заплакать. Дать мне эти чертовы монеты, лишь бы я отстал. А он? Он смотрит на меня с какой-

то чёртовой благодарностью. Он лыбится после того, как его избили? Я убью его. Я не знаю, как это произошло, но я не по своей воле выдал:

— Завтра после учебы идёшь со мной на тренировку. Не придёшь — будешь моей грушей оставшуюся жизнь.

Сказал и сразу захотел ударить себя. Что, я только что сморозил?

Он заулыбался, будто это я ему пять монет дал. Как будто не я сейчас обещал его размазать по стенке, а подарил билет на праздник. Радостный идиот. А ведь ему конец в моём Ящике. Он, наверное, даже не понял, что я не пошутил. Или понял — и всё равно прёт на убой. Я почесал затылок, будто так можно было вычесать из головы то, что только что сказал. Отвернулся и пошёл прочь. Не быстро, не медленно, просто пошёл с широко открытыми глазами.

На следующий день я выловил этого идиота после учебы. Он снова был радостный. Уже без очков — я их тогда разбил. Ради приличия спросил имя. Хотя мне плевать. Всё равно он останется идиотом.

— Имя?

— А? Моё? — мямлит.

Я кинул на него взгляд, чтоб понял, что глупые паузы меня бесят.

— Алекс.

— Алекс?

Непривычно слышать «обычное» имя, после всех интересных образцов ужасных судеб, которых я повстречал. Синкопов, например.

— Купер. Ты Купер. — сказал я.

— Почему? — и вот тут, на удивление, даже с обидой.

У меня чуть не дернулась нога. Я ему дал нормальное прозвище. Не Рыжий, не Паразит, а Купер. Почти даже уважительно. А он — «почему».

— Потому что ты рыжий. Понятно?

Он кивнул. Я уже не мог это выносить. Что я вообще делаю? Похоже, действительно начинается практика в колледже, где я от нечего делать пошёл на физрука. Я закурил. Не глядя на него, протянул пачку.

— Не курю, — говорит.

Я рассмеялся, с сигаретой в зубах.

— Закуришь.

Он помотал головой. Ну и отлично. Меньше делиться.

Когда мы подошли к Ящику — это заброшенный гараж, где я обитаю, — он снова был доволен. Я думал, он сейчас затормозит, начнёт отнекиваться, а он будто на экскурсию пришёл. Я открыл ржавую скрипучую дверь, он: «вау, крутое место.» Я ему: «Заткнись.» Сел на матрас, достал бутылку крепкого пива и протянул ему вторую.

— Не пью.

— Да я тебя сейчас выгоню. Почему ты такой правильный? Я в твоём возрасте уже...

— Отец говорит, вредно для здоровья. Поэтому я решил заниматься спортом. Хочу стать сильным.

Я выдохнул. Всё ясно.

— Будешь приходить сюда каждый день. Я заставлю тебя возненавидеть спорт и меня. Обратной дороги нет. Ты либо здесь, либо в могиле.

Он снова заулыбался как кретин:

— Хорошо.

Мы начали тренироваться. Сначала у него получалось отвратительно, но уже через неделю я начал в нём видеть что-то большее. Он легко освоил приёмы, на которые у других уходит кучу тренировок, и даже тогда — через силу, с грязной техникой. А этот идиот делал их точно, с первого раза.

— У меня получается? — спросил он, тяжело дыша.

— Нет, — ответил я.

Врал. Конечно, врал. Но я не умею поддерживать. У меня это в крови не прописано — доброта, поощрение, эти ваши «молодец». Даже когда всё идеально, я молчал. Слишком раздражало, как быстро он двигается вперёд. И что хуже всего — по-настоящему раздражало — у него был талант. Он не напрягался, он впитывал. Он был слишком живуч, как будто это ему надо было с самого начала.

А потом — мы каким-то образом сдружились. Даже не понял, в какой момент. Я стал видеть в нём младшего брата. Этот «брат» во мне должен был жить раньше, когда жила моя сестра, а не он. Он рассказал, что родители у него строгие. Оба работают в органах. Типичная пара лицемерных моральных машин — гонят ребёнка в порядок, а сами гниют внутри. Он не ругается матом, не пил, не курил. Наверное, поэтому так живуч на моих тренировках. Но я знал: дома его не ждали ни похвала, ни отдых. Я видел, как часто он приходил с синяками.

Я спросил однажды. Сам не знаю, зачем:

— За что?

— Тест завалил, но ничего, спорт важнее, — сказал он и улыбнулся, почесав затылок.

Спокойно, как будто его не били, а похлопали по плечу. В этот момент я правда хотел поехать к нему домой и переломать обоим руки. Или, что ещё лучше — заставить его самому это сделать. Пусть почувствует, что может.

— Купер, мне избить твоего отца? — сказал я на полном серьёзе.

— Нет-нет, всё нормально, правда.

Я не поверил. Открыл при нём бутылку пива. Обычно он отворачивался, а тут — взгляд стал другим, заинтересованным.

— Что? Хочешь? — протянул ему бутылку.

Он не ответил. Просто взял и отпил. Я ждал, что морщится, отпихнёт, а он начал пить, как воду. Теперь уже я смотрел на него как идиот. Он допил бутылку до конца, спокойно, без отвращения, и заговорил:

— Я ненавижу учёбу. Ненавижу родителей. Я люблю спорт. Мне нравится Ящик. Мне кажется, я просыпаюсь только для того, чтобы сходить сюда.

Эти слова ударили по мне. Будто я сам их сказал, лет в пятнадцать. Один в один. Даже интонация та же. Будто он процитировал мои мысли. Старые, мёртвые, но всё ещё где-то внутри.

— Я хочу отдохнуть, понимаешь, Мортен? Я ненавижу эту жизнь...

Внутри что-то треснуло, потому что я понял — я был таким же. Меня никто тогда не понял. А теперь вот он, другой я, и он говорит то, что когда-то не услышали у меня. Я тряхнул головой и встал.

— Пойдём.

— Куда?

Я не ответил, и он пошёл за мной, без вопросов. Я сам не знал, зачем я это делаю. Зачем веду его туда, где всё рухнуло внутри меня. Где каждый, кто оступился, начал падать. Где всё заканчивается или начинается — как кому повезёт. Синкопа. Только мы зашли на уличную территорию Синкопы, где все обычно собирались, на Купера сразу уставились. К нам сразу подошли Коман и Стерк.

— Что это? — сказал Коман, уставившись на Купера, будто на вещь.

— Ты его в неодушевлённом роде не называй, мудака. Это тебе не предмет, понял?

— Ты зачем ребёнка сюда притащил? — буркнул Коман.

Смешно. Сам старше Купера года на три максимум.

— Я Синкопу в пятнадцать возглавил. Ты о чём вообще? — сказал я, скривившись от тупого вопроса.

— Это брат твой что ли? Почему вы так похожи? — спросил Стерк, внимательно глядя то на него, то на меня.

Я никогда не думал об этом, но он прав. Похожие черты лица. Оба кудрявые. Одни и те же глаза. Только я — к счастью — не рыжий.

— Не брат. Но если тронешь — получишь, как за брата.

Стерк опустил на уровень Купера, глянул на него с прищуром:

— Чем увлекаешься?

— Тхэквондо, — ответил Купер.

Стерк сразу посмотрел на меня. Я только наигранно ухмыльнулся. Но в тот же момент заметил, что Купер тоже неискренне улыбается. Такой же, как и я в его возрасте. Привык улыбаться, когда надо терпеть. Стерк протянул ему бутылку чего-то крепкого. Купер взял.

— Тогда добро пожаловать, Синкоп, — сказал Стерк.

Я сам не заметил, как создал новую ужасную жизнь для Купера. Разрушил не только свою судьбу, но и помог невинному парню.

Глава 10

Рассказ от лица: Автор

«Истинная преданность начинается там, где заканчивается выбор.»

Среди всех теневых организаций триады городов именно чёрная сеть Ракель, расположенная в Ревиксе, занимает наивысшее положение по разветвлённости, силе и уровню контроля. Эта структура — не просто преступная организация в классическом понимании, а автономная система власти с чётко выстроенной иерархией, внутренними кодексами и собственным механизмом контроля над информацией, дисциплиной и человеческими ресурсами.

Во главе Ракеля стоит фигура, известная в пределах сети под именем Рондель. Ему около шестидесяти, однако о нём известно лишь тем, кто имеет прямой доступ к ядру: «солдатам» (подросткам-исполнителям, завербованным для устранения, допросов и доставки) и обслуживающему персоналу подземного комплекса. Его биографические данные отсутствуют в любых цифровых реестрах, а присутствие в инфопространстве сведено к нулю: он — системная тень, существующая на границе мифа и власти.

Рондель редко покидает пределы своего оперативного центра, однако регулярно лично контролирует процесс начальной подготовки. Особенно — этап, в котором новобранцы осваивают базовые протоколы сети: владение холодным оружием, тактическую дисциплину, психологическое дистанцирование. Он скрупулёзен, если речь идёт о тех, кто ещё не прошёл «внутреннюю фильтрацию». Тем, кто прошёл — он не доверяет, но признаёт, что они уже функционируют в полной зависимости от кодекса. Его приказы не обсуждаются. Его голос — инструмент структуры. Его редкое появление — напоминание, что из Ракеля не уходят и за ним всегда кто-то смотрит.

Главный узел Ракеля расположен в Ревиксе, в изолированной части города, которая официально считается закрытой для посещения в связи с аварийным состоянием инфраструктуры. На самом же деле — это зона стратегического прикрытия. Под землёй, на глубине, которая превышает уровень метрополитена, находится разветвлённый комплекс помещений, представляющий собой одновременно военный штаб, информационный центр и тренировочную базу. Система охраны автономна: никто не несёт постоянных вахт — всё построено на датчиках, биометрической верификации и замкнутой электронной системе допуска. Ракель не просто наблюдает за происходящим в Триаде — он вмешивается, корректирует, устраняет и, если нужно, запускает цепные реакции. Эта структура живёт по собственным законам, и главное из них — лояльность важнее личности. Выход из Ракеля невозможен без последствий, а память о нём, как правило, остаётся только в записях сектора «Забывтого Континуума», который, согласно внутреннему протоколу, хранит сведения обо всех нарушителях приказа «не оборачиваться назад».

Символ Ракеля — глаз с пустым зрачком — воплощение тотального наблюдения и безличного контроля. Его образ встречается в интерьерах сети повсеместно: на стенах коридоров, в залах для тренировок, в смотровых комнатах. Чаще всего он изображается в двух вариантах — насыщенного чёрного или холодного голубого оттенка.

Внутри самой сети особое место занимает латинский язык. Он не только обязательный к изучению, но и служит формой внутреннего кода. Солдаты Ракеля — подростки, выполняющие ключевые задачи по зачистке, слежке, допросам — используют латынь как язык призыва, угрозы, приказа и даже молитвы. Стены тренировочных залов исписаны латинскими фразами, оставленными как символ идеологической лояльности или в память о пройденных испытаниях. Инициатива внедрения латыни принадлежит лично Ронделю, руководителю сети.

Он настаивает на использовании мёртвого языка как символа отделённости Ракеля от внешнего мира. В официальной образовательной системе Триады (Ревикс, Люмер, Фиксвелл) изучение иностранных языков, особенно латыни, запрещено на государственном уровне. Учебные материалы, словари или методические пособия по ней не продаются ни в одном магазине и не доступны. Таким образом, владение латынью становится маркером принадлежности к Ракелю и доступом к сакральному уровню власти, смысла и командного языка, понятного только «своим».

Внутри Ракеля шахматы считаются не просто игрой, а обязательной дисциплиной. По прямому указанию Ронделя каждый солдат обязан не просто знать правила, а демонстрировать уверенное владение стратегическими и тактическими принципами шахматной партии. Обучение игре входит в базовую программу подготовки, наравне с физической выносливостью и владением ножом. Рондель рассматривает шахматы как модель ведения уличных, информационных и психологических войн, где каждая фигура — это ресурс, а каждая позиция — возможная ошибка или преимущество. Он требует от своих подопечных не механической атаки, а осмысленного продвижения, способности просчитывать ходы вперёд и адаптироваться под непредсказуемость противника. Во внутреннем регламенте есть негласное правило: «если ты не можешь выиграть на доске — ты не готов выигрывать на улице». Поэтому большинство тренировочных залов оборудованы не только боевыми зонами, но и шахматными секторами, где ежедневная практика обязательна. В Ракеле ошибаются только один раз — и даже в шахматах проигрыш может стать поводом для пересмотра статуса.

Среди негласных убеждений Ронделя существует особая установка, которую он никогда не выносил в официальные приказы, но последовательно продвигал через внутренние принципы отбора и символику сети: он считал, что голубоглазые юноши обладают врождённой внутренней силой, подходящей для служения Ракелю. Сам обладая таким цветом глаз, он не раз упоминал в узком кругу, что именно в светлой радужке читается холодный потенциал — сочетание хладнокровия и врождённой решимости. Это убеждение отразилось не только в визуальной культуре сети — изображение глаза в символике Ракеля чаще всего выполнено в голубом цвете — но и в его личном внимании к голубоглазым рекрутам. Это не означает дискриминации по признаку цвета глаз: кареглазые также проходят отбор, проходят обучение и достигают высоких рангов. Однако внутреннее мнение Ронделя на протяжении многих лет незримо влияло на процессы оценки и продвижения. В его представлении светлый взгляд — это отражение внутренней строгости, и, по его словам, «мрак лучше прячется за льдом, чем за огнём».

В структуре Ракеля ключевым критерием выживания и продвижения остаётся хладнокровие. Эмоции рассматриваются как дефект, уязвимость, несовместимая с природой системы. Проявление печали, страха, уныния, слёз — категорически неприемлемо. Эти состояния интерпретируются как слабость, а слабость в Ракеле не прощается. Нарушение этого негласного правила карается либо отстранением, либо жёсткими дисциплинарными мерами — включая изоляцию, физическое воздействие или унижение перед другими.

Ракель строит солдата не на выносливости тела, а на предельно жёсткой настройке психики. Здесь не учат контролировать эмоции — здесь их системно искореняют. Подавление чувств — обязательное условие для признания частью системы. Допустимыми остаются только те реакции, что направлены вовне: жесткость, агрессия, высмеивание слабых — не только допустимы, но зачастую поощряются как проявление доминирования и силы.

Женщины в сеть не допускаются вовсе. По убеждению Ронделя, девушки не предназначены для участия в «чёрной жизни» — они, по его словам, «слабое звено в системе, где каждая единица должна быть орудием». Роль женщины в его картине мира — продолжение рода, не участие в теневых структурах. Такую позицию Рондель не скрывает внутри круга управляющих, и она стала одним из основополагающих ограничений Ракеля, поддерживаемым с момента основания.

Таким образом, внутренний мир солдата в Ракеле — это пустое, отточенное пространство, лишённое сострадания, юмора, сомнений и слёз. Только те, кто прошли полное «обнуление» чувств, считаются пригодными к выживанию и службе.

Изначально три крупнейших города — Ревикс, Люмер и Фиксвелл — формировали так называемую Триаду: союз скоординированных подпольных сетей, действующих в условиях абсолютной скрытности и взаимного доверия. Их общее обозначение — АІА, латинская аббревиатура, основанная на ключевых концептах каждой из сетей: Actio, Imperium, Aeternum. Центральный символ АІА представлял собой стилизованную руку с глазом на ладони и синусоиду, пересекающую их — как знак взаимодействия действия, наблюдения и непрерывного сигнала.

Actio¹¹ — это чёрная сеть города Люмер, известная под названием Manus¹². Она формировалась как исполнительный механизм: силовая структура, ориентированная на прямые физические действия — устранения, подавление, охрану, и контроль над улицами. Символом Мануса стала обнажённая ладонь с шестью пальцами, как знак дисциплины и подчинения.

Unda¹³ — сеть из Фиксвелла, городского центра научного и технического прогресса. Её изначальное наименование — Aeternum¹⁴, хотя чаще её называли по функции — Унда. Когда цифровые технологии лишь начали проникать в повседневную жизнь, именно Унда занималась разработкой, взломом и изучением компьютерных систем. Они строили инфраструктуру вокруг идей информации как оружия, кода как инструмента вторжения. Их символ — синусоида: непрерывная волна, отражающая движение сигнала, данных, вмешательства без следа.

Во времена существования АІА, координирующего альянса чёрных сетей Триады, сеть, ныне известная как Ракель, носила название Imperium¹⁵. Её задачей был контроль за целостностью и внутренним порядком альянса. Imperium действовал как надсистема: управленческий орган, устанавливающий регламент и следящий за соблюдением негласных законов в каждой из трёх городских сетей. Однако со временем идеологические разногласия между Люмером, Фиксвеллом и Ревиксом начали нарастать. Каждый город стремился к большей автономии, а влияние Imperium стало восприниматься как угроза суверенитету. Конфликт интересов стал настолько острым, что над альянсом нависла реальная угроза внутренней войны. Понимая катастрофические последствия открытой конфронтации, лидеры решили формально расформировать АІА. Так прежний союз распался: единый символ — рука с глазом и синусоидой — был разделён на три отдельных знака, а вместе с ним — и идеологическая цельность. В результате:

Глаз остался в Ревиксе, переродившись в Ракель — жесткую иерархическую систему, ориентированную на контроль, дисциплину и психологическую доминацию.

Рука продолжила существование в Люмере в виде Мануса — оперативной, агрессивной сети, сохраняющей культ физической силы и непосредственного действия.

Синусоида — эмблема Унды, чёрной сети Фиксвелла — унаследовала цифровую и аналитическую часть альянса, став интеллектуальной лабораторией подполья.

Хотя официальной вражды между городами не существует, между сетями сохраняется напряжённая конкуренция. Особенно острое соперничество наблюдается между Манусом и Ракелем: Люмер и Ревикс изо всех сил стремятся продемонстрировать, что именно их сеть является наиболее дисциплинированной, сильной и стратегически выверенной. Фиксвелл в этом соревновании проявляет относительное безразличие, предпочитая оставаться в тени — но даже там продолжается поиск превосходства, пусть и в форме технологий, а не оружия.

¹¹ Действие.

¹² Рука.

¹³ Волна.

¹⁴ Вечность.

¹⁵ Власть.

Ненависть между солдатами трёх сетей редко регулируется сверху: главы стараются избегать открытых конфликтов. Однако внутренняя идеологическая пропитка, фанатизм, воспитание в духе превосходства и кланового превосходства делает подростков готовыми убивать друг друга лишь за символ, набитый на правой груди.

Участники чёрных сетей Триады носят отличительный знак своей принадлежности в виде татуировки на правой стороне груди — символ сети, в которую они были приняты. В Ревиксе, внутри Ракеля, этот символ — глаз с пустым зрачком. У Люмера, в сети Манус, — открытая ладонь, символизирующая действие и физическую силу.

После недавнего разрушения части подземной инфраструктуры Мануса, его активные участники — подростки-солдаты — были экстренно эвакуированы в Ревикс и переданы в ведение Ракеля. Это было оформлено как «временный союз», но в действительности интерпретировалось Ракелем как одностороннее поглощение. Перемещённым бойцам Мануса предстояло пройти через серию унижительных, но обязательных процедур «очищения».

Первым этапом являлось удаление старой татуировки — ладони. В условиях подземного комплекса Ракеля это выполнялось с помощью кислотной обработки или выжигания электрическим импульсом: процесс болезненный, оставляющий рубцовый след, поверх которого позже набивается новый символ — глаз. Такие шрамы символизируют «пережитую идентичность» и доказывают готовность служить уже не руке, а взгляду. Однако физического следа было недостаточно. Ритуальная часть включала вербальное подтверждение преданности новой Сети. Каждый солдат бывшего Мануса должен был произнести перед верховным наблюдающим фразу:

*Ubi manus cadit, oculus regnat.*¹⁶

Это считалось публичным отречением от прошлого и безоговорочным признанием превосходства Ракеля. Некоторые новоприбывшие отказывались, и те подвергались «переориентации»: временной изоляции, усиленным тренировкам, методичному психологическому давлению, включая ночные допросы и принудительные шахматные игры с проигрышем как поводом для телесного наказания. Только после полной вербальной и поведенческой лояльности допускалось повторное вступление в ряды уже как «чистого глаза».

Этот ритуал не просто демонстрировал смену принадлежности, он встраивал солдата в структуру тотального контроля, аннулируя автономную волю, привязанность к старому порядку и любые проявления преданности прежнему символу. В глазах Ракеля истинное переорождение начинается с уничтожения прошлого — в теле, словах и поведении. Ревикс, обладая значительно более крупными финансовыми ресурсами, чем города-партнёры, в исключительных случаях позволял себе приобретать солдат из Мануса. Однако такие сделки происходили нечасто — суммы, выставляемые Люмером, были чрезмерно высоки даже по меркам Ревикса, и подобные соглашения носили скорее характер стратегических уступок, чем рутинной практики.

В центральном тренировочном зале Ракеля, крупнейшем помещении подземного комплекса, собрались все новобранцы — бывшие солдаты Мануса, недавно переправленные из Люмера. Они выстроены в ровную линию, перед ними — сам Рондель: высокий, лысый, с холодными голубыми глазами, одетый в строгий чёрный костюм. На его правом мизинце — массивное кольцо с выгравированным символом Сети: пустой зрачок в центре раскрытого глаза.

Справа от Ронделя, напротив прибывших, стоят пятеро — неформальная элита Сети, Пятерка Ракелевских, известные под собирательным названием Квинтус¹⁷. Это не просто бойцы — это идеальные носители Кодекса Ракеля, проверенные годами службы, способные

¹⁶ Там, где пала рука — правит глаз.

¹⁷ от лат. Quintus — «пятерка».

одним взглядом наводит порядок в самых агрессивных рядах. Их присутствие служит не напоминанием, а предупреждением: здесь не выживают слабые и не приживаются чужие.

Клин — самый главный среди них. Высокий, полностью лысый, с серыми глазами, в которых нет ни капли жизни. Всё его тело покрыто шрамами — от головы до рук, даже лицо не осталось нетронутым. Он сам себе наносил эти порезы в процессе изнуряющей тренировки. Говорит, что это «символ сети». Его главная специализация — проникновение.

Змей — дерзкий и уверенный в себе. Всегда хочет казаться главным, но держится в рамках. Второй по значимости после Клина. Лысый, с татуировкой змеи, обвивающей шею. Обладает феноменальной фотографической памятью. Лучший в Сети информатор: умеет втереться в доверие, добыть информацию и уйти, не оставляя следа. Те, кто его видел в деле, редко остаются живы.

Скаль — самый разговорчивый из пятёрки и самый раздражающий. Часто улыбается без причины, словно псих. Любит говорить и умеет это делать. Его основная специализация — допросы и шантаж. Он может заговорить человека так, что тот и не поймёт, как выдал всё, что хотел скрыть. Чуть выющиеся коричневые волосы, короткие, но не под машинку. Из оружия использует нож, но редко — чаще работает только словом.

Жало — младший в пятёрке. Светловолосый, худой, с острыми чертами лица. На правой кисти вытатуирована пчела. Его главное оружие — ножи и кинжалы. Он обращается с ними, как с продолжением собственного тела. Быстрый, точный, но порывистый. Часто не сдерживает эмоций, может вспылить, всплеснуть агрессией, словно всё ещё не вышел из подросткового бунта.

Шохр — темнокожий, самый спокойный и уравновешенный. Говорит редко, но каждое слово у него на вес золота. Внешне кажется безобидным, но те, кто его знает, понимают — он опасен. В бою почти не использует оружие: его тело — его главное оружие. Умеет обезвредить и уничтожить противника голыми руками, бесшумно и быстро. Сила Шохра — в абсолютном контроле.

Скаль стоял, переминаясь с ноги на ногу и широко улыбаясь, глядя на строй. Никто из стоящих напротив не смотрел на него — все взоры были устремлены вперёд, как их учили в Манусе. Только Змей время от времени косился на Скаля с явным раздражением, но сдерживал себя. Рондель долго молчал, неподвижный, словно из камня. Только глаза двигались, методично проходясь по лицам в строю. Затем он произнёс твёрдо, но без повышения голоса:

— *Ubi manus cadit, oculus regnat.*

Вслед за ним, как отточенный механизм, строй ответил в один голос:

— *Quod fuit manus, nunc fit oculus!*¹⁸

Рондель едва заметно кивнул. На его лице по-прежнему не дрогнуло ни одной мышцы — ни одобрения, ни презрения. Он просто продолжил:

— *Quo vos sacrificabitis pro oculo?*¹⁹

Ответ прозвучал мгновенно, ровным, выученным голосом, как клятва:

— *Me ipso, familia, anima.*²⁰

— *Memoria, nomine, voluntate.*²¹

— *Totum quod sum, totum quod eram, totum quod ero.*²²

После весь строй начал синхронно снимать чёрные футболки. Движения были слаженными, отточенными — в Манусе их учили этому. Тела подростков обнажились, и под светом

¹⁸ То, что было рукой — теперь стало глазом!

¹⁹ Чем вы жертвуете ради глаза?

²⁰ С собой, семьёй, душой.

²¹ Памятью, именем, волей.

²² Всем, чем я есть, был и буду.

ламп зала стали видны татуировки на правой груди — ладони, символ их прежней сети. У каждого она была набита чуть по-разному: у кого-то агрессивно размашисто, у кого-то лаконично, чётко, будто по линейке. Но всё это было — прошлое. Теперь их ждал процесс очищения. Рондель стоял в полной тишине. Его руки были сцеплены за спиной. Он молчал, не двигаясь, но ощущение, что он смотрит на каждого, было настолько сильным, будто воздух сам давил на кожу. Он не двигает головой — только глазами. Скользит взглядом по рядам, по чернилам Мануса, по спинам, плечам, горящим от напряжения. Останавливается на одном. Тот стоит чуть напряжённее остальных. Не из страха — из непокорства.

Рондель медленно кивает Скалю. Скаль выходит из тени с ухмылкой на лице. Его походка — неторопливая, даже насмешливая. Он подходит к выбранному парню вплотную и заглядывает ему в лицо. Тот не отводит взгляда. Молодой, крепкий, с прямой осанкой и глазами, которые не умеют лгать, но не хотят говорить правду.

— Имя? — спрашивает Скаль негромко, почти ласково.

— Элио.

— Элио, — повторяет Скаль.

— Покажи, — продолжает Скаль, указывая на татуировку.

Элио поворачивает корпус. На груди — ладонь. Чёткая, с вытянутыми пальцами и символами внутри каждой фаланги. Это не просто знак, это кодировка. Скаль щёлкает языком.

— Ты из боевой тройки Мануса, так ведь? Не из тех, кто просто прятал закладки. Ты действовал. Ты командовал.

— Был, — отвечает Элио ровно.

— Был, — повторяет Скаль, делая шаг ближе. — А теперь ты кто?

— Солдат Ракеля.

— Быстро ты меняешь флаг, — Скаль смеётся. — Переобуваешься без скрипа.

— Я принял решение.

Скаль не отступает, наоборот, приближается вплотную, почти дышит ему в лицо.

— Решение? Или приказ? Ты думаешь, я не вижу, как ты сжал кулаки, когда услышал клятву? Ты ведь даже не шевельнулся, когда остальные в голос крикнули. Знаешь, почему? Потому что внутри ты не с нами.

— Я исполняю приказы. Я здесь.

— Но ты не здесь. Ты всё ещё там, в тоннелях Мануса. Ты всё ещё думаешь, что ладонь — сильнее глаза.

— Я ничего такого не сказал.

— Но ты чувствуешь это и это хуже. Потому что ложь словами — дело привычное, а ложь сердцем — предательство.

Скаль поднимает руку, касается его шрама под татуировкой.

— Тебя посвятили в Манус с кровью. Удар по ладони, нож под кожу, присяга на тишине. Я прав?

— Да.

— И ты клялся?

— Да.

— А теперь ты клялся нам?

— Да.

Скаль улыбается. Медленно, медленно тянет пальцем по линии на груди Элио.

— Тогда скажи: ты отрёкся от Мануса?

Элио занервничал, зрачок забегал от паники.

— Я... здесь. Я следую новому приказу. Но я не отрёкся.

— Не отрёкся? — протянул Скаль улыбаясь.

Он разворачивается к Ронделю.

— Этот солдат говорит правду. И она ему не поможет.

Рондель делает едва заметное движение рукой. Из глубины зала выходят двое — один несёт устройство для сведения чернил, второй — металлический контейнер, в котором лежит то, что в Ракеле называют очистительным комплектом: шприц с коагулирующим веществом, кислота для выжигания следов прежней верности, ткань, пропитанная нашатырём и перцем — чтобы сознание не отключалось во время процедуры. Скаль ещё раз смотрит на Элио.

— Ты никого не предал, но прежнего тебя здесь больше нет. Добро пожаловать в Ракель.

Первым грубо вывели из строя Элио. Когда он вышел вперёд, окружающее давление будто сомкнулось вокруг его горла. Он подошёл, не замедлив шага, остановился перед аппаратом. Один из медтехников протёр кожу, другой проверил мощность устройства. Его правая грудь — с выцветшей, но ещё различимой татуировкой ладони — стала мишенью.

Когда металлическая игла начала своё движение, тонкий химический запах расплавленной эпидермальной краски сразу заполнил воздух. Тело Элио вздрогнуло. Он пытался дышать ровно, пытался держаться — но на четвёртой минуте звук стал нестерпим. Ткань кожи трескалась под жаром, а след старого символа шипел и дымился.

— Не кричи, — сказал кто-то из очереди, не поворачивая головы.

Но Элио не сдержался. Сначала это был глухой стон, стиснутый зубами. Потом резкий крик, вырвавшийся будто из другого человека.

— Молчать, — коротко бросил медтехник, удерживая его плечо.

Не все знали, что это было. Не все хотели знать. Специальный инъекционный раствор — вещество, влияющее на рецепторы тревоги, памяти и болевого восприятия. Его вводили тем, кто, по мнению Ракеля, пришёл с «ядром» из другой Сети. Официально — для адаптации. Фактически — для подавления остаточной лояльности. Элио получил её первой же. Игла вошла в вену без предупреждения. Он дёрнулся, мышцы свело судорогой. Глаза потемнели. Он не потерял сознание — это было бы слишком легко. Он остался стоять, опираясь на плечо одного из техников. Когда татуировка была окончательно выведена, кожа в этом месте осталась воспалённой, полупрозрачной, покрытой коричнево-багровыми пятнами. Пока Элио отводили в сторону, аппарат уже подносили ко второму. Каждый смотрел вперёд. Как учили в Манусе, но теперь — в Ракеле.

Вслед за первой процедурой в зал внесли ещё несколько аппаратов — угольно-чёрные, с тонкой вибрацией и слабым гулом. Их установили вдоль строя, не делая пауз между процедурами. Пространство наполнилось звуками: треск расплавляемой кожи, гул аппаратов, приглушённые стоны и раздирающие крики. Кто-то выдерживал, сцепив зубы, кто-то падал прямо на бетон, обессилев от боли и внутренней ломки. Один из солдат, худощавый подросток, не выдержал. На его лице выступили слёзы, сдерживаемые, но предательски стекавшие по щекам. Медик подошёл к нему быстро, точно — и вколол ампулу в шею. Никакого обезболивания. Только подавление эмоционального ответа. Лицо солдата обмякло. Он продолжал дышать, но уже молча, будто кукла с вывернутым звуком.

Рондель наблюдал. Он смотрел на каждого, анализируя. Сравнивал. Оценивая не боль, а поведение. Затем, несмотря на гул, он заговорил:

— Вы в Манусе ничему не научились. Ни стойкости, ни уважению к боли. Ни преданности, — он сделал паузу. — Вы должны быть благодарны, что теперь участники Ракеля.

Тренировочный зал постепенно стихал. Некоторые замерли. Другие продолжали стонать, но уже тише. Квинтус не отреагировал вовсе. Скаль — как всегда — улыбался, будто всё происходящее было спектаклем, поставленным специально для него. Жало, будто не слыша ни слова, вертел кинжал между пальцами, глядя в потолок. Остальные стояли так же, как и в начале: как будто всё происходящее — их не касалось.

В этом и была разница.

Потом раздался глухой, сухой звук удара — кожа о бетон. Несколько голов в строю дрогнули. Один из солдат Мануса упал вперёд — резко, как кукла с перерезанными нитями. Он не вскрикнул. Просто рухнул лицом в холодный пол, как будто внутри него что-то оборвалось. Рондель не пошевелился. Его глаза уже нашли другого — подростка, стоявшего во втором ряду. Тот на долю секунды дёрнулся, сделал шаг вперёд, будто хотел помочь. Их взгляды пересеклись, и он сразу передумал. Выпавший из строя был Элио. Скаль медленно расплылся в широкой, болезненной улыбке, словно предвкушал этот момент.

— Раскрыт, — прошипел он сквозь зубы, улыбаясь, не сводя глаз с тела.

К Элио подошли двое в медицинских масках. Они молча перевернули его на спину, проверили пульс. Один из них, не убирая пальцев с шеи, поднял взгляд на Ронделя:

— Мёртв.

Рондель кивнул — ни единого выражения на лице — и отвёл взгляд, как будто услышал не диагноз, а итоги дежурной инвентаризации. Скаль тихо засмеялся. Улыбка стала шире, звук — искренним, почти счастливым. Он будто видел перед собой финал быстрой шахматной партии, где фигура была поймана не грубой силой, а изящной ловушкой. Для него это была победа. Не физическая — идеологическая.

В строю Мануса пошло движение. Кто-то скользнул взглядом в сторону тела, кто-то — на бывшего друга. В их глазах не было крика, не было слов. Только немая память — о том, кем был Элио, и как быстро он перестал им быть. Пока тело Элио выносили, зал наполнился звуками шагов и глухой тишины. Рондель повернул голову к остальным и, впервые за всё время, заговорил чуть громче, чем обычно — так, чтобы ни у кого не осталось сомнений:

— Кто не умеет менять мнение — не заслужил второго шанса.

Глава 11

Рассказ от лиц: Виана / Автор

«Если мир не оставил тебе клеток для хода — ты начинаешь ходить по тем, которых не должно существовать.»

Находиться дома стало просто невыносимо. Мой новый отец, почти всегда пьёт с мамой. Она не ругается, не сопротивляется, просто пьёт с ним за компанию. Она всё ещё следит, чтобы я пила таблетки. Говорит, это важно для памяти, но я всё чаще отказываюсь. Мне не нравится, как они пахнут — будто горелая резина, как у старых проводов. И потом на языке долго остаётся это мерзкое послевкусие, будто я что-то испорченное проглотила.

После того как Веркс отчислился, стало чуть легче. Но даже с ним, наверное, было не так страшно, как теперь. У меня до сих пор нет друзей. Иногда перекидываюсь парой слов с Пасамом — он странный, немного пугающий, но слушает. А вот Мортен будто ненавидит меня. Не говорит, не смотрит. Уходит, когда я рядом. Я думаю, он верит, что это я попросила Олцеров заступиться за меня, но я этого не делала. Никому ничего не говорила. Просто всё случилось.

Мама меня почти не замечает. А вот отчим, наоборот — слишком даже замечает. Особенно когда выпьет. Сегодня вечером он снова зашёл в мою комнату.

— Что ты, Виана, как ты? — проговорил он пьяным голосом, ввалившись в дверной проём.

Я сидела на кровати, читала. Сделала вид, что не слышу.

— Что, решила не обращать на меня внимания? — заорал он и рванул книгу из моих рук.

Я резко встала, как будто он что-то важное у меня отнял. Он уставился на страницы — глаза стали огромными, как у испуганного зверя.

— Что... что ты читаешь? — он перелистывал страницы, с какой-то паникой.

Потом заорал, как будто увидел внутри бомбу:

— Ната! Ната, иди сюда, ты видела что она читает? Что за латынь и символы?

Мама зашла пошатываясь. Я думала, ей, как всегда, будет всё равно. Но она вдруг застыла, как только увидела раскрытую книгу. Она всегда знала, что я её читаю, но никогда не знала, что внутри.

— Не может быть... — прошептала она и дёрнулась рукой к книге.

Я сорвалась с места. Подошла, вырвала книгу обратно.

— Какая вам разница, что я читаю? — крикнула я.

Мама застыла, будто её кто-то выключил. Она молчала, глядя в одну точку. Отчим резко замахнулся и ударил меня по лицу ладонью.

— Кто тебе разрешал вырывать книгу из рук? — крикнул он, пошатываясь.

Мама продолжала стоять неподвижно. Я прижала руку к щеке — место удара сразу стало горячим. Глаза заслезились, но я старалась не расплакаться. Я прижала к себе толстую книгу, пряча её за спиной. — Уходите! Оставьте меня в покое, — закричала я, почти на вздохе.

Он подошёл ближе и ударил меня ещё раз, сильнее. Я пошатнулась, опираясь о край стола. Тогда заговорила мама:

— Виана... выбрось эту книгу. Выбрось её, иначе они убьют тебя.

Мама закрыла рот рукой и, ничего не сказав, вышла из комнаты. Отчим подошёл ко мне вплотную, сжал меня за плечи и начал трясти.

— Мать сказала выбросить книгу — выброси!

Он несколько секунд смотрел мне в глаза, потом его взгляд соскользнул на мой голубой кулон. Он потянулся к нему дрожащей рукой, будто хотел рассмотреть поближе, но я ударила его ладонью по щеке. Он отшатнулся, а я схватила рюкзак, спрятала кулон и бросилась к окну. Оно было открыто — в частном доме я легко могла выбраться через него. Он потянулся, чтобы схватить меня, но я уже спрыгнула вниз, босиком.

— Малолетняя тварь! — крикнул он мне вслед.

Я закинула книгу в рюкзак на бегу и побежала прочь от дома — как можно дальше, не оборачиваясь. Была ночь. Улицы пустые, тишина тянулась между домами, прерываемая только шорохами мусора, перекатывающегося по асфальту. Я сбежала. Смогла. Но с каждым шагом всё сильнее понимала — бежать некуда. Это была не свобода, а передышка. Босые ноги шлёпали по холодному асфальту, по пыльной земле, по осколкам. Где-то под пальцами ног хрустело стекло, и каждый такой шаг отдавался болью. На стенах и заборах мелькали силуэты граффити, чьи-то надписи, выцветшие от времени и дождей, странные знаки, оставленные кем-то, кто тоже, может быть, убегал. На улице было страшно. Не оттого, что кто-то мог напасть — а потому что всё вокруг молчало. Фонари не горели. Здесь никто не должен был быть. Ночью весь город прячется по домам. А те, кто выходит — либо по работе, либо безумцы. Я явно не по работе. Шаг за шагом — и будто тьма втягивала меня в себя. Дом казался далёким, будто другой жизнью. А я просто бежала, потому что стоять на месте было ещё страшнее.

Я не знала, куда бегу. Просто ноги несли вперёд, пока улица не вывела к старому пятиэтажному дому. Он был мрачный, с облупленными стенами, тёмными окнами, похожими на пустые глазницы. Я села у его стены прямо на землю. Холодно, грязно — но всё равно легче, чем дома. Не знаю зачем — но я достала книгу. Села, прижавшись спиной к бетону, и раскрыла её. Руки дрожали от усталости, пальцы были пыльные и немного в крови — то ли от стекла, то ли от чего-то ещё.

«Дебют Блуждающей Пешки».

Так один знакомый мне старик называл первые шаги тех, кто вышел из дома навсегда — не как беглец, а как фигура, вычеркнутая из чужой партии. Когда ход уже сделан, доска ещё пуста, но назад пути нет. Пешка не спрашивает, куда идти — она просто идёт. Пока не исчезнет с поля зрения. Или пока её не заметит кто-то, кто расставляет фигуры.

Он говорил: блуждающую пешку всегда найдёт та фигура, которой она особенно дорога. И фигура эта — никогда не белая.

Я не успела осознать прочитанное и понять, как это связано со мной, как вдруг из темноты прямо у моего лица пролетел нож и с глухим звуком вонзился в стену — всего в паре сантиметров от глаза. Я медленно повернула голову. Сердце забило сильнее. На лезвии — гравировка: OLC. Я резко спрятала книгу в рюкзак. Внутри всё похолодело. Я была почти уверена, что это Веркс. Но из тени вышла... девочка?

— Ты кто такая? — спокойно, но с холодом в голосе спросила она, держа в руке уже другой нож.

— Виана.

Услышав его, она приоткрыла рот, выражение лица чуть изменилось — как будто узнала. Она сразу подошла ближе, уже без враждебности, и аккуратно вытащила нож из стены.

— Как ты уговорила Пасама встать на свою сторону? Это же невозможно, — удивлённо произнесла она.

— Я не просила. Я даже не знала.

— Ты в курсе, что он в пятнадцать лет полностью уничтожил группировку «Малит» за то, что она мешала Таките?

Она говорила так, будто использовала какие-то чужие, незнакомые мне слова. Я чувствовала себя будто в другом мире.

— Я не понимаю, о чём ты.

Она вдруг засмеялась.

— Всё ясно. Ты просто удачливая. Я — Агата. Будем, так скажем, дружить? Я ни с кем не общаюсь, кроме брата и ещё одного парня.

Она улыбнулась, и это была не угроза, а странное, почти детское согласие. Я ничего не поняла, но в тот момент её голос казался первым тёплым звуком за весь этот кошмарный день. Я вспомнила, что говорил мне Мортен: не связываться с Олцерами. Но это почти невозможно — они повсюду, и будто тянутся ко мне, как магнитом. Агата села рядом со мной, легко и непринуждённо, словно мы были знакомы давно.

— Почему ты на улице ночью? — спросила она.

— У меня нет дома. Я сбежала.

Она засмеялась, коротко, как будто это было вполне обычным делом.

— А ты? Почему не дома? — спросила я в ответ.

— Просто решила прогуляться. Всё равно живу только с братом. Мамы нет, а отец всё время на работе.

Я кивнула. Не знала, о чём с ней говорить. Она была слишком другая. Спокойно метнула нож в стену и села рядом, будто ничего особенного. Это немного пугало. На голове у неё была короткая чёрная шапка, на ней — спортивная одежда, но с косметикой на лице. Контраст странный, но ей шло.

— Говоришь, дома у тебя нет? — переспросила она, словно обдумывая что-то.

Я снова кивнула.

— Хочешь, можешь пожить у меня.

Я замерла. Не ожидала такого. Но выбора у меня особо и не было.

— Если можно... тогда давай.

Рассказ от лица: Автор

Агата молча встала, и Виана пошла за ней. Они прошли около километра, пока не добрались до большого дома. Дом не был где-то в глуши — рядом стояло ещё несколько таких же, не слишком ухоженных, но жилых. Дом был окружён забором, за которым начинался небольшой двор. Агата открыла скрипучую калитку, и они подошли к входной двери. Когда она открыла дверь, прямо напротив, в коридоре, стоял Панга. Он был с голым торсом, в спортивных шортах, скрестив руки на груди. Волосы были чуть влажными, как будто недавно мыл голову. Тело Панги было спортивным и подтянутым. Его кожа была чистая — ни одного шрама, ни татуировки, только на левом виске — один, чёткий шрам. Он не сразу заметил Виану, стоявшую чуть позади Агаты. — Хочешь, чтобы тебя убили, Агата? — сказал Панга, пристально глядя на сестру.

В тот момент он заметил Виану за её спиной, его лицо резко изменилось: он выпрямился, взгляд стал жёстким. Виана застыла, как вкопанная.

— Ты что, издеваешься? Какого чёрта ты её сюда притащила? — выкрикнул он.

Агата спокойно зашла внутрь.

— Тебе какая разница, придурок? — ответила Агата, бросив взгляд на брата. — У неё нет дома. Пусть поживёт у нас.

Панга рассмеялся — коротко, нервно, почти истерично.

— Нет, нет, милые мои, — процедил он, подходя ближе. — Поживёте сейчас обе на улице.

Он двинулся к ней, но Агата резко вытащила нож и приставила к его горлу. В ту же секунду холод лезвия коснулся её собственной шеи — Панга был не менее быстрым.

— Сейчас ты пойдёшь жить на улицу, — сказала она, сдерживая дыхание.

— Я так не думаю, — ответил он, не отводя взгляда.

— Чем же она тебе так мешает? — спросила Агата.

Панга бросил взгляд на Виану. Его брови слегка приподнялись — на долю секунды — и тут же опустились.

— Её окружение вызывает вопросы, — произнёс он, не отводя взгляда от Вианы, и медленно убрал нож от шеи сестры.

Агата недоумённо перевела взгляд на Виану.

— Какое ещё окружение? — спросила она с удивлением.

— Такое, что если она приведёт сюда свою кудрявую «собаку», то вы втроём вылетите отсюда мёртвыми.

Он не уточнял, но Виана поняла, о ком речь. «Кудрявая собака» — это был Мортен. Агата спрятала нож, бросила молчаливый взгляд на Виану, как бы говоря: пойдём со мной. Затем легонько оттолкнула брата в сторону. Тот лишь усмехнулся, не сопротивляясь. Виана пошла следом, чувствуя, как внутри скручивается всё от странного ощущения — она собиралась жить с человеком, которого Мортен ненавидит, возможно, сильнее всех. Мысль о том, что будет, если он узнает, придавала этой ситуации оттенок обречённости. Он же прикончит меня — пронеслось у неё в голове. Как будто прочитав её мысли, Панга крикнул ей вслед, весело, почти издеваясь:

— Если Мортен будет обижать — скажи, мы с ним поговорим. Как друзья.

Агата лишь цокнула, закатив глаза, и открыла тяжёлую металлическую дверь, ведущую в подвал. Перед тем как спуститься, она обернулась к Виане:

— Подвал у нас больше дома. Тут два разделения: одна часть — где мы тренировались, вторая — отдых. Там есть свободная комната. Можешь жить там.

Виана кивнула — у неё не было другого выбора. Когда они начали спускаться по крутой лестнице, Виану ударил в нос сильный, застоявшийся запах сигаретного дыма, дешёвого алкоголя и чего-то немного прелого — как в закрытых подвалах, где часто забывают проветривать. Пространство и правда оказалось больше, чем можно было представить. Подвал был не просто большим — он напоминал отдельную, пусть и запущенную, квартиру. На стенах серые пятна от влаги, под потолком — провода, идущие во все стороны. Свет был тусклый, с желтоватым отливом — лампы под потолком мерцали, будто собирались перегореть.

В «зоне отдыха» царил полный беспорядок. На полу валялись пустые бутылки из-под пива, банки, окурки, остатки упаковок от еды. На стенах было множество надписей, оставленных другими людьми. Один старый диван с разодранной обивкой стоял прямо напротив старого, разбитого телевизора. На подлокотнике — пепельница, переполненная бычками. Кресло рядом было перевернуто, на нём кто-то явно недавно спал — одеяло смято, подушка съехала на пол. На столике — два стакана с недопитым чем-то мутным и липким. Повсюду чувствовалась атмосфера ночных сборищ: перебивки смеха, запах табака, остывшая энергетика недавней жизни. На стенах — наклейки, обрывки постеров, граффити маркером. Всё выглядело одновременно уютно и пугающе — как логово тех, кто больше нигде не прижился. Агата прошла мимо этого бардака, будто не замечая, и указала на дальнюю дверь с чёрной ручкой:

— Там свободно. Убираться не заставляю, но если захочешь — будет только лучше тебе самой.

Виана кивнула, чувствуя, как начинает стягивать горло от едкого запаха. Ей хотелось одного — закрыться в этой комнате и хотя бы немного побыть в тишине. Виана зашла в комнату, которая казалась не столько жилой, сколько забытым уголком подполья. Стены были выкрашены в когда-то белый, но теперь пожелтевший цвет, с местами облупившейся краской. В углу стоял старый шкаф с оторванной дверцей, рядом — покрытый пылью письменный стол с одним ящиком, который не закрывался до конца. Воздух здесь был чуть суше, чем в остальном подвале, и пахло старыми тряпками и железом.

Кровать — узкая, с железными пружинами, издавала глухой скрип, когда Виана на неё села. Матрас был тонкий, как будто сделанный из слежавшейся ваты, но сейчас это было лучшее, что у неё было. Она не стала долго думать. Сняла рюкзак, достала книгу. Раскрыла на странице, где закончила читать, и её ждал новый дебют:

Дебют Зброшенной Линии.

Тот же старик однажды сказал:

«Иногда ты идёшь не туда, потому что туда — единственный путь».

Он играл в шахматы сам с собой и называл пешки именами. Говорил, что настоящая игра начинается не тогда, когда делаешь первый ход, а когда никто не зовёт тебя обратно. Такая пешка — не часть партии. Она просто идёт по заброшенной линии, пока не кончится доска. Или не появится кто-то, кто знает, куда ставят фигуру, которая не должна была попасть на поле.

Он также сказал:

«Если пешка доживёт до конца доски — она не станет ферзём. Она станет напоминанием, что эту доску больше никто не контролирует. Потому что настоящие игроки уходят, когда правила больше не работают».

Он говорил это, двигая фигуру по треснувшей клетке, словно знал: кто идёт по заброшенной линии — не выигрывает, он просто живёт дольше, чем остальные.

Глава 12

Рассказ от лица: Автор

«Ложь боится света, но правда боится взгляда.»

Виана проснулась немного раньше, чем сработал наручный будильник, разработанный лично для неё на подъём в колледж. Сначала она машинально спрятала книгу обратно в рюкзак, потом села и выпила таблетки — почти как на автомате, просто потому что так было всегда. Только потом до неё дошло: у неё нет одежды, чтобы пойти в колледж. Она так и спала в той самой домашней одежде, в которой сбежала. Сначала она немного посидела, потом всё же решила подняться наверх. Может, Агата даст хоть что-нибудь — футболку, кофту, что угодно. По мере того, как она поднималась по лестнице, слышался голос телевизора. Виана сразу подумала, что это Агата не спит и смотрит что-то с утра пораньше. На самом верху сразу начиналась гостиная. Небольшой телевизор стоял напротив дивана. На нём сидел Панга. Он не просто смотрел — он слушал, будто это были не новости, а какой-то инструктаж. Увидев Виану, он чуть сменился в лице.

— Мне нужна Агата. Я хотела попросить у неё одежду.

Панга не посмотрел на неё, глаза оставались на экране.

— Тогда жди будильника. Без него она не встаёт, — сказал он с недовольной интонацией.

Виана замолчала и осталась стоять в проходе, не зная — уйти обратно вниз или остаться ждать тут. Панга всё ещё смотрел телевизор, но в комнате повисло ощущение, будто он контролирует её присутствие даже краем взгляда. Панга перевёл взгляд на Виану, цокнул языком и сказал:

— Так и будешь стоять?

Он кивнул в сторону соседнего кресла. Тон был не приглашением, а скорее командой, скрытой за скукой.

— Садись.

Виана молча подошла и села. Кресло оказалось жёстким, но на удивление удобным. Она не знала, куда девать руки, и просто положила их на колени. На экране телевизора шли новости — сухой голос диктора зачитывал последние события.

Здравствуйте, уважаемые жители Ревикса. Поступила срочная информация от городской администрации.

Согласно официальному уведомлению, в городах Триады — Ревиксе, Люмере и Фиксвелле — зафиксированы случаи незаконного распространения материалов на латинском языке. Напоминаем, что использование, изучение и хранение латиницы строго запрещено в рамках закона о защите языковой и идеологической безопасности.

На данный момент известно, что одна из подобных книг — частично написанная на латыни и предположительно содержащая шахматные схемы и кодовые элементы — находится вне контроля властей. По неподтверждённым данным, данный экземпляр может находиться в руках лица, не имеющего допуска к подобной информации.

Уточняем: за хранение, передачу или распространение литературы на латинском языке предусмотрена уголовная ответственность вплоть до лишения свободы.

Появление книги на руках неподготовленного человека может привести к дестабилизации восприятия, идеологической дезориентации и формированию опасных убеждений. Власти предупреждают: латинский язык не является просто мёртвым — он был похоронен с умыслом.

Если вам что-либо известно о данной книге или её возможном местонахождении, просим немедленно сообщить в Центр Безопасности Граждан.

Оставайтесь внимательными.

Безопасность города — наша общая задача.

Виана замерла. Она прекрасно понимала, о какой книге говорили в новостях. О той самой, что сейчас лежала у неё в рюкзаке. Страницы, исписанные латынью, которые она не понимала, но перелистывала — ища символы, схемы, шахматные партии, написанные на её родном языке, хотя бы что-то понятное. Панга, уловив малейшее изменение в её лице, наклонил голову вправо, приподнял бровь — и не отрывая взгляда от неё, с лёгкой усмешкой сказал:

— Не у тебя ли эта книга, Виана?

— Нет. Я не знаю латынь.

Панга на секунду закатил глаза и тихо проговорил, будто в пустоту, но явно с расчётом, чтобы она услышала:

— *Ipse hanc librum possidere vellem.*²³

Виана нахмурилась, глядя на него.

— Что?

— Ничего, — спокойно бросил он и, не меняя выражения лица, прибавил громкость телевизора.

Официальное заявление Городского Информационного Центра.

Вчера вечером, была зафиксирована попытка несанкционированного цифрового вторжения в государственную систему данных Ревикса. Целью атаки, согласно предварительному анализу, являлся доступ к защищённой информации, касающейся внутренней инфраструктуры и протоколов безопасности.

Расследование взяла на себя оперативная группа «Unda», специализирующаяся на цифровой защите и внутреннем мониторинге информационных рисков. Любые лица, причастные к данному инциденту, будут привлечены к ответственности в соответствии с законом № 51-DP, регламентирующим защиту цифровой целостности Ревикса.

В случае подтверждения злонамеренных действий, нарушителям грозит до 25 лет изоляции или корректирующие меры высшего порядка. Государство Ревикса призывает сохранять бдительность и не поддаваться деструктивным влияниям.

А теперь о главном:

солдаты, поступившие из города Люмер в Ревикс, уже начали выполнять свои обязанности. Они демонстрируют высокую эффективность и лояльность, работая на благо государства. Мы благодарим город Люмер за поддержку и выражаем искреннее сожаление в связи с недавним взрывом на их территории, в результате которого было принято решение о передислокации части личного состава в Ревикс.

Но договорить журналист не успел. Панга резко схватил стеклянную бутылку с водой, стоявшую рядом на столе, и метнул её в экран телевизора. Послышался глухой звук удара, экран дрогнул. Стекло разбилось и рассыпалось по полу. Он тут же взял пульт и нажал кнопку — экран погас.

— Ублюдок, сука, — процедил он сквозь зубы.

Будильник на руке Вианы вдруг завибрировал и заголосил так резко, что она вздрогнула. Она судорожно нажимала на кнопку, но всё было бесполезно — как всегда, он работал строго тридцать секунд, и отключить его раньше было невозможно. Панга медленно повернул к ней голову и посмотрел так, будто увидел не человека, а неисправный механизм.

— Ты серьёзно всё ещё носишь эту хрень?

Виана инстинктивно спрятала запястье под рукав, чувствуя себя как будто пойманной с чем-то запретным.

— А у тебя... где твой будильник?

²³ Я и сам бы хотел быть обладателем этой книги.

Он фыркнул и откинулся на спинку дивана, закинув руки за голову.

— Выбросил.

— А так можно?

— Нет, — сказал он спокойно — Но пусть лучше пристрелят, чем я снова его надену.

Он поднялся, лениво потянулся и направился к окну. Открыл его пошире, впустив в комнату прохладный утренний воздух.

— Они нужны только если ты хочешь быть частью этой дрянной системы, — бросил он через плечо. — Учёба, работа, отслеживание шагов, контроль сна. Смотри, чтобы ты ел вовремя, спал вовремя, просыпался вовремя, думал вовремя.

Он обернулся и посмотрел на Виану.

— Я не хочу жить, чтобы исполнять протоколы. Мне не нужна карточка гражданина. Пусть засунут её себе туда, где у них остатки совести. Она не даёт свободы — она всего лишь делает тебя более удобным.

Будильник уже замолчал, но в ушах звенело от другого — от его слов. Виана потянулась к наручным часам, уже собираясь их снять, но Панга, даже не оборачиваясь, будто почувствовал:

— Если снимешь — тебя убьют. Но это твоё дело.

Она несколько секунд смотрела на часы, потом медленно убрала руку.

— Почему тебя не убили?

Панга коротко рассмеялся:

— У меня есть связи. Человек, что работал в Ракеле, он обеспечил мне эту прекрасную возможность — жить без поводка.

Виана открыла рот, чтобы что-то сказать, но в этот момент из комнаты вышла Агата — как будто точно знала, когда надо. В руках у неё была аккуратно сложенная одежда. Потирая лицо, она подошла к Виане и молча протянула вещи, бросив недовольный взгляд на брата и разбитое стекло возле телевизора.

— Что это? — спросила она, уже зная, что ответ ей не понравится.

Панга обернулся к ней, развёл руками:

— Это остатки от моей любви к государству и сети.

— Если отец об этом узнает, он тебя убьёт, — сказала Агата, не отводя взгляда от осколков стекла.

— Пусть попробует. Я сам его убью за всё детство, которое он мне «подарил».

Агата усмехнулась, устало:

— Если бы он слышал, как ты жалуешься, он бы, впервые за всё время рассмеялся от твоей жалости.

Панга развернулся к окну, давая понять, что разговор окончен. Виана молча взяла одежду из рук Агаты и ушла переодеваться — ей нужно было собираться в колледж, несмотря на всё происходящее.

В колледж Виана пошла только с Агатой. Панга, как и обещал, не собирался туда возвращаться по приказу. Они шли молча первое время, потом разговор как-то сам завязался — о странных преподавателях, о завтраках наспех и о том, как мерзнут руки по утрам. Разговор был не глубокий, но спокойный, живой. Агата говорила с ней так, будто они знакомы уже давно. И Виана это почувствовала — странную, непривычную близость.

Агата училась на кулинарии. Сказала с улыбкой:

— Раз умею нож держать — значит и готовить смогу.

У входа в колледж они попрощались и разошлись по своим кабинетам. Виана заметила, что идти одной теперь ощущалось чуть иначе. Внутри было какое-то тёплое послевкусие — то ли от доверия, то ли просто от того, что её в первый раз кто-то ждал по утрам. Но привычное ощущение одиночества вернулось быстро. Виана снова стала искать глазами Мортена. Он не

появился ни в коридоре, ни в холле, ни даже в столовой, где обычно мелькал. Уже несколько дней она его не видела. Будто исчез и это пугало.

Виана зашла в класс и удивилась — на её месте уже сидел Пасам. Он редко приходил раньше неё, обычно появлялся в последнюю минуту или даже позже. Сегодня же он просто сидел, глядя куда-то перед собой, будто что-то вспоминал. Она подошла, поставила рюкзак рядом и присела. Несколько секунд просто молчала, а потом не выдержала:

— Пасам, а тебе точно шестнадцать?

Он повернул к ней голову, потом медленно перевёл взгляд на большие часы в центре класса — 2:72.

— Я не знаю, сколько мне лет. Это неважно.

Он замолчал, будто хотел оставить всё так, но потом нехотя добавил:

— Я с двенадцати не ходил в школу. Потом решил, что стоит попробовать в колледж. Сколько времени прошло — сам не знаю.

Его голос был спокойный, почти отрешённый, как будто он говорил не о себе, а о ком-то далёком. Виане захотелось понять его лучше. Снять чёрную балаклаву, заглянуть под рукав — есть ли у него этот проклятый наручный будильник, который носят все. Но его рука была полностью закрыта тёмным худи, и он сидел так, будто знал, чего она хочет. Лицо было скрыто — его балаклава, обычная чёрная, с узким вырезом для глаз, делала его выражение недоступным. Только взгляд — хищный, скользкий по классу, — выдавал, что он не просто слушал, а наблюдал. Что-то считывал, что-то прикидывал. Потом, не поворачивая головы к Виане, он проговорил:

— Я бы хотел провести с тобой время в одном месте. Но чувствую, что сегодня я не по плану занят.

— Что-то случилось?

— Пока нет, — коротко бросил он. Он смотрел на часы — не на её.

Из динамика над классной доской прошёл шум и сухой голос объявил о начале урока. Больше они не разговаривали. Когда пара закончилась. Они оба встали. Виана почувствовала, как внутри всё тянется к одному вопросу, и, набравшись смелости, спросила:

— Ты знаешь Мортена?

— Знаю, — произнёс глухо.

— Ты не в курсе, куда он пропал?

— Нет, — коротко бросил он. И, не дожидаясь продолжения, вышел из класса.

Когда прозвенел сигнал обеденного перерыва, толпа учащихся потянулась в сторону столовой, разговоры сливались в гул. Виана шла медленно, будто сквозь вязкий воздух. Раньше в такие минуты она почти автоматически направлялась в библиотеку — там было тише, там книга чувствовала себя уместно. Но теперь библиотека казалась слишком опасным местом. Книга — жгла плечо через ткань рюкзака. Будто звала. Будто требовала внимания. Виана свернула в сторону, быстро поднялась на один из верхних этажей, где, как она заметила, всегда было пустынное, и зашла в женскую уборную. Несколько кабинок, тусклый свет и гул ламп — этого оказалось достаточно. Она заперлась изнутри, сняла рюкзак с плеча и достала книгу, стараясь не дышать слишком громко. Её ладони слегка дрожали — не от страха, скорее от неизвестного напряжения, будто каждый раз, открывая страницы, она переступала границу.

Ход №6: Manus Scriptum

Пешка встаёт на чёрную клетку, где нет фигуры, но есть след.

На доске появляется символ. Игра становится наблюдаемой.

Эта книга — не просто шахматы. Она сама по себе фигура. Кто её держит — тот в игре, даже если не делает ход. А за этой доской наблюдают те, кого ты не видишь. Если ты читаешь — они уже смотрят. Книга ни в коем случае не должна попасть в руки Глаза. Тот, кто смотрит — ищет, а тот, кто найдёт — подчинит.

Помни:

«Ubi oculus cecidit — manus regnat.²⁴»

Как однажды сказал один мой хороший знакомый учёный из Фиксвелла, Веспер:

«Мы с тобой, друг мой, изучаем не просто ходы — мы читаем, как движется мир. И поверь мне: если однажды фигура появилась на доске сама, это значит, кто-то это запланировал.»

Он был странным, нелюдимым. Жил в одном из технических блоков Фиксвелла, под номерами, которые стерлись с фасада. Я помню, как однажды он показал мне карту шахматной партии, где не было ни начала, ни конца — только середина. Клетки были исписаны символами, и он сказал: «Эти записи — не чтобы играть. Они чтобы помнить, кто ходил до нас.»

Он исчез спустя неделю. Просто пропал. Говорят, его забрали в Unda, но никто не знает точно, я предполагаю, он нашел себя в другом месте. В последнем письме, что я получил от него писалось:

«Oculus spectat, manus tamen semper movet.²⁵»

Теперь я знаю, что он имел в виду.

Когда закончился учебный день, Пасам вышел из колледжа позже остальных. Он чувствовал, что его кто-то ждёт, поэтому намеренно свернул в безлюдный переулок. Погода стояла серая, без солнца. Он шёл, глядя прямо перед собой, уже ощущая чьё-то присутствие за спиной. Когда услышал ускоряющиеся, едва уловимые шаги, резко обернулся — и успел перехватить Скаля, вынырнувшего из тени. Тот оскалился в широкой улыбке.

— Я ждал, — сказал Пасам.

Скаль всё ещё улыбался, держа в правой руке кинжал.

— Я по приказу Ронделя, — произнёс он спокойно.

— Я догадался, — отрезал Пасам.

Скаль усмехнулся.

— Ну ты, как всегда, Пасам... немногословен, — протянул он, начиная неспешно ходить вокруг.

Пасам по-прежнему смотрел прямо, не поворачивая головы.

— Книга... у тебя? — остановившись, спросил Скаль.

— Не у меня, — спокойно ответил Пасам.

Скаль на секунду замер, потом наклонил голову вбок, будто пытаясь заглянуть Пасаму под кожу.

— Не у тебя, — повторил он, прищурив глаза. — А у кого тогда?

Скаль медленно начал приближаться, вертя кинжал в пальцах.

— Знаешь, Пасам... Рондель не терпит пауз в ответах. Он считает молчание формой сопротивления, а сопротивление — формой вины.

Он остановился в шаге от него.

— И если ты не виноват, тогда кто? Или ты просто решил сыграть в ту же игру, что и раньше?

— Я не играю. Я говорю правду.

Скаль кивнул, будто соглашаясь, и вдруг резко рассмеялся, словно Пасам рассказал отличную шутку.

— Правда? — сквозь смех повторил он. — Пасам, ты всегда был из тех, кто говорит только половину, а половина — это ложь с золотой окантовкой.

Он наклонился ближе, его голос стал почти шёпотом:

²⁴ Там, где пал глаз — правит рука.

²⁵ Глаз смотрит, но рука всегда двигает.

— Если ты врешь, тебя убьют. Если ты не врешь... — Скаль выпрямился и пожал плечами, — тебя всё равно могут убить. Просто, на всякий случай. Ты же знаешь, Ракель не играет в долгие ходы, когда речь идёт о риске.

— Мой риск — моё дело.

Скаль посмотрел на него с долей восхищения, затем резко отступил на шаг назад, будто спектакль был окончен.

— Знаешь, что мне в тебе всегда нравилось? — сказал он, разворачиваясь. — Ты — та фигура, которую невозможно предсказать, но всё равно можно сбить.

Он убрал кинжал в пояс под курткой и бросил через плечо:

— Береги себя, пешка. И доску тоже. Она тебе ещё понадобится.

Скаль едва успел отступить, как возле его ноги с глухим звуком в асфальт врезался нож. Он замер, не оборачиваясь, только слегка склонил голову вбок — прислушиваясь.

— Ты хочешь поговорить о том, кто из нас пешка, если это ты здесь по приказу Ронделя?

Скаль усмехнулся, всё ещё не поворачиваясь.

— Хочешь сказать, если бы тебе Рондель приказал — ты бы не послушался?

— Это не в моих обязанностях. Я выполняю то, что считаю нужным.

— Это не ответ, — заметил Скаль. — То, что ты считаешь «нужным» выгодно Ракелю.

Он медленно наклонился и вытащил нож из земли. Повернул его в пальцах, будто оценивая вес, угол, след. Потом всё-таки обернулся, глядя прямо на Пасама.

— А может, ты просто из тех, кто любит делать вид, что ходит сам. А фигура уже выбрана, цвет уже назначен, доска уже поставлена. Осталось только сыграть свою роль.

Скаль повернулся и пошёл прочь, не торопясь. Пасам не сдвинулся с места, провожая его взглядом.

— Когда я узнаю у кого эта книга я убью его первым.

Глава 13

Рассказ от лица: Автор

«Иногда ты не замечаешь последнего взгляда, потому что мир решает, что пора — закрыть тебе глаза.»

Сегодня был выходной. Будильники не срабатывали, и Виана почти весь день провела в своей комнате. Ближе к вечеру её разморило, и она решила немного подремать. Проснулась она от настойчивого стука в дверь. Сонно открыв глаза, Виана села и с неохотой направилась к двери.

— Сегодня у Олщеров день развлечений, пойдём? — быстро и почти шепотом с радостью проговорила Агата, едва войдя в комнату и захлопнув за собой дверь.

Мысль о Мортене и его предупреждении — держаться подальше от Олщеров — снова всплыла в голове.

— А мне разве можно?

Агата фыркнула:

— Мне тоже нельзя, но кто нам запрещает? Я знаю одно место. Посмотрим с безопасного расстояния.

Виана замаялась, взглянула на стены комнаты, будто надеялась найти в них оправдание или выход. Но понимала: выхода нет.

— Хорошо.

— Отлично. Тогда пошли, Панга уже там, — Агата улыбнулась и первым делом проверила, нет ли никого за дверью.

Они шли сквозь тёмные переулки, как будто сами улицы вели их туда, где не стоит быть. Солнце уже почти село. Небо было серым, тяжёлым. Воздух прохладный, от которого кожу тянуло мурашками. Виана шла молча. Её шаги звучали по-разному: то приглушённо по земле, то звонко — по случайным битым стеклам. Она смотрела себе под ноги, но мысли были далеко. Она представляла место, куда они направляются, как огромную, гниющую арену — с клетками, с кольцами, с брошенными лампами и криками внутри. Она ожидала увидеть толпу опасных, злобных людей, бетонные стены, облезлую краску, кровь на полу. У неё в голове крутились образы, от которых пересыхало в горле. Но эти мысли рассеялись, когда они добрались до небольшого пригорка недалеко от старого здания. Агата взобралась первой, Виана — следом.

— Мы здесь, — сказала Агата, присаживаясь у камня.

Виана задумчиво посмотрела на неё, затем — вперёд, в поисках того самого «логова».

— А где OLC? — спросила она, оглядываясь по сторонам.

— Вон там, — Агата показала на ничем не примечательный бар, маленький, облезлый, с мигающей вывеской. — Видишь?

— Это бар?

— Снаружи — да, но под ним подвал. Не просто подвал, а тренировочный зал. Он раз в двадцать больше, чем сам бар.

Виана молча уставилась на здание. Так просто? Маленький бар? А под ним — они?

— Они скоро выйдут оттуда, не переживай, — добавила Агата, откидываясь на камень. — Не пропустим цирк.

Агата достала из кармана тёмно-серую помятую пачку сигарет и щёлкнула ногтем по донышку. Она молча протянула одну Виане. Та нерешительно взглянула — сначала на сигарету, потом на лицо Агаты.

— Попробуешь?

Виана колебалась. Её пальцы неуверенно взяли сигарету, как будто это был чужой предмет, не предназначенный для неё. Агата достала спички, зажгла огонь и поднесла. Виана затянулась, как видела у других. Почти сразу кашель сжался в горле, вырвался наружу, хриплый и громкий. Агата засмеялась, откидываясь на локти:

— Привыкнешь, — сказала она с лёгким равнодушием. — Все привыкают. Особенно здесь.

Они ещё немного поговорили — не о важном, больше просто заполняя паузы. Виана уже почти привыкла к взглядам Агаты, к её уставшей прямооте. Перед ними бар оставался мёртвым, как и прежде. Ни одного силуэта, ни звука. Только тёмный асфальт, на котором когда-то стояли машины. Теперь — лишь пустота и ржавый забор, перекрывающий въезд, оставляя за собой ощущение, будто за ним спрятано нечто живое.

— Тут всегда так, — сказала Агата, заметив, как Виана всматривается в неподвижную картину. — Перед тем как начнётся тишина. А потом — ты её не забудешь.

Дверь бара распахнулась так резко, что ударилась о бетонную стену с глухим звуком. Виана вздрогнула, словно от выстрела — сердце дернулось в груди. Тишина, царившая до этого, разлетелась осколками. Первым на улицу вышел Тантр — сигарета торчала из уголка рта, чёрная кепка скрывала его лысую голову. Он шёл медленно, как человек, не спешащий, потому что знает: всё начнётся, когда он захочет.

За ним — Панга. Его руки глубоко в карманах, плечи чуть назад, взгляд недовольный, как будто весь этот день ему уже надоел. Он резко сплюнул на асфальт, не обратив внимания ни на кого вокруг, будто и не было толпы. А потом — остальные. Около шестидесяти человек, как минимум. Все в одинаковых чёрных футболках, каждая с белой вышивкой «OLC» — крошечной, почти незаметной. Чёрные штаны, однотипные движения, выученная походка.

Тантр занял место в центре пустого асфальтового круга, выбитого временем и шинами. Остальные выстроились полукругом. И тогда Панга, будто почувствовав свободу, расправил плечи, и на лице его появилась та самая улыбка — жёсткая, почти мальчишеская. Маска раздражения исчезла, уступая место настоящему: он хотел этого. Он ждал этого. И теперь собирался наслаждаться каждой минутой. Внезапно кто-то из толпы Олцеров закричал:

— Так что? Кто драться будет?

Эта фраза будто сорвала крышку с котла — тут же вспыхнули разговоры, раздались выкрики, свисты, одобрительные крики. Атмосфера мгновенно наэлектризовалась, словно все только и ждали сигнала к началу шоу. Но всё оборвалось в один момент, когда раздался голос Тантра, указывающий замолчать. В эту напряжённую тишину, толкая плечом ближайших, вышел Панга. Он встал так, чтобы его было видно каждому, напротив Тантра, чуть сбоку от центра круга. Группа отпрянула чуть назад, уступая ему пространство. Панга скользнул взглядом по лицам, потом повернулся к Тантру:

— Против меня будешь драться.

Шёпот прошёл по толпе, как холодный ветер. Те, кто был ближе, начали переглядываться. Никто не смеялся. Никто не улыбался. И тут внезапно из задних рядов толпы раздался выкрик имени Панги. За ними — ритмичные хлопки, свист, поддержка. Толпа оживилась, восторг рос. Панга расплылся в широкой самодовольной улыбке, раскинул руки в стороны, ловя аплодисменты, как тёплый дождь. Он купался во внимании, наслаждаясь каждой секундой. На вершине холма, глядя на происходящее сверху, Агата молча наблюдала. На лице — ни тени восторга.

— Я его ненавижу, — тихо сказала она, не отрывая взгляда от брата.

Внизу Панга вновь стал серьёзен. Он шагнул ближе к Тантру и твёрдо сказал:

— Я жду ответ.

Агата широко раскрыла глаза.

— Что-то случилось? — тихо спросила Виана.

— Нет, но... — Агата запнулась, продолжая смотреть вниз. — Обычно против Тантра не дерутся.

Тантр стоял напротив Панги, не отводя от него взгляда. Он медленно перевёл взгляд на окружавших его Олцеров и громко произнёс:

— Сегодня только одно правило: никаких ножей.

Толпа слегка оживилась, кто-то одобрительно кивнул, кто-то хмыкнул. После этого Тантр на секунду взглянул вверх — на холм, где сидели Агата и Виана. Он знал, что она будет там. Агата, увидев это, невольно улыбнулась. Она не ожидала, что он заметит. Тантр снова посмотрел на Пангу.

— Я согласен.

После этого толпа взорвалась криками — то ли в предвкушении настоящей бойни, то ли в надежде, что схватка Панги с Тантром избавит их от необходимости самим лезть в драку. Не все горели желанием пачкать руки в крови ради репутации. Многие пришли просто понаблюдать. Тантр уже собирался произнести следующее слово, но его перебил свист. Резкий, протяжный, издали. Вся группа замерла, оборачиваясь в сторону звука.

На заборе, отделявшем бывшую парковку от улицы, сидел парень — в белой футболке, испачканной кровью, и чёрной балаклаве, не закрывавшей рот. Сигарета тлела в его пальцах. Кровь струилась по обеим рукам, капая на бетон. Он сидел спокойно, словно наблюдая за представлением. Виана всмотрелась в него, и её сердце сжалось: на тыльной стороне ладони был отчётливый шрам. Но не только она заметила это. Панга перестал улыбаться, его лицо вновь стало суровым, глаза вспыхнули тревогой и яростью. Он понял, кто это. В группе воцарилось гнетущее молчание. Все смотрели на незнакомца, пытаясь угадать его личность. Балаклава скрывала лицо, но истекающие кровью руки и шрам выдавали многое. Виана вцепилась в землю под собой, будто только это мешало ей закричать.

— Нет... — прошептала она.

Агата заулыбалась в предвкушении зрелища и повернулась к Виане, заметив её изменившееся лицо.

— Ты чего? — спросила она. — Ты знаешь его? Кто это?

Виана не отводила глаз от незнакомца, но отвечала тихо, почти шёпотом:

— Нет, не знаю...

Тантр, нахмурившись, тоже повернулся в сторону парня на заборе. Несколько секунд он пристально смотрел на него, а потом отступил ближе к толпе, освобождая пространство перед Пангой. Незнакомец без спешки прыгнул с бетонного забора. Он двигался уверенно, но не приближался вплотную — остался на безопасном расстоянии, чтобы его было видно и слышно. Вальяжно стоя, он продолжал курить, не сводя взгляда с Панги. Панга прищурился и закричал:

— А ты чё в маске, убудок? Снимай. Покажи всем, кто ты такой.

Незнакомец усмехнулся, бросил сигарету под ноги и раздавил её. Затем медленно, кровавой рукой стянул балаклаву. В ту же секунду толпа взорвалась криками и оскорблениями:

— Убийца!

— Вор!

— Ты должен сдохнуть!

— Я убью его!

Панга, подтвердив свои догадки, остолбенел. Его глаза вспыхнули ненавистью, тело напряглось. Он уже не играл роль — он был на грани взрыва. Виана в панике зажала рот рукой, чтобы не закричать. Агата удивлённо следила за каждым движением парня и внезапно узнала его.

— Я его видела... Панга его ненавидит. Это будет весело, — прошептала Агата, улыбаясь, почти с восторгом.

Панга закрыл глаза, глубоко вдохнул и, резко открыв их, бросил раздражённый взгляд на кричащую толпу. Гомон начал стихать, будто кто-то повернул невидимый регулятор. Затем он перевёл взгляд на окровавленные руки Мортена.

— Что, вскрыться не удалось? Пришёл умереть здесь, Мортен?

Мортен усмехнулся, будто этот укол был недостаточно острым, и, игнорируя смысл вопроса, сказал:

— Против меня будешь драться.

Олщеры стали кричать:

— Я выйду против него!

— Я сломаю ему ноги. Он столько проблем OLC принёс!

Панга бросил короткий взгляд на Тантра. Тот поднял руку вверх — и шум мгновенно стих. Панга обернулся к толпе:

— Все желающие... Вышли в центр. Агата с Вианой переглянулись. Виана прошептала:

— Что он делает? Он не собирается с ним драться?

— Я не знаю... — ответила Агата. — Видимо, хочет, чтобы другие тоже приняли участие.

Мортена это не смутило. Он склонил голову, тихо усмехнулся и, не сводя взгляда с Панги, произнёс:

— Может, я хочу испачкать руки в твоей крови?

Панга равнодушно пожал плечами и, не оборачиваясь, бросил:

— Не переживай. Я себя без удовольствия не оставлю.

Он развернулся и отошёл, рассекая строй OLC, пропуская желающих выйти вперёд.

— Шестёрка своих решил спустить, да? — крикнул ему Мортен.

Панга усмехнулся, даже не повернув головы.

— Да, — коротко ответил он и скрылся между Олщерами.

Олщеры начали выходить вперёд, но их опередил Тантр. Мортен сразу поймал его взгляд:

— Что? Ты тоже будешь драться?

— Я слежу, чтобы никто не умер, — спокойно ответил Тантр.

Мортен усмехнулся, явно сомневаясь:

— Ты уверен, что это твоя роль?

Тантр метнул в него косой взгляд, уловив намёк, но ответил жёстко:

— Уверен.

В центр круга вышло девять Олщеров. Они остановились в полукруге напротив Мортена, изучая его. На холме Виана напряжённо смотрела на происходящее и тихо спросила:

— Агата, его убьют? Скажи мне.

— Вполне возможно, — ответила Агата, не отводя глаз. — Но Тантр должен проследить, чтобы этого не случилось.

Тантр обвёл взглядом собравшихся, шагнул ближе и громко напомнил:

— Повторяю: одно правило. Никаких острых предметов.

Он глубоко вдохнул.

— Начинайте.

С криками девять Олщеров сорвались с места и бросились вперёд, на одинокую фигуру Мортена, всё ещё спокойно стоящего в центре. Виана не выдержала — зажмурилась, не в силах смотреть. За то недолгое время, что она знала Мортена, он стал для неё кем-то важным — первым, кто в этом городе не отвернулся. И сейчас, самое страшное, что она могла представить, — это красно-белый фургон скорой помощи, уносящий изуродованное, безжизненное тело Мортена.

Он уложил всех девятерых.

Не убил — нет. Но после такого падения многим из них будет лучше, если они просто не проснутся. Они валялись на асфальте, истерзанные, сбитые, униженные. Кто-то отхаркивался

кровью и тут же захлёбывался ею. У кого-то сломана ключица, кто-то лежал, вывернув руки в неестественном направлении. Один так и остался глядеть в небо, моргая редко, будто смотрел в пустоту и молил, чтобы это всё оказалось сном. Он не использовал ни одного ножа. Ни одного кастета. Ни рук. Только ноги, его ботинки стали темнее от крови. Мортена шагал по залитому кровью асфальту, мимо тел, вглядываясь в лица. То ли проверял дыхание, то ли смотрел в глаза тем, кто был при памяти. Панга, где-то в тени толпы, впервые выглядел настороженным.

Тантр продолжал наблюдать за происходящим с пугающим спокойствием, будто знал заранее, чем всё закончится. Его лицо оставалось непроницаемым, но глаза говорили больше — в них не было удивления. Агата сидела на холме с широко раскрытыми глазами.

— Я никогда такого не видела, — прошептала она, не сводя взгляда с Мортена.

Виана хотела ей ответить, но не успела — Мортен шагнул вперёд и, повернувшись к толпе, громко и почти безумно спросил, распахнув глаза, в которых горел адреналин:

— Есть ещё желающие?

Из толпы медленно, с намеренным спокойствием, вышел Панга. Он встал прямо напротив Мортена, остановившись на достаточном расстоянии, чтобы слышать друг друга. — Впечатляет. Всё-таки не пропил талант.

Мортен смотрел на Пангу без эмоционально.

— Но я не они, — продолжил Панга, бросив короткий взгляд на поверженных Олщеров, лежащих в крови. — Я положу твой труп рядом с этими позорищем.

Мортен, не сводя с Панги взгляда, медленно потянулся к заднему карману своих штанов.

— Помнишь, Панга, ты ведь искал свой нож?

Мортен извлёк нож — покрытый кровью, с характерной рукояткой, которую Панга бы узнал среди сотни других. Он поднял его к своему лицу, изучая как древний артефакт.

— Беспольный он у тебя, — произнёс он тихо, но так, что слышали все. — Даже меня не смог убить.

И с этими словами он бросил нож к ногам Панги. Лезвие ударило об асфальт с глухим звуком, разлетевшись пятном красной пыли и презрения. Панга не посмотрел на нож. Он смотрел только в глаза Мортена.

— Забирай, — сказал Мортен спокойно. — Тебе ведь понадобится хоть что-то, чтоб выжить.

Панга молча поднял нож. На мгновение он просто держал его в руке, сжимая с такой силой, что побелели костяшки пальцев, а затем — аккуратно убрал его в задний карман. Его лицо было каменным, но мышцы на шее и челюсти подрагивали от напряжения.

— Давно я его таким не видела, — прошептала Агата, не отводя глаз.

Олщеры окружили бойцов плотной стеной. Мортен стоял неподвижно. Он не сделал ни шага, ни вдоха, смотрел на Пангу, не мигая. Панга в ответ — будто дрожал внутри, но не от страха, а от желания выплеснуть всё то, что сдерживал. Вдруг он тихо, с легким подрагиванием плеч, издал истеричный, едва сдержанный смех:

— Я знаю, чего ты хочешь, — сказал он, — ты пришёл сюда не ради того, чтобы тебя избили.

Мортен прищурился, ухмыльнулся одной стороной губ и спокойно ответил:

— Не понимаю, о чём ты.

Но в следующую секунду лицо его стало серьёзным. Панга шагнул ближе. Теперь они были почти вплотную. Только дыхание разделяло их.

— Не можешь себя простить, да? — прошептал Панга, глядя в упор, глаза его расширились, в них плясал огонь.

Их взгляды врезались друг в друга, как две острые иглы.

— Я тоже, — выдохнул Панга.

И в тот же миг его кулак врезался в челюсть Мортена с силой, которая могла бы снести каменную плиту. Воздух рассекло громким хлопком, а голову Мортена откинуло назад. Толпа замерла. Виана инстинктивно отшатнулась, прикрыв рот рукой. Мортен пошатнулся, но не упал. Он выдохнул, глотнул кровь, но уже через долю секунды его правая нога вылетела вверх — резкая, быстрая, как у машины. Удар пришёлся точно в висок Панги, и тот отлетел назад, заваливаясь на бок. Он ударился о землю, но тут же вскочил, рванул на Мортена с серией ударов — размашистых, тяжёлых. Каждый из них был рассчитан на разрушение, но Мортен уклонялся, подныривал, отвечал короткими, быстрыми ударами в корпус и коленом в бедро. Лица и тела покрывались кровью и потом. Олщеры кричали, скандировали имена, кто-то спорил, кто-то ставил.

Панга попытался схватить Мортена за плечо и сбить с ног, но тот выкрутился, ударил локтем в переносицу, и кровь брызнула фонтаном. Панга на секунду ослеп, отпрыгнул. Теперь он бросился, как на убой. Мортен принял удар, упал на одно колено, но тут же пробил в солнечное сплетение снизу. Панга захрипел и отшатнулся. Мортен поднялся, сжимая кулаки. Они стояли в шаге друг от друга. Оба в крови. Оба тряслись от ярости и усталости.

Неожиданно для Панги Мортен нанес ему резкий удар кулаком в челюсть. Тот пошатнулся, пытаясь устоять на ногах и нанести ответный удар, но тут же получил с разворота ногой в подбородок. Панга опрокинулся на спину, и в следующую секунду Мортен оказался сверху, уже заноса кулак для следующего удара...

Но в этот момент всё изменилось.

Мортен вдруг задышал прерывисто, его тело на долю секунды застыло. Он не сразу понял, что произошло, — лишь внезапное жжение в животе заставило его посмотреть вниз. Тот самый нож, который он вернул Панге перед боем. Лезвие торчало из живота, медленно окрашиваясь в багровый цвет. Панга, лежа под ним, успел дотянуться до заднего кармана и нанести удар, пока Мортен был полностью сосредоточен на ударе. Руки Мортена ослабли, он откинулся на спину рядом с Пангой, тяжело дыша и улыбаясь.

Панга поднялся, пошатываясь, протер запачканный кровью лоб. Его глаза метались, дыхание было рваным, бешеным. Агата остолбенела, её лицо побелело. Она была готова закричать, но Виана, действуя инстинктивно, зажала ей рот, удерживая её в тени холма. Виана не могла отвести взгляд от Мортена. Он лежал, слабо корчась, с глазами, полными чего-то тревожно-мирного.

Толпа Олщеров затихла. Тантр пошатнулся — он видел, что Панга нарушил единственное правило. Мортен повернул голову к Панге, и, несмотря на кровь на губах и слабость, — рассмеялся. Панга озверел. Он подошёл, поставил кроссовок ему на рот, чтобы заглушить смех, и, склонившись, выдернул нож из раны. Тело Мортена вздрогнуло, но звука не было — подошва Панги глушила всё. Тантр рванул к ним, хватая Пангу за плечо, пытаясь оттащить. Но Панга обернулся, глаза его горели яростью. Он резко поднял окровавленный нож на уровень лица Тантра, готовый ударить.

— Выведи всех отсюда. Быстро, — прошипел он с остервенением.

— Не смей убивать его, — громко ответил Тантр, не отводя взгляда.

— Делай, что я сказал! И сам уходи, — сорвался Панга, почти выкрикивая, угрожающе сжимая рукоять ножа.

Тантр обернулся к строю и громко, безапелляционно сказал:

— Уходим.

Тишина на мгновение повисла, как глухой гул в ушах после взрыва. Только теперь стало слышно, как кто-то хрипит, кто-то тихо стонет. Те, кто лежал на асфальте после избития Мортеном, начали медленно приходить в себя. Один Олщер, с разбитым носом и окровавленным ртом, попытался приподняться, опираясь на локти, задыхаясь от боли. Другой зажал живот, словно опасаясь, что из него высыпется что-то важное. Кто-то с трудом поднялся на колени и

закашлялся, выплёвывая розовую слюну на залитый кровью асфальт. Глухо, сквозь стиснутые зубы раздавались звуки:

— Кто, кто он, мать его...

— Я... я не чувствую пальцев.

Это были не крики, а скорее мысли, вырвавшиеся наружу из оглушённых, униженных тел. Некоторые старались скрыть глаза, чтобы не пересекаться взглядом с Пангой или Тантром. Стыд был хуже боли. Они проиграли. Перед тем как уйти Тантр ещё раз посмотрел на Пангу — в этом взгляде было всё: страх, бессилие, разочарование. Затем он молча последовал за остальными, увлекая за собой оцепеневших Олцеров.

Агата не двигалась. Глаза её налились слезами. Всё, что она сейчас видела, будто происходило не с её братом, а с чудовищем в его теле. Тот самый Панга, которого она знала, исчез. Перед её глазами стоял кто-то другой. Кто-то, кого могли теперь посадить в тюрьму. Мортен лежал на асфальте, неподвижный. Его глаза были полуоткрыты, взгляд — стеклянный. Он больше не двигался. Панга подошёл ближе. На лице у него застыло что-то похожее на спокойствие. Он занёс ногу и с размаху ударил Мортена по лицу. И снова тишина. Мортен не отреагировал. Панга замер. Стоял прямо над телом. Его руки и лицо были забрызганы кровью. Он почти не дышал. Смотрел будто пытался поверить, что всё произошло. Что он действительно сделал это.

Агата не выдержала. Вскочила. Захотела броситься к нему, остановить. Кричать, трясти его, бить. Но не успела. Позади них — появились двое в чёрных масках, в плотной тактической одежде. Один схватил резко Агату, другой — Виану. Мешки на головы. Холодные пластиковые стяжки — на запястья. И в следующее мгновение — темнота.

Глава 14

Рассказ от лица: Виана

«Не все смерти видны.»

Я не помню, как мы сюда попали. Помню только удар — глухой, сквозь мешок, плотно натянутый на голову. Затем тьма. Голова гудела. Где-то рядом Агата орала на всю улицу, кричала, вырывалась, и я слышала, как у неё с грохотом отобрали ножи. Один, кажется, упал и полетел по асфальту, звякнув об стену.

Мы очнулись в темнице. Это не был подвал. Здесь не было ни воздуха, ни намёка на дом сверху. Лишь бетон. Сырые, покрытые пятнами плесени стены. Потолок так низко, что казалось, стоит вскочить — ударишься лбом. Единственный свет — тусклая лампа у двери, её дрожащие отблески скользили по полу, как тени. За дверью — бетонная лестница, уходящая вверх в неизвестность. Нас бросили, как мешки с мусором. Мы упали — колени обожгло, ладони содрались до крови. Потом с головы сорвали мешки, и глаза ослепил свет. Не сразу, но как только я моргнула и смогла увидеть — кровь застыла в венах.

Передо мной стоял Веркс. Смотрел на нас сверху вниз, будто мы гниль под его ботинками. Одной рукой держал тяжёлую железную дверь, второй — играл с ключом. Рядом — двое. Я их знала. Те самые из колледжа. Те, кого «вырезали». В их глазах не осталось ничего. Веркс ухмыльнулся.

— Ну что, Виана... Готова отплатить за всё, что натворила?

Я открыла рот, но не успела выдохнуть ни слова. Агата, вся в крови, сорвалась с места как зверь, кинулась на него. Но он был готов. Он с лёгкостью захлопнул железную дверь, так резко, что воздух в камере содрогнулся от удара. Шум был такой, что я закрыла уши ладонями и инстинктивно зажмурилась. От вибрации дрогнули стены. Мы снова остались вдвоём в бетонной клетке, а за дверью — человек, которому мы теперь принадлежали.

Сил не хватало даже на слёзы. Агата смотрела в одну точку на стене, не мигая. Её мысли были не здесь, не в этом тюремном мраке, не в запахе плесени и сырости. Она была там, где последний раз видела брата. И каждый миг внутри неё повторялось одно: что-то сломалось. Он не просто перешёл грань — он её стёр.

Я не могла забыть Мортена. Я вспоминала, как его тело обмякло, как кровь стекала, и как, даже умирая, он улыбался. Это было неправильной улыбкой. Жуткой, слишком живой, как для умирающего. Я не могла понять, умер он или нет. Но в голове крутилось одно: если нет — то, как он выжил? если да — как он мог смеяться? Агата не говорила со мной. Она всё бормотала себе под нос, я не различала слов, но вдруг слышала отчётливо:

— Панга их убьёт... всех.

Я не перебивала. Агату лучше не трогать в таком состоянии. Даже я, зная её вспышки, немного побаивалась её, когда она молчит. Я не знала, сколько мы тут. Времени суток не чувствовалось. Я определяла только по наручному будильнику — глухой сигнал, который я глушила рукой, прежде чем он раздался. Агате повезло: у неё не было этих часов. Я заметила и кое-что ещё: у Веркса их тоже не было.

И тогда пришла мысль... страшная, но отчётливая.

Панга солгал.

Он сказал, что, если снять будильник — убьют. Но у многих их просто нет. Почему?

Вспомнила свой дом. Дома сигнал был встроен в стены — такие же сирены, как в общественных зданиях. Но у Панги и Агаты их не было. Я хотела спросить это у Агаты, но не здесь, не сейчас. Нас кормили один раз в день. Если это можно назвать кормёжкой. Кто-то, из тех,

кто знал Веркса, входил, громко хлопая дверью, и бросал по два ломтика хлеба на грязный пол как собакам. Агата тогда просыпалась от своего оцепенения и начинала кричать:

— Панга вас уничтожит.

Они только смеялись:

— А где он, твой Панга? Живой ли ещё? Или может быть уже за тюремной решёткой?

Каждый раз, после этих слов, Агата опускала голову. Эти фразы резали по ней глубже, чем ножи, которые у неё отняли. Но однажды, между приступами страха и измождённости, мы заговорили. Говорить было тяжело — пересохшие горло, слабость, затуманенный разум.

— Ты их знаешь? — спросила я, глядя в потолок.

— Знаю. Многие из них — бывшие Олцеры. Их выгнали, и вот они решили доказать, что всё ещё могут быть «кем-то». Что они не бесполезны. Собрали свою группу... назвали её Фенит, думают, что теперь они значимы, но это ненадолго.

Я понимала: Агата всеми силами пытается удержать себя от падения в бездну. Она держится из последних сил — не за надежду, нет, а за остатки ярости. Она не хотела показаться слабой даже самой себе. Каждый раз, когда в дверь врвались они и швыряли на пол хлеб, всегда говорили одно и то же:

«Скоро вы умрёте.»

«Сейчас вы должны эмоционально сдохнуть, а потом — физически.»

Эти слова они произносили с равнодушной усмешкой, как будто читали расписание. Агата не отвечала. Иногда — кричала. Иногда — молчала с лицом, застывшим, как у статуи. Но я знала, что внутри неё бушует паника, потому что она боялась не за себя. Она боялась, что её брат даже не знает, где она. И что он возможно тоже, уже сидит в четырех стенах.

Нас избивали.

Не каждый день, не по расписанию, а когда хотели. Когда чувствовали, что нам становится хоть немного легче дышать — тогда и приходили. Мы не знали, кто будет первым. Иногда — один. Иногда — сразу двое или трое. Удары были молчаливыми. Они почти не говорили. Мы всегда были в крови, всегда в синяках. Иногда я чувствовала, что мои руки перестают слушаться. Один глаз почти не открывался, угол рта был порван. Когда мне казалось, что хуже уже не будет — становилось хуже. Но самое страшное было не это. Я каждый день, каждый чёртов день боялась одного — что нас изнасилуют.

Они не трогали нас так. Не потому, что были милосердны — нет. Просто это было не про удовольствие. Они не хотели нас «использовать». Они хотели избавиться. Как от мусора, от напоминания. Им было важно, чтобы мы умерли не телом — а духом. Чтобы перед смертью мы потеряли последнюю человеческую черту: надежду.

На поверхность нас не выводили. Сколько прошло дней — не знаю. Часы молчали, сигнал я глушила сразу, как только чувствовала вибрацию. Света я не видела. Солнца — тем более. Я даже разучилась представлять, как оно выглядит. Агата — она намного сильнее меня. Её тело словно сделано из металла, не из костей. Когда её избивали, это было по-особенному. Её не просто били — её останавливали, связывали, или нападали вчетвером. Иначе не справлялись. И каждый раз, когда я слышала, как её швыряют об стену, я умирала. За каждый звук, за каждый вскрик. Я извинялась перед ней каждый день. Шептала это, пока могла, даже если губы не слушались.

— Прости...

— Это всё из-за меня...

— Если бы не я...

Это из-за меня мы здесь, из-за моей глупости, моего прошлого, моего конфликта с Верксом. Я думала, что смогу забыть его существование благодаря Пасаму, но ничего не сменилось. Оно нашло меня. Оно притащило нас сюда. И теперь Агата расплачивается за мои грехи.

Иногда, когда её били, она продолжала кричать провоцирующие фразы, заставляющие их бить сильнее:

— Вы все сдохните, я обещаю!

— Только дайте мне нож, и вы посдыхаете!

— OLC вас свергнет с Ревикса!

А я? Я просто хотела выжить. Хотела дожить до завтрашнего утра и не умереть в темноте.

Глава 15

Рассказ от лица: Автор

«Настоящее подчинение не требует слов. Достаточно импульса под кожей.»

В Ракеле начинался переполох. Приказы Ронделя были предельно чёткими: найти книгу любой ценой. Особенно ожесточённо работала так называемая пятёрка Ракеля — Квинтус. Каждый знал: книга — не просто утерянный артефакт. Это — угроза.

В одном из зданий сети — закамуфлированной под архивный блок — Скаль стоял, опершись спиной о бетонную стену, лениво покручивая в пальцах кинжал. Перед ним — Клин, массивный, молчаливый, тот, кто обычно не задавал вопросов, но не сегодня.

— Слышишь, Скаль... Чё за книга-то, что мы ищем?

Скаль резко поднял голову, как будто выдернули провод из сна. Его глаза расширились, а в голосе прозвучала странная смесь насмешки и тревоги:

— Что за книга? Эта книга — буквально противостояние Ракелю. Её автор — бывший участник АИА. Мы даже точно не знаем, что в ней. Может быть, схемы. Может, записи. Может, даже правды больше, чем Рондель бы хотел.

Он замолчал, усмехнулся, и откинул голову назад, словно в затаённом удовольствии от самой мысли о хаосе, который может породить эта книга. Клин нахмурился:

— Почему Рондель так уверен, что книга в Ревиксе?

Скаль снова повернул в пальцах кинжал.

— Она исчезла в Люмере. Есть инфа, что её успели перебросить. И теперь Ревикс — единственное место, где нитка ещё не обрезана.

Он говорил спокойно, но в словах чувствовался ядовитый интерес. Всё происходящее явно развлекало его. Затем Скаль добавил тоном лектора:

— Ты новости слушал? Ты же знаешь правила. Нельзя распространять литературу на латыни. Особенно ту, которую не одобрил Ракель. Ты, как участник сети, должен понимать почему.

Клин хрустнул шеей, размял плечи. Уже разворачиваясь к выходу, он бросил через плечо:

— Чтобы какие-нибудь пешки не поняли, о чём говорят фигуры.

Скаль усмехнулся и убрал кинжал обратно за пояс. Он глубоко вдохнул, наполняя лёгкие тем воздухом, что пах пылью, металлом и чем-то тревожно-химическим. Он подошёл к массивной железной двери, встроенной в бетонную стену. Рядом — датчик. Стекланный, зелёный, почти органический, будто дышит. Он включился сам, уловив присутствие. Скаль не стал ждать, он приложил большой палец к сканеру — и в ту же секунду по скрытому каналу отпечаток был отправлен напрямую Ронделю. Тот уже знал, кто идёт, ещё до того, как раздался резкий щелчок замка в глубине конструкции.

Дверь открылась плавно, бесшумно, как будто в этот офис нельзя было войти с шумом даже при взломе. Комната не имела окон. Офис был частью Ронделя: тёмный, точный, бесконечно контролируемый. Рондель сидел за тёмным письменным столом. Его лицо было затенено, сигарета тлела в левой руке, в правой — чёрная ручка, скользящая по листу бумаги. Его пальцы двигались медленно, каждая буква, написанная на бумаге, имела власть над чьей-то судьбой. В Ракеле ходили слухи, что Рондель пишет приговоры от руки — не доверяет печатным машинам, потому что его слово должно быть последним, буквальным. Он не поднял головы. Не обратил внимания. Скаль прошёл внутрь. За его спиной дверь вновь закрылась.

— Я слушаю, — проговорил Рондель, не отрываясь от письма.

— Никакой информации.

Рондель приподнял взгляд, глаза стали светлее от отражённого света лампы.

— Причина?

— Поиск недостаточен. Каналы пока не дали результата, — Скаль говорил нейтрально, но за его голосом скрывалась работающая на пределе психика — страх, подавляемый привычкой, и азарт, скрытый в иронии.

Рондель выдохнул сигаретный дым и потянулся к ящику тумбы. Извлёк оттуда прямоугольную картину в золотой рамке. Поставил перед собой. На холсте была изображена рука, в центре ладони — глаз. В зрачке — волна. Внизу было выведено: АІА. — Что ты видишь? — спокойно спросил Рондель.

Скаль посмотрел на картину, потом снова на Ронделя.

— Разлад, мечту без поводка, прототип бога, но без морали, — произнёс он почти автоматически, но с оттенком отточенного презрения.

Рондель кивнул едва заметно, убрав первую картину и вытащил вторую. Та же золотая рама, но изображение иное: одинокий глаз с пустым зрачком. Под ним выгравировано: RAQUEL.

— А здесь?

Скаль чуть приподнял подбородок. Его голос стал более твёрдым:

— Порядок, архитектуру власти, свет, которого боится хаос.

Рондель на секунду задержал взгляд на Скале. Потом медленно убрал обе картины обратно в ящик.

— Продолжай поиск.

Он затушил сигарету о гранитную подставку и вновь взялся за перо. Скаль, не дожидаясь прощания, развернулся и вышел. Он шагал по коридорам Ракеля, не торопясь. Его пальцы сжались в кулак, но тут же разжались — он в который раз посмотрел на свои руки. Вены под кожей поблёскивали чёрным цветом. Это был не пигмент и не болезнь, это была метка под названием Хемалин.

В Ракеле не носили наручные будильники. Официальная причина — «необходимость стандартизации общественного времени». Поэтому в каждом доме, квартире или общежитии были встроенные сирены: они запускались по централизованному сигналу, объявляя подъём, начало учёбы, работы, перемещения, тревоги. Это внедрялось как норма, как удобство. В магазинах на полках — рекламу «государственных будильников» соседствовала с предупреждениями о ненадёжности и даже «опасности» механических или настольных аналогов.

Но Скаль знал правду.

Наручные часы, выдаваемые населению, — это система слежения. Устройство в реальном времени передаёт координаты и данные о пульсе, снабжая Ракедь постоянным контролем. Люди этого не знали, и не должны были знать. Солдатам же — членам Ракеля — часы были не нужны вовсе. Им вживляли другое. Под кожу, в предплечье, вводился жидкий чип Хемалин. Он не имел формы, не мог быть изъят без операции, не имел интерфейса. Но он знал, где ты. Знал, кто ты. Знал, когда ты должен быть на месте. И если ты не на месте — он напоминал болью. Сначала лёгкое жжение. Давление под кожей. Затем — словно нервную систему подключили к электросети. Руки начинали гореть изнутри, судорожно дёргаться. Если солдат не двигался в сторону территории Ракеля, чип активировался с новой силой. Если и это не помогало — за ним выезжали по сигналу. Местоположение всегда точно. Команда прибытия — жестока и не склонна к переговорам.

Чёрные вены на руках Скаля были результатом вживления. Тонкие линии металлизированной жидкости, сплетённые в сеть, скрытую под кожей. Чип нельзя отключить, нельзя обмануть. Он продолжение приказа, встроенного в тело. Скаль уже переживал это — однажды. С тех пор он слушался раньше, чем боль начинала рваться вверх по шее. Он снова взглянул на

вены. Чернота не исчезала — она была напоминанием. В Ракеле тело не принадлежало тебе, оно было приговором, подписанным в тот день, когда ты дал первый отпечаток.

АИА распался около пяти лет назад, когда черные Сети Триады — Ракель, Манус и Унда — ещё оставалась единым механизмом. Тогда существовал идеальный баланс: Солдатов Ракеля, сильных в медицине, отправляли в Манус, где занимались хирургией страха — вырезанием органов для подпольных лабораторий. Взамен Манус делился своими специалистами: быстрыми, бесшумными, умеющими убивать без следа. Унда, в свою очередь, обеспечивала союз мозгами. Их люди — инженеры подземных маршрутов, шифровальщики, операторы кабельных связей, — строили не просто пути, а нервную систему Триады. Под городами пролегали туннели и кабельные жгуты, скрытые от глаз, а на поверхности стояли ничем не примечательные дома — интерфейсы к информационным ветвям. Каждая из сетей подпитывала другую. АИА была не союзом, а чёрной сетью, плотно спаянной кровью, знаниями и нуждами.

Но этот баланс оказался иллюзией. Со временем каждый из руководителей сетей стал стремиться к личной автономии. Их амбиции начали перекрывать необходимость в сотрудничестве. Вместо синергии возник хаос: связи терялись, контроль слабел, а система стала рассыпаться под тяжестью недоверия. Начались взаимные обвинения. Каждый утверждал, что беспорядок вызван слабостью другого. И чтобы не довести до открытого раскола с кровью на улицах, было принято решение: срочно вернуть Солдатов в родные сети. Ракель эвакуировал свои кадры в Ревикс, Манус — в Люмер, Унда — в Фиксвелл. Так завершилась эра АИА. Символ альянса — ладонь с глазом и синусоидой в зрачке — был уничтожен. Вместо одного знака, объединяющего, остались фрагменты: каждая сеть сохранила свою часть, словно обломки бывшей идеологии. Но даже обломки помнили, как двигалась машина.

Скаль дошёл до так называемого «раздела шахмат» — просторного, но тускло освещённого зала, где воздух был пропитан тишиной, табаком и терпкой усталостью. Большинство играло прямо на полу, расставив дешёвые деревянные доски, некоторые — на узких столах, уставших от времени. Всё это больше напоминало комнату допросов, чем место для досуга. Он приоткрыл дверь, впуская немного света, и его тень скользнула по клеткам, как фигура, выброшенная на доску. Натянув свою обычную, тревожно-радостную улыбку, он вошёл, как в театр. Здесь он играл не фигурами, а людьми. Шахмат он не любил — они были слишком честными. Но он обожал людей, которые думали, что в шахматах можно победить, полагаясь на ходы. Скаль же играл взглядами, тоном, тишиной между фразами.

Он заметил свободный стол, где уже сидел парень из Мануса — худощавый, с плохо скрываемой тревогой. В Манусе шахматы не ценили: там учили отрезать, а не просчитывать. Этот парень скорее всего был новичком, которого сюда посадили для «развития тактики».

Скаль сел напротив, почти не касаясь спинки стула. — Я плохо играю в шахматы... — Наигранно сказал Скаль.

Парень, напротив, кивнул, слегка расслабившись. Скаль держал щеку рукой, лениво опираясь на стол, будто доска была не перед ним, а где-то в стороне. Когда парень нажал на таймер и сдвинул первую белую пешку, Скаль даже не посмотрел на фигуры, он смотрел в глаза.

— Что-то не так? — спросил парень, выдвигая коня.

— Ты уверен, что хочешь ходить конём? — протянул Скаль, склонив голову набок.

Парень замер, прикусив губу. Он посмотрел на доску, потом на фигуру, которую уже держал. И вдруг будто усомнился во всём: в себе, в ходе, в правилах игры. Скаль знал: когда человек начинает сомневаться в шахматах, он уже проиграл. Не партию. Себя. Парень из Мануса чуть отодвинул коня назад. Он тихо фыркнул и всё-таки поставил фигуру на исходную клетку.

— Я не люблю, когда мне указывают, — сказал он чуть раздражённо.

Скаль медленно усмехнулся, наконец перевёл взгляд на доску и быстро двинул свою пешку, как будто игра ему была неинтересна вовсе.

— А я люблю, когда ты пытаешься казаться сильнее, чем ты есть. Знаешь, в Манусе из тебя бы сделали хорошего переносчика, а не бойца.

— Я в Ракеле, — выплюнул парень.

— И вот ты уже защищаешься... — Скаль приподнял бровь. — А ведь это всего лишь разговор. Интересно, как ты защищаешься, когда начинается игра?

Парень раздражённо выдвинул слона. В следующую секунду — лёгкое щёлканье таймера. Ходы шли быстро. Он начал атаковать, думая, что захватит инициативу. Скаль отвечал так, будто ставил фигуры случайно — но каждый ход разрушал баланс, ломал структуру. Через несколько ходов парень остался без ферзя.

— Ты его подставил, — воскликнул он.

— Я его отвлек, — мягко сказал Скаль. — Как и тебя.

Он продолжал говорить:

— Когда ты теряешь ферзя, ты теряешь голос, а когда теряешь голос — тебя никто не слышит. Даже когда ты кричишь. Ты ведь знаешь, каково это? У тебя брат остался в Люмере? Или сестра?

Глаза парня из Мануса дёрнулись.

— Неважно, — Скаль сделал ход конём. — Если они ещё живы, конечно.

— Откуда ты... — начал было парень, но осёкся.

— Доверься мне. Я знаю больше, чем ты скажешь. А теперь давай закончим.

Он сделал два хода молча, а потом, прежде чем щёлкнуть таймер, произнёс, не глядя на доску:

— Мат в один.

Парень уставился на доску. И правда — чёрный слон прикрыл линию, ладья блокировала отступление, а ферзь, невидимо подобранный сзади, завершал ловушку.

— Ты же говорил, что плохо играешь, — выдохнул парень.

Скаль откинулся на спинку стула, впервые за партию.

— Я играю по своим правилам.

Скаль медленно встал, потянулся, будто у него болела спина после слишком скучной партии. Парень всё ещё сидел, не сводя глаз с доски. Он выглядел так, словно его не просто обыграли — его разоблачили. Скаль обошёл стол, встал сбоку от парня и положил руку на его плечо. Она была лёгкой, но холодной, как ледяной компресс.

— Скажи мне... — начал он мягко. — Кто из твоих дружков из Люмера состоял в Манусе больше пяти лет?

Дыхание парня участилось, взгляд стал беспокойным. Скаль прищурился.

— Знаешь... — сказал он медленнее, — я не хочу срывать с тебя кожу, но мне нужно имя. Только имя. И ты вернёшься к своим шашкам или что там у вас было в подвалах Мануса.

— Я не... — начал парень, но голос дрогнул, а взгляд метнулся в сторону, словно ища выход из комнаты. — Я... ничего не знаю.

Скаль сжал его плечо чуть сильнее. Улыбка исчезла. Он наклонился ближе, теперь почти касаясь его уха:

— Ты цепляешься за молчание, будто оно что-то изменит, но Мануса больше нет. Никого не интересуют твои клятвы. Ты уже здесь, ты часть Ракеля. Здесь не спрашивают — здесь указывают. И тот, кто не слушает, становится ненужным, а ненужных... долго не держат.

Он выпрямился. Слышно было только, как кто-то щёлкнул таймером за соседним столом. Скаль продолжил, уже тише:

— Люмер далеко, но знаешь, что ближе? Твоя семья. Адрес твоей матери у нас есть. Младшая сестра... ей двенадцать?

Парень вздрогнул.

— Укажи мне. Просто имя. Я не прошу тебя предать. Я прошу тебя обогнать остальных. Если ты не скажешь — кто-нибудь другой скажет, а тот, кого он назовёт, может оказаться твоим. Но я не люблю, когда виновных выбирают случайно. Я люблю, когда виновные выбирают сами.

— Литон, — выдохнул парень.

Скаль тут же убрал руку, отошёл от парня, и, прежде чем уйти, бросил через плечо:

— Ты проиграл дважды.

Скаль направился в один из самых закрытых офисов Ракеля — туда, где доступ разрешён лишь высшим. Дверь, утопленная в полированный металл стены, распознала его: как только он приложил палец к биодатчику, в замке что-то щёлкнуло, и массивная створка бесшумно отъехала в сторону. Внутри — полумрак, гул вентиляторов, слабое гудение мониторов. Ракелевская Сеть Отслеживания. Здесь, на множестве экранов, отображались маршруты, импульсы и местоположения каждого члена организации. Он прошёл мимо разделов граждан, новичков, технического персонала — пока не нашёл нужное: Бывшие участники Мануса. Пальцы Скаля скользнули по сенсорной панели. Имя — «Литон». Его фото, биометрия, местоположение и пульс мгновенно появились на экране. Время реакции было почти нулевым.

— Читальня... — прошептал Скаль, улыбаясь, глядя на отображённую точку.

На том же экране Скаль мельком заметил отдельный блок: Заблокированные данные. Доступ — только у Ронделя. Там скрывались и досье Квинтуса и другая информация полезная главе. Экран даже не позволял кликнуть на них — только глухая серая иконка и надпись «Access: RAQUEL PRIME».

Скаль кивнул сам себе, словно сделал пометку в уме, и, отключив интерфейс, развернулся и вышел. Читальня встретила его глухой тишиной. Стены были исписаны латынью, чёрными и голубыми чернилами, будто сама древняя грамматика воплотилась в безумии граффити. Самая большая и известная фраза расползалась над арочным проёмом:

*Ubi manus cadit, oculus regnat.*²⁶

Скаль пробежался взглядом по комнате. Его цель не затерялась. Литон сидел один, у настенной панели, где листал старую книгу. На мониторе, из которого Скаль наблюдал, было видно даже больше: частота пульса, температура кожи, расширение зрачков.

Он шёл к нему медленно, бросая взгляды на остальных сидевших в комнате. Литон выглядел на двадцать с небольшим, мощный, широкоплечий, с телосложением бойца, которому не раз приходилось идти в рукопашную. На первый взгляд — кремь. Его вены ярко чернели, выдав себя: Скаль совсем недавно проверял его данные. В обычном состоянии чипы затихали, и кожа казалась мёртвой. Сейчас же Литон пульсировал как раскалённый металл — и знал об этом. Он сидел на скамье у стены, прямо под одной из надписей, и не поднимал взгляда, даже когда Скаль сел рядом. Он продолжал читать текст на латыни, водя пальцем по строчкам. И только спустя минуту, почти равнодушно, сказал:

— Я ничего не знаю о книге.

Скаль показал зубы — его хищная, беззвучная улыбка скользнула по лицу.

— А я не за книгой.

Литон медленно отложил книгу, глядя на Скаля так, будто знал, чем это закончится. Он не оборонялся, но и не сдавался — смотрел открыто, ровно, с лёгкой тенью скуки. Скаль наслаждался этой мнимой устойчивостью.

— Ты состоял в АИА. Верно?

— Да, — кивнул Литон. — Основную службу я нёс в Ревиксе. Поэтому атмосфера здесь мне знакома.

²⁶ Там, где пала рука — правит глаз.

Он снова потянулся к книге, но Скаль резко положил ладонь прямо на страницу, загорев текст. Теперь его улыбка исчезла, он смотрел Литону в лицо, не моргая.

— Я тоже служил в Ревиксе, но тебя раньше не видел. Один визит — не служба. А тебе известно больше, чем говоришь... особенно о Манусе, верно?

Взгляд Литона стал отстранённым, движения — выверенными. Скаль тут же отметил это: типичное поведение того, кто лжёт, но боится, чтобы это стало заметно.

— Да... — выдохнул Литон. — Это так.

Скаль медленно наклонился ближе.

— Кто тогда возглавлял Манус? Мне нужны имена, лица я знаю.

Литон напряжённо дышал, но Скаль не отводил глаз.

— Двое, — ответил Литон. — Мы служили Ноуру... Умный, безжалостный. Но над ним был Нолт.

Скаль снова заулыбался.

— Ноур и Нолт? Кто они друг другу?

— Нолт был старше. Может, отец... Никто не знает наверняка.

Скаль задумался. Потом усмехнулся и сказал:

— Из-за одного из этих ублюдков я теперь допрашиваю каждого, кто кашляет в коридоре. Мне проще их найти и вскрыть, чем держать весь Ракель в режиме ожидания.

Литон резко поднял голову.

— Не получится. Ноур погиб во время взрыва на участке Мануса. Вместе с ним ещё сотни солдат остались под завалами. Нолт остался в живых, его тогда не было.

Скаль улыбнулся шире, но в этой улыбке не было ни сочувствия, ни дружелюбия — лишь любопытство хищника, которому дали след.

— Как участок Мануса мог взорваться? Неужели какие-то технические сбои? Или некомпетентность солдат? — усмехнулся Скаль, с лёгкой насмешкой склонив голову.

— Его подорвали. Мы так и не узнали, кто именно. Всё было сделано с точным расчётом: выбрано время, когда многие покинули участок, включая Нолта. Почти как будто кто-то заранее знал, когда действовать.

Скаль прищурился, его улыбка стала чуть шире — в ней заискрился хищный интерес.

— Значит... солдаты попали в «неудачное время», — усмехаясь сказал он. — И Нолта, случайно, не было. Как жаль, правда?

Литон молча посмотрел в сторону, будто этот разговор уже стал опасным. Но Скаль наклонился чуть ближе, на мгновение нарушив личное пространство.

— Я вот думаю, — прошептал он, — а что, если время было выбрано очень удачно? Прямо-таки... идеально.

Скаль отстранился, похлопал Литона по плечу.

— Если бы я хотел стереть следы и оставить нескольких свидетелей — сделал бы то же самое.

Он выпрямился, окинул взглядом стены, исписанные латинскими фразами, и хмыкнул:

— Красиво здесь. Прямо как эпитафия Манусу.

Когда Скаль скрылся за дверью, в дальнем углу читальни чуть дрогнула тень. Кто-то, кто сидел в полумраке между стеллажами, положил книгу на колени и неспешно сделал пометку в сером блокноте. Затем встал и вышел другим путём.

Глава 16

Рассказ от лица: Виана

«Когда свет кажется пыткой — ты уже был по ту сторону смерти.»

Больно.

Я кричу, но уже тише, не так как раньше, не потому что не хочу, а потому что не могу, в горле будто щепень, всё срывается. Мне выдрали кучу волос, я это помню, но не помню, за что, возможно просто так, для смеха, потому что могут. Я сильно похудела, даже не знала, что так можно, как будто внутри всё исчезло, как будто я уже не человек, а пустая оболочка.

Я смотрю на Агату и не узнаю её, она просто сидит, дышит еле слышно, кажется больше всего её убивают не они, а мысли, которые не отпускают. Я знаю какие, знаю, что она всё ещё там, в той драке, в той секунде, когда Панга сделал то, чего не должен был делать. Мы с ней не говорим, не потому что поссорились, нет, просто сил нет, и смысла тоже, мы всё уже сказали в голове, а вслух... вслух это уже не держится.

Один раз я просто смотрела на неё, как на что-то далёкое, как будто она уже умерла, просто тело осталось. Её руки в крови, грязи, и я начала видеть чёрные вены, они были прям как нарисованные, будто кожа не выдерживает и выталкивает всё наружу, я моргала, но они не исчезали, и мне стало страшно, потому что я не поняла — это у неё или у меня в голове, и что хуже. Света почти нет, только под дверью немного, и то он как насмешка, как будто специально, чтобы ты видела, как мало осталось.

Нам сегодня сказали, что нас убьют, без эмоций, без причин, просто сказали и ушли, я даже не испугалась, не заплакала, просто подумала: «наконец-то» и всё. Сначала я верила, что нас найдут, я представляла как Панга врывается, как нас вытаскивают, как я снова дышу нормальным воздухом, слышу звуки улицы, кто-то смеётся, кто-то зовёт. Потом просто перестала думать, и от этого стало тише внутри, без мыслей жить намного проще.

Я не знаю сколько мы здесь, я не знаю день ли, ночь, тело не говорит мне ничего, будильник я сняла, чтобы не слышно было сигнала, он всё ещё рабочий, но не чувствует руку, поэтому не издаёт сигнала. Он мне больше не нужен, я больше никуда не пойду. Агата иногда что-то шепчет, сама себе, я не слушаю, не потому что не хочу, а потому что не могу, слова путаются, превращаются в шум.

Нас сегодня не кормили — наверное, решили, что перед смертью еда ни к чему. Я провалилась в какой-то тяжёлый, рваный сон, без снов. Меня разбудил резкий рывок — кто-то грубо поднял меня на ноги. Это был Веркс. За его спиной стояли четверо в чёрных масках, видно было только глаза.

— Виана, уже попрощалась с жизнью? — прошипел он мне прямо в лицо.

Я не ответила, просто не смогла — во мне не осталось слов. Агату держали двое. Она даже не сопротивлялась, просто стояла, осевшая, как кукла без нитей. Её глаза были открыты, но в них уже ничего не отражалось. Все её надежды давно сгорели, она выгорела внутри. Нам связали руки каким-то грубым, жёстким канатом, вдавив его в запястья. Это было почти смешно — связывать тех, кто и так уже не может пошевелиться. Нам некуда было бежать, да и незачем. Когда они открыли железную дверь и потащили нас вверх по лестнице, я впервые поняла, насколько моё тело больше не слушается. Шаг за шагом давался с трудом, ноги подкашивались. Я шла, держась на какой-то остаточной инерции, будто только потому, что за мной идёт кто-то ещё, и, если я упаду, упадёт и он. И вот тогда — на этой лестнице, под серым светом, среди глухих стен — я по-настоящему поняла: я умираю не потому, что меня убьют. Я уже умерла. Всё, что осталось — это доиграть сцену.

Нас вывели на улицу. Как только мы поднялись по лестнице, первым, что я увидела — был сарай, покосившийся, будто его специально сделали укрытием для этой лестницы. И сразу после — свет. Резкий, обжигающий, он врезался в глаза, и я тут же опустила голову. Было невыносимо больно даже просто держать веки приоткрытыми. Глаза будто высохли за те дни в темнице, и теперь не могли принять дневной свет. Когда я всё же смогла чуть приподнять голову, то увидела — перед нами стоял строй. Целая группа парней в чёрных масках. Впереди — те, кто без масок. Я узнала нескольких — дружки Веркса. Остальные выглядели так, как обычно выглядят те, кого боятся даже внутри своей банды. Их лица были спокойны, но в этом спокойствии не было человечности. Нас не просто вывели — нас поставили. Кто-то пнул мне в колени, и я рухнула на них, почувствовав, как хрустнуло что-то внутри. Агата опустилась сама, не сопротивляясь. Я посмотрела на неё — автоматически, как всегда, но она не посмотрела в ответ. Она смотрела вниз, прямо на траву под собой. Её взгляд был мёртвый, даже не опустошённый — просто мёртвый. И тогда я снова увидела её руки. Грязные, покрытые засохшей кровью и пылью, и снова — эти вены. Чёрные, как будто не вены, а трещины. Я моргнула, зажмурилась, попыталась не смотреть. Потому что, если я продолжу всматриваться — я точно сойду с ума. Я тоже опустила голову. Хотела исчезнуть, быть незаметной. Но вдруг услышала лёгкий шелест травы — едва уловимый. Я подняла глаза. Агата, шатаясь, пыталась подняться с колен. И при этом... она почти беззвучно смеялась.

— На похороны позовёте Пангу... — выдохнула она. — А лучше его тоже убейте.

У неё не было злобы в голосе, только усталость. И какая-то странная, мрачная ирония, как будто она уже не здесь, а смотрит на нас со стороны. Парень рядом с ней — тот, кого Веркс называл Самб — был без маски. Он резко поставил ладонь ей на макушку, сильно, с нажимом, и прижал вниз, заставив снова опуститься на колени. Агата даже не застонала. Она просто снова оказалась на земле, а её глаза продолжали смотреть куда-то сквозь. У меня медленно, бесшумно текли слёзы. Я их даже не чувствовала, пока одна не скатилась на губы. А потом вперёд вышел Веркс. Его походка, как у человека, которому уже всё принадлежит. Он встал прямо перед нами и бросил короткий приказ:

— Самб, ты — сюда. И ты тоже, — он кивнул парню, стоящему рядом со мной.

Они ровно встали рядом с ним, как будто для парада. Веркс поднял голос:

— Сегодня мы избавимся от двух девушек. Одна из них — сторонница OLC. Другая — информатор Синкопы.

Я сжалась, затылком будто ударили. Я уже сто раз думала, что меня убьют, но теперь, когда услышала, как это произносится вслух — стало иначе. Он знал, что это ложь, он знал правду, но Веркс продолжал верить в ту версию, которая ему удобна. Продолжал твердить, словно я передавала Синкопе сведения, будто помогала Мортену в краже наркотиков. А может, просто использовал это как повод, чтобы получить удовольствие от казни. Пару человек в строю не громко, но мерзко засмеялись. Кто-то бросил фразу, кто-то выругался в сторону OLC и Синкопы, будто нас убивают не за то, что мы сделали, а за то, что удобно приклеить к нам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.